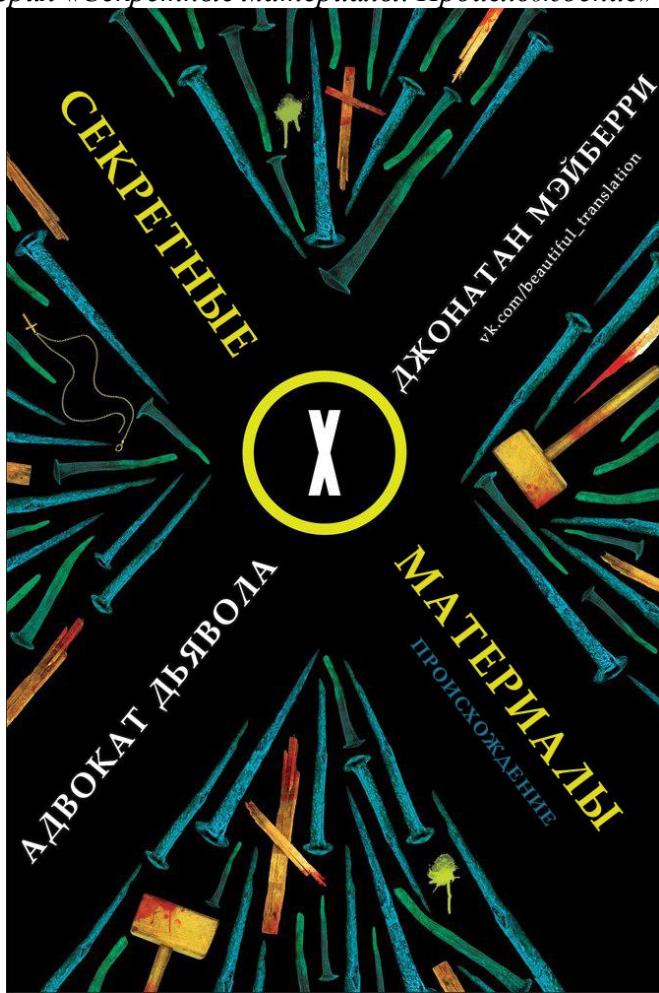

Джонатан Мэйберри

«Адвокат дьявола»

Серия «Секретные материалы. Происхождение» #2

Переводчик и работа над текстом – Лена Меренкова

Оформление – Наталья Павлова

Перевод выполнен для группы ВК - https://vk.com/beautiful_translation

Аннотация:

Как Фокс Малдер поверил? Как Даны Скалли стала скептиком? В этой серии вы найдете ответы на эти вопросы.

В этой книге вы увидите подростковые годы Даны Скалли, любимого персонажа культового сериала "Секретные материалы". Ее история начинается весной 1979, когда

в новостях появляются серийный убийца, кульпт и заговор правительства.

Вы увидите, как события в жизни Скалли изменили ее и подтолкнули к становлению агентом ФБР.

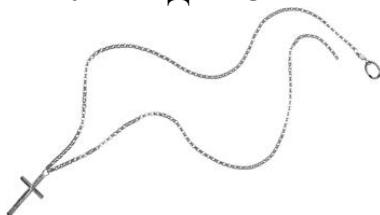
Для Кэтрин Розенбаум,
моей духовной сестры и друга.
Она всегда верила...

И, как всегда, для Сары Джо

Многое увиденное мною ставило под сомнение мою веру в упорядоченную вселенную, но эта неуверенность только усиливалась тягу узнать, понять, найти причину, по которой они такими казались.

– Дана Скалли, «Секретные материалы»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ АНГЕЛЫ И ДЕМОНЫ

Дьявол – тоже ангел.

– Мигель де Унамуно

ГЛАВА 1 Дом Скалли, Крейгер, Мэриленд 1 апреля 1979, 19:29

– Я хочу верить, – сказала Дана Скалли.

Мелисса Скалли посмотрела на сестру. Дана сидела в нескольких футах от нее, рыжие волосы спутал ветер, голубые глаза смотрели на темнеющее небо. Над вершинами деревьев зажигались первые звезды апреля. Убывающий полумесяц был низко, впивался в колокольню пустой церкви на улице напротив. Глубоко в траве стрекотал одинокий сверчок, зовя остальных, кто еще не родился.

– Верить во что? – спросила Мелисса. Она крутила прядь своих рыже-каштановых волос на пальце.

– Во все, – сказала Дана. Она сидела, обхватив руками колени, прижавшись к одному из них щекой. – В то, о чем ты говоришь. И в то, о чем всегда говорит бабуля, – она пожала плечами. – Во все это.

– Так, – Мелисса пожала плечами, – верь. Кто тебе мешает?

Дана долго ничего не говорила, было слышно только сверчка. Последние огни сумерек быстро догорали, полосы красного, золотого и лавандового, что были нарисованы на небе, сгущались до цвета гниющей сливы. Темного, фиолетового, уродливого. Волна грозовых туч двигалась с юго-востока, пахло морской водой и озоном. Хотя было необычно тепло для ранней весны, гроза несла с собой холодный и влажный воздух.

Когда Дана заговорила, ее голос был тихим, отдаленным, словно она говорила с собой, а не с Мелиссой.

– Потому что я не знаю, видения это или только сны.

– Может, это одно и то же.

Дана взглянула на нее.

– Серьезно? На прошлой неделе мне снилось, что Бо из «Придурков из Хаззарда»

встретился со мной в школе, и мы отправились кататься на его дурацкой машине, а потом мы целовались как безумные на парковке церкви.

– Ты ни с кем не целовалась.

– Не важно. Когда это будет... если будет... ты же не хочешь сказать, что это будет с парнем из сериала? Он старый. Ему за двадцать, так что это будет незаконно. Так что я не могу видеть свое будущее.

Мелисса рассмеялась.

– Ладно, может, не все сны пророческие, но некоторые могут быть. Порой такие сны очень важны.

– Откуда ты знаешь? – спросила Дана.

– Все это знают. Сны – *некоторые* сны – это наши внутренние глаза, открытые бесконечным возможностям.

Дана вздохнула.

– Ты всегда такое говоришь.

Они сидели и смотрели, как небо цвета синяка становится черным. Вдали на юге вспыхнула молния, она змеилась из грозовых туч. Послышался гул грома. Первые порывы ветра пробрались в ночь, шелестя листьями и поднимая уголки их покрывала. Мелисса закрыла глаза и подставила лицо ветру, улыбаясь от его ласки.

Ветер медленно утихал, и все снова стало неподвижным, только одинокий сверчок начал звучать отчаянно.

– Может, если ты расскажешь мне, о чем был сон, – сказала Мелисса, повернувшись к Дане, – я помогу тебе понять, сон это был или видение.

Дана покачала головой.

– Ладно тебе... ты весь день была не такой. Это тебя явно тревожит, так почему не поделиться?

Они вдруг услышали хлопанье крыльев и одинокий крик вороны высоко в небе, скрытой темнотой. Dana поежилась.

Мелисса опустила ладонь на руку сестры. Кожа Danы была покрыта мурашками.

– Ох, может, тебе сходить за свитером?

– Мне не холодно, – сказала Dana.

Мелисса нахмурилась.

Dana, наконец, сказала:

– Мне снилось... я видела... нечто плохое.

Ее голос был тихим. Он звучал младше, чем для ее пятнадцати лет. Мелисса придинулась ближе и обхватила рукой плечи Danы.

– Что ты видела? – спросила она.

Dana повернулась к ней, и лунный свет показал две бледные полоски на ее щеках. Серебряные дорожки от слез бежали неровно от глаз к подбородку.

– Дьявола.

ГЛАВА 2
Рядом с домом Скалли
22:07

Машина тихо подъехала, выключились фары и двигатель.

Два силуэта сидели спереди. Воздух был холодным, у них были подняты воротники, натянуты шляпы. Улица была тихой, падал легкий дождь, стучал по крыше машины, собираясь в лужи и шипя в траве. Влажный асфальт напоминал реку нефти, вьющуюся между потемневших домов.

Две фигуры смотрели на дом Скалли, сначала во тьме, а потом их озарила вспышка молнии вдали.

– Она все сделает, – сказал пассажир, нарушая долгую тишину.

– Уверены? – спросил водитель.

– Время покажет.

С заднего сидения донесся звук, мужчины обернулись к еще одной фигуре. Крупной и промокшой от дождя. Третья фигура, мужчина в темно-синей форме, сидел, согнувшись, скрыв лицо дрожащими ладонями, тихо всхлипывая.

– Прошу, – прошептал он. – Прошу, не надо...

Двое мужчин переглянулись и отвернулись.

Молния вспыхнула еще раз, очерчивая края дома бело-голубым свечением.

Мужчина за рулем улыбнулся, зубы вспыхнули, как молния.

– Она все сделает.

ГЛАВА 3
Дом Скалли
22:09

Дана молилась, чтобы этой ночью ей ничего не снилось.

Она молилась, стоя на коленях, сцепив руки и переплетя пальцы, пытаясь сосредоточиться на молитве, хотя мешала музыка из соседней комнаты.

Спальня Мелиссы была за тонкой стеной. Она была в том настроении, когда один альбом слушала по кругу. В этот раз это была пластинка «Fleetwood Mac», которая вышла четыре года назад, когда Мелиссе было тринадцать. Порой ее сестра слушала альбомы целиком, не делая пауз, только переворачивала пластинку, а порой слушала одну и ту же песню. До этого была «Rhiannon». Мелисса перечитывала книгу, что легла в основу песни, «Триаду» Мэри Лидер. Мелисса верила, что она, как персонаж в песне, была перерожденной уэльской ведьмой.

Это была Мелисса.

Дана вдохнула, зажмурилась и коснулась ладонью своего крестика на золотой цепочке, такой был и у Мелиссы, и попыталась снова прочитать молитву Деве.

— Святая Мария, Матерь Божья, помолись за нас, грешных, сейчас и в смертный час. Аминь.

Дана была не такой послушной, как хотела. Вера во что-то, что было частью духовного мира, давалась ей сложно, но и интересовала ее. Ей нравилась структура ритуалов и молитв, они были для нее как формулы. Она ходила в церковь, но не так часто, как хотела ее мать. Там были ответы, она знала, но, может, не на ее вопросы. Или инстинкты говорили ей, что церковь не собирается отвечать на все ее вопросы. Она не знала.

Она закончила молитву, поднялась с колен, села на край кровати и открыла свою Библию, где оставила закладку из перышка. Это было перо вороны, которое она нашла на нижней ступеньке крыльца. Dana проводила им под словами, пока читала. Второе послание к Коринфянам, одиннадцатая глава, четырнадцатый абзац: «И неудивительно: потому что сам сатана принимает вид Ангела света».

Эти слова ее беспокоили.

Переехав в Крейгер, Мэриленд, пару месяцев назад, Dana стала видеть более яркие сны. В Сан-Диего ее сны были странными, но забавными. Ей снился конец фильма раньше, чем семья смотрела его. Она знала чье-то имя без знакомства. Сны были как дежавю, потому она вспоминала их, когда часть сна становилась реальностью. Но таких снов не было много. Несколько в месяц. Они стали странными и темными здесь, в Крейгере. И стали появляться чаще. Может, дело было в городе. Может, в том, что Dana чувствовала себя здесь изгоем.

У нее еще не было друзей. Настоящих. Мелисса была на два года старше, она могла завести друзей всюду. Она была такой. А Dana — нет. Она знала, что ее сложно принять, потому что она все время была в своей голове. Не помогала и перемена, девять лет она была в католической школе, а на десятый год попала в обычную. Dana нервничала из-за нехватки строгости здесь, она привыкла, что все ходят в форме, следуют правилам. Ей было неуютно в школе, а Мелисса вела себя так, словно ее выпустили из тюрьмы.

Dana отложила Библию, почувствовала себя скованно и развернула матрас для йоги. Это было чем-то новым. Мелисса загорелась этим в Сан-Диего и считала, что йога — путь к просвещению. Dana была просто рада, что это разминало ее мышцы. Поза горы была легким началом. Она свела ноги вместе, расслабила плечи, равномерно распределила вес на руки и ноги. Она глубоко вдохнула и подняла руки над головой, ладони были направлены друг к другу, а руки — прямыми. Она потянулась кончиками пальцев к потолку. И задержала их там, сосредоточилась на дыхании, расслабив мышцы.

Йога была еще одним пунктом, что был странным для девушек в школе.

В школе была враждебность, и все это считали нормальным. Было какое-то невидимое разделение между военными и обычными людьми. Она видела это в Сан-Диего, здесь было так же, но это не задевало Мелиссы. Ее сестра всегда общалась с обеими группами, и ее принимали. Она нравилась. Дане было непросто.

Если бы в школе узнали, что снится Дане, они бы держались от нее подальше. Они бы не просто считали ее чудачкой... Они бы поняли, что она не такая.

Потому она держала сны при себе.

Как она могла объяснить то, что видела дьявола?

Она не рассказала Мелиссе всей правды. Она не рассказала ей, что эти сны у нее были с переезда сюда, почти каждую ночь. Что-то было в городе. Дане не могла просто описать это. Или понять.

Она устала от позы горы и легла лицом на матрас, чтобы сделать кобру. Она прижала ладони под плечами, вытянула ноги, носками уперлась в мат. А потом она напрягла таз, это всегда вызывало у нее странные ощущения, она опустила бедра и сжала ягодицы. А потом медленно и уверенно поползла по полу, чтобы поднять голову, плечи и верхнюю часть тела, удерживая нижнюю часть и ноги на месте. На максимальной точке она попыталась толкнуть грудь к противоположной стене. Идея была в том, чтобы двигаться, расслабляться, повторять, но она задержалась, чувствуя, как мышцы в нижней части спины разжимаются. С двумя щелчками что-то в спине встало на место. Пропало напряжение, что было в ее спине весь день.

Может, йога все-таки помогала.

Она расслабилась и повторила позу.

За стеной Мелисса пела с хриплым голосом вокалиста. Ее забрал ветер. Она была обещана небесам. Эти строчки вызвали вспышку других воспоминаний у Даны. Сны были разными, порой были лишь обрывки, словно она пыталась настроить антенну телевизора. Обрывки картинок, слов, но без истории в них. Одно было постоянным, и от этого Дане была растеряна и даже ощущала себя виноватой: в ее снах дьявол всегда выглядел как ангел. Чистый и красивый. Дане знала, что Люцифер был Ангелом света. Это смущало, ведь в католической школе она всегда представляла дьявола жутким и страшным. А если нет? А если он был красивым? Может, это объясняло, почему некоторые легко поддавались его чарам.

У ангела в ее сне были добрые глаза, нежные руки и немного печальная улыбка. Он сидел на краю ее кровати и шептал Дане секреты, которые она не помнила, когда просыпалась.

Но она знала, что дьяволу было важно, чтобы она ему верила. Чтобы верила, что он не злой. Что его не так поняли. Что он хороший.

Глубоко в сердце Дане задавалась вопросом, было ли зло. Если бог создал вселенную и все в ней, то он создал и зло, и дьявола. Зачем? Мог ли дьявол помочь богу, преследуя сбившихся с пути людей, направляя их к вере и спасению?

Она была уверена, что монахини в старой школе были бы в ярости, узнав о таких ее мыслях.

Дана поняла, что слишком долго была в позе, теперь напряжение вернулось в спину. Она опустилась на пол, перекатилась на спину и смотрела на потолок. Снаружи гудел гром, напоминая смех. Не смех на веселой вечеринке, не гулкий смех отца в редкие случаи, когда он был радостным. Нет, он был другим. Мрачнее. Коварнее. Словно ночь смеялась и не хотела делиться секретом. Ветер шипел змеями среди деревьев.

В соседней спальне песня началась снова, ее сестра пела, а часы тикали в ночи.

ГЛАВА 4

Крейгер, Мэриленд

23:59

— Все хорошо, — сказал мужчина. — Я тебе не наврежу.

У него было лицо ангела, таким он был для нее месяцами. Ее ангелом. Таким же настоящим, как любой ангел, в которого она верила.

Его голос был нежным и юным, но глаза были старыми, и от этого она вздрагивала. Голова ее болела, комната словно раскачивалась. Что-то не так было с ее головой, она это знала, но не могла вспомнить, что произошло.

Машина? Что-то с ней? Да, нет... возможно?

Она умела водить?

Девушка помнила, как ушла с вечеринки, вспомнила, как ей не понравилось, как один парень трогал ее. Или как другие парни смотрели на нее и смеялись. Она ощущала себя куском мяса на вертеле, который крутился и жарился на горячем огне их улыбок.

Девушка пыталась думать, прояснить мысли, но это было слишком сложно. Думать было больно. Она ощущала тупую боль, словно ладони сжимали ее череп, за глазами пульсировала тяжесть. Было почти так же плохо, как мигрень, но ощущалось иначе. Она ощущала себя иначе. Боль была похожа на ту, когда у нее были такие сильные колики, что вызывали мигрень. Было так же плохо, но боль была свежей, новой. Резкой.

Она резко поняла, что ее мысли ускользают не туда, и вырвалась из дурмана. Она была в углу, идти было некуда. Ее плечи ударялись о стену, было холодно. На полу были ржавчина и мусор.

— Все хорошо, сестренка, — сказал мужчина — ангел — и ей пришлось несколько раз моргнуть, чтобы прояснить зрение и увидеть его. Увидеть его странные старые глаза и подлую улыбку.

— Зачем вы это делаете? — спросила она, ее голос был скрипом ржавой цепи, обычно она так не звучала. Горло тоже болело. Она кричала? Потому ее голос так звучал? Возможно. Кричать ей хотелось. Это она сделала могла.

— Я ничего не делаю, — сказал ангел. — Ты сама предложила мне подарок. Это ты помогаешь приблизить рассвет Красной эры.

— Н-нет! — выпалила она.

— Руки рая готовы обнять тебя, поблагодарить, принять такой прекрасный дар, отданый по доброй воле.

— Прошу... — сказала она, а потом поняла, что ее ноги подгибаются, предательские колени дрожат. Она рухнула перед ним, он приближался. За ним в треснувшее стекло лился свет фар. Постоянный. Неподвижный. Машина ее мамы? Он приехал на этой машине, или она сама приехала сюда? Девушка не была уверена. Она знала лишь, что, если машина здесь, у нее большие проблемы. Было слишком поздно.

Не по времени, хотя так тоже было поздно, она не сомневалась.

Нет. Было поздно для всего.

Ангел склонился перед ней, обхватил ее ладони. Он сжал ее ладони вместе перед ее грудью, словно она молилась. А потом он склонился и поцеловал кончики ее пальцев. Его веки затрепетали и закрылись.

— Спасибо, — нежно сказал он.

— Прошу, — взмолилась она.

Это было ее последнее слово.

Потом она могла только кричать.

ГЛАВА 5
Дом Скалли
2 апреля, 00:01

Дана проснулась с воплем.

Тихим, сдавленным, полным боли. Он вырвался из ее груди, пронесся по горлу и умер в темном неподвижном воздухе ее комнаты.

Этот крик не был бессмысленным.

В нем было слово.

«Прошу!».

Она кричала с необходимостью и ужасом, с отчаянием, какое только могло уместиться в одном слове.

Она села, задыхаясь, истекая потом, глядя, как в тенях вокруг нее вспыхивали, как по волшебству, фейерверки, звук ее крика угасал, угасал, угасал...

...и пропал.

А с ним и то, о чем был сон.

Большая его часть забылась. Но не все.

Она видела вспышку света на металле. Ощущала жжение на своей коже. Не одно, а несколько, но когда она ощупала свои запястья, бок и голову, ничего не обнаружилось. Ни порезов, ни синяков, ни следов теплой крови.

Ничего.

Кроме воспоминания о ноже.

Кроме ощущения убийства.

Кроме ощущения смерти.

И чего-то еще. Лицо. Подростка или юноши. Он был высоким, хоть и пригибался. Широкоплечим. Сильным. Но его лицо было размытым. Не скрытым тенями. Это были не тени. У него не было настоящего лица. Вместо его лица была только тьма.

«Прошу...».

Она попыталась повторить слово, послушать его снова, потому что была уверена, что оно было произнесено не ее голосом, хоть и вырвалось из ее рта.

Ночь стала тихой. Вспышки света угасли, с ними ушли и силуэты и звуки, осталась только ее комната. Она свесила ноги с кровати, разглядывала тьму, пытаясь ощутить ее, но с таким успехом можно было использовать разряженную батарею.

Сон угасал, как и ее уверенность, что что-то произошло.

Дана сидела на краю кровати долгое время, не зная, сон это был или кошмар. Это могло быть видение.

Или она могла быть немного не в себе.

ГЛАВА 6

Дом Скалли

06:29

— Ох, — сказала Мелисса, поднимая джинсовый рюкзак, — что с тобой этим солнечным утром понедельника?

Дана запихивала в розово–голубой портфель учебники по математике и не только, не глядя в глаза сестре.

— Ничего. А что?

— Эм... ты смотрела в зеркало? Мешки у тебя под глазами похожи на сумки. Ты вообще спала?

Дана застегнула портфель и надела его плечи. Он был тяжелым, полным учебников, белой ги для занятий джиу–джитсу и вещами, которые ей могли и не понадобиться. Она поправила лямки, но он все равно весил тонну. Рюкзак Мелиссы выглядел как почти пустой, потому что она брала учебники только в дни тестов. Дане нравилось читать наперед и готовиться к тому, что учителя бросят ей. Одним из ее самых больших страхов было оказаться неподготовленной к опросу. От мысли об этом ее прошибал холодный пот. Хотя учителя в Крейгере были мягче, чем монахини в Сан–Диего.

Не от этого она ворочалась всю ночь, но она не хотела говорить о своих снах.

— Меня будил гром, — сорвала Дану. Она взглянула на сестру краем глаза и увидела недоверие.

— Ага. Гром.

— Он был громким.

— Угу.

Раздался звук, похожий на несущийся на всей скорости мотоцикл, мимо что–то мелькнуло. Dana успела уловить рыжие волосы, веснушки на щеках, полосатую рубашку и поношенные кроссовки, мимо нее промчался самый юный из Скалли, прорвался в дверь, выбежал на крыльце и пропал. Десятилетний Чарли был таким. Он был почти призраком в семье, редко с кем–то общался, постоянно жил в своей голове, затерявшись в своей фантазии. Он добавлял звуковые эффекты и порой напевал музыку для своих приключений. Папа не одобрял грэзы Чарли и его увлечение комиксами и фантастическими фильмами. Мама с любовью прощала это, но не понимала. Мелисса и Dana любили его, но редко с ним общались. И их старший брат, Билл–младший, относился к Чарли как к щенку.

Жизнь в доме Скалли была непростой.

Dana вышла на крыльце и увидела, как Чарли запрыгивает в школьный автобус. Он никогда не ходил. Он бегал, прыгал, скакал, нырял и падал. Автобус поехал, она уловила в окне его бледное улыбающееся лицо. Он показал пальцами знак мира, она ответила тем же

Она стояла на верхней ступеньке крыльца и смотрела на большую церковь напротив. Она была неловкой смесью красного кирпича, серого камня и выгоревшей черной черепицы. Готическая и пустая. Она пугала Danu, и прохладное утро казалось еще холоднее.

Не такое она хотела видеть после снова о падших ангелах.

Было не по себе видеть заброшенное место богослужений, где остались лишь тени. Соседка, миссис Коули, говорила, что ее использовали как католическую церковь святого Иоанна, но пару лет назад здесь был большой пожар. Несколько человек умерло в нем, включая двух монахинь, священника и пятерых из прихожан. Здание отчасти восстановили, но оно уже не было посвящено святому Иоанну. Другая группа въехала сюда. Так она это называла. Другая «группа». Никто из соседей не знал, католики там или протестанты, хотя миссис Кармоди, живущая дальше по улице, говорила, что слышала, что это какая–то группа, исповедующая все религии.

Отец Дана скалился от этих слов и отогнал их, посчитав, что это выдумки хиппи, а когда мама указала, что дни хиппи уже прошли, он только фыркнул. Так проходило большинство разговоров в доме Скалли.

Дана поправила лямки портфеля и подумала, что значит пустая церковь. Если католики не возвращались, то церковь была официально отвергнута, больше не была домом Бога. От этой мысли Дане стало страшно, и здание показалось не просто пустым, а брошенным. Людьми и Богом. Она не видела людей, ремонтирующих его. Иногда было слышно молотки и бензопилы, но не было видно людей. Странно. Страшно.

«Дурочка ты, – сказала она себе. – Прекрати».

На крыльце вышла Мелисса. Она была в ярко-синем свитере, от которого ее рыжие волосы словно пылали.

– Автобус?

– Не сегодня, Мисси, – сказала Дана. Она была в бежевом вязаном свитере, который получила на Рождество. И хотя было начало весны, ей было холодно. Ей всегда было холодно, но этим утром холод проникал глубоко, она не могла его прогнать. – Время есть.

До школы была миля ходьбы, и, хотя ездил автобус, им нравилось ходить.

Крейгер был странным городом. Население было небольшим, но занимало большую территорию из-за просторных ферм. Днем прохожих было много, а ночью он напоминал город-призрак. Каждое утро на автобусах из Балтимора и других городов приезжали сотни рабочих на фермы, а на закате уезжали. Высшая школа и средние были магнитами для учеников со всего графства, но большая часть учеников пропадала в автобусах днем. Небольшой «центр» города был умеренно людным, но по ночам и на выходных Крейгер напоминал темную сторону луны.

Но это был довольно милый городок. Очень зеленый. В Сан-Диего росли кактусы и пальмы, мало травы и лиственных растений. Апрель в Крейгере был тысячами оттенков зеленого, от почти фиолетовой травы гречки заметной, до яркого мяты и темно-зеленого плевела. Дана читала книги по флоре и фауне Мэриленда, когда папа сообщил, что их отправят туда. Ей нравилось узнавать растения, цветы, деревья, птиц и насекомых. Все было упорядоченно, помогало ей прочно стоять на ногах, какими бы странными ни были ее сны.

Она не знала, как Мелиссаправлялась с этим, потому что, казалось, ее сестра всегда идет через все, паря над травой в порывах ветерка. Так онаправлялась с постоянными сменами городов, школ, друзей, с жизнью в семье военного, со ссорами в доме и длинными безмолвными ужинами. С невозможностью пустить корни.

– Опять был сон, да? – спросила Мелисса, они пересекали улицу Элк, дом в стиле ранчо, сад вокруг которого был взрывом аквилегий и колокольчиков.

– Дело в буре... – начала Дана, но Мелисса прервала ее.

– Тебе. Опять. Снился. Сон, – сказала Мелисса, отделяя каждое слово, тыкая в руку сестры. Сильно.

– Ай, – возмутилась Дана. Они прошли половину квартала. – Хорошо. У меня был сон. Пустяки.

– Расскажи, какой сон.

Дану раздражало то, что ее сестра считала, что сны были интересными и чудесными. Словно там было веселье.

Дана не хотела говорить о своем сне. Она оглянулась через плечо и увидела силуэт пустой церкви на фоне утреннего неба.

– Ну дава-а-ай, – протянула Мелисса. – Ты знаешь, что я не отстану, пока ты все не расскажешь.

Они пересекли улицу и обошли пару учеников средней школы, бредущих к автобусной остановке.

– Я расскажу, – осторожно сказала Дана, – но ты пообещаешь, что не будешь сильно шуметь из-за этого.

– А когда я так делала?

Дана посмотрела на нее.

– Хорошо, – сказала Мелисса. – Справедливо. Но теперь я так не сделаю, ладно?

– Обещаешь?

Мелисса начертила крест на сердце и вскинула руку.

– Пусть меня ударит молния.

– Не говори так.

Мелисса покачала головой.

– Ты странная сегодня.

– Знаю.

Мелисса вытащила леденец на палочке из рюкзака, сунула в рот и стала громко сосать его.

– Расскажи.

Дана так и сделала. И удивила себя, рассказав сестре все. В подробностях. Мелисса не смеялась. Не издевалась над Данной. Но и не придала этому большого значения. Вместо этого она нахмурилась и погрузилась в задумчивую тишину. Они прошли три улицы, не проронив ни слова.

Когда тишина затянулась, Dana повернулась к Мелиссе и спросила:

– Мисси... ты думаешь, что я схожу с ума?

– Нет, – сразу сказала Мелисса. – Не думаю.

– Тогда... что это значит?

Мелисса хрустела леденцом. Она делала так, когда была счастлива или нервничала. Сейчас она счастлива не была.

– Не знаю, – сказала она. – Может, это...

Она не успела ответить, кто-то крикнул:

– Эй, Рыжая и Рыжее!

Они обернулись, два ученика шли по улице. Говорил Дейв Миндерьян, он был из тех парней, которые хотели погулять с Мелиссою. Он был с сестрой, Эйлиной, которая была на класс старше и порой пересекалась на занятиях с Даной. Они были худыми, спортивными, с темными волосами и карими глазами. Эйлин была милой болельщицей, но не из настырных. Она была книжным червем, но ей нравился спорт. Дейв был в школьной команде по футболу. Они были в одинаковых школьных жилетках. Дейв был еще и в зеленых брюках, а Эйлин – в новых и очень узких дизайнерских джинсах. Dana не знала, почему Мелисса не выберет Дейва. Он был милым, и она не возмущалась из-за того, что он называл сестер Скалли – Рыжая и Рыжее.

– Ого – сказал Дейв, – все так странно, да?

– А? – сказала Dana.

– Насчет Мейси.

– Кого?

Он странно на нее посмотрел.

– Мейси из школы? Ее убили прошлой ночью.

ГЛАВА 7

Крейгер, Мэриленд

6:42

– Что?

Дана почти прокричала это.

Дейв и Эйлин замерли на миг и удивленно уставились на нее.

– Она была тебе подругой? – спросила Эйлин, вдруг встревожившись, а потом строго посмотрела на брата. – Это все ты, балда. Нельзя такое сообщать людям без предупреждения.

Дейв вскинул руки, словно защищался от нее.

– Ой–ой! Откуда я знал, что Dana дружила с Мейси? Прости, Рыжая.

– Ничего, – сказала Dana. – Я… просто не ожидала.

Эйлин коснулась ее руки.

– Ты в порядке?

– Прости, – быстро сказал Дейв. – Вы были близки?

– Нет, – сказала Dana. – Я… совсем ее не знала. Просто…

Мелисса вступилась.

– Все хорошо. Вряд ли Dana ее знала лично.

– Точно, – сказала Dana. – Я не знаю, кто это.

– Мейси была старше нас, – объяснила Мелисса. – Я хожу – ходила – в спортзал и на социологию с ней. Это потрясение, понимаете? Кто–то из нашей школы…

– Как это произошло? – спросила Dana. – Где? Поймали?

– Погоди… что? – Дейв растерялся. – Кого поймали? За что?

– Убийцу поймали?

Эйлин покачала головой.

– Ох… все было не так. Копы говорили не так. Мейси не убита. Нет. Она погибла в аварии.

– Ох…

Dana не знала, рада она или нет. Она не радовалась. Она поняла, что все смотрят на нее.

– Ох, – она сменила тон. – Это кошмарно, то есть. Что случилось?

Они пошли все вместе, Эйлин была с ее стороны, Дейв – рядом с Мелиссой.

– Насколько я слышала, – тихо сказала Эйлин. – Она была пьяной.

– Она? – сказала Мелисса. – Мейси Белл? Ни за что.

– Ты знала ее? – спросил Дейв.

– Не очень хорошо, видела ее в классе. Но она не похожа на человека, любящего такое.

– Насколько я слышала, – не сдавалась Эйлин. – Она была на вечеринке за городом, ехала на машине мамы. Было поздно, она врезалась в дерево.

– Авария, – кивнул Дейв. – И никто не виноват. Только она и ее выбор.

Dana не знала, цитирует ли он кого–то. Но это звучало похоже на слова родителей за завтраком.

– Это так печально, – сказала Мелисса. – У нее был кармический долг, она отплатила его и покинула планету.

Никто не комментировал. Редкие говорили, когда Мелисса произносила такое. Дейв и Эйлин хмуро кивнули, словно соглашались со словами Мелиссы, но Dana уловила, как они быстро переглянулись. Они были удивлены, сдерживались, но точно были потрясены. Dana была согласна. Некоторые новые увлечения сестры она разделяла, но Мелисса заходила все дальше со своими разговорами о духовных путешествиях, связи с древними существами и прочим, и было сложно за ней проспевать.

– Это так странно, – сказал Дейв.

– Что? – спросила Дана. – Такая ее смерть?

Дейв покачал головой.

– Нет, она. Многие так оставили нас. Мейси уже пятая в этом году.

– О чём ты? – потрясенно спросила Дана.

– Вы с Мелиссою здесь новенькие, Дана, – сказала Эйлин. – Вы переехали в районе Рождества?

– После Дня благодарения, но в школу пошли после рождественских каникул. Мама какое-то время учила нас в школе, и…

– И вы не знаете, что было до этого, – перебил Дейв. – Мейси – не первый подросток Крейгера, погибший в аварии. Она пятая.

– Что? – хором охнули Мелисса и Дана.

– Ага, – кивал Дейв. – Пятеро с начала учебного года. Двое из ФСК, трое из Оук Волли Хай за городом.

– Что? Это ужасно! – прошептала Мелисса.

– Подумай, каково нам, – сказала Эйлин.

– Я знал только Мейси и Чака Райли, они оба из ФСК, – сказал Дейв.

– Мне очень жаль, – сказала Дана, не зная, что еще сказать.

Эйлин сказала:

– Говорят, все они были навеселе. Пьяные или от наркотиков.

Дана нахмурилась.

– Звучит так, словно вы не верите.

– Чак мог бы таким быть, – сказала Эйлин, убиравая с лица прядь волос. – Он зависал со старшим братом и странными парнями. Но Мейси? Нет уж. Я не говорю, что она была идеальной, но в таком была настроена решительно. Меня не переубедить. Я слышала, люди говорили такое и об остальных. Никто не верит, что они были пьяны. Никто из нас. А копы так говорят. И учителя, – она вздохнула. – И потому мы получаем лекции об опасности наркотиков, bla-bla-bla. Это бред. Мейси точно не напилась бы.

– Меня все это пугает, – сказал Дейв. – Мне семнадцать, нам еще рано думать о смерти.

– Но все умирают, – сказала сухо Эйлин.

– Смерть – это порог, – возразила Мелисса.

Дейв тряхнул головой.

– Возможно. Но что тогда на другой стороне?

– Мы меняемся и перерождаемся, – сказала Мелисса. – Возвращаемся к источнику и принимаем новый облик, чтобы продолжать путь к просвещению.

Дана боролась с желанием закатить глаза. Эйлин отвела взгляд на миг, и Дана поняла, что та закатила глаза.

– Возможно, – снова сказал Дейв, – но это теория. И я пытаюсь быть открытым всему, но никто точно не знает, что там у мертвых.

– Но все мы узнаем, – сказала Эйлин.

– От этого о случившемся думать не проще, – сказал Дейв. – Мейси ходила в нашу школу, жила по соседству. Мы знали ее. Не очень хорошо, но знали. Достаточно, чтобы она жила в нашем мире, …если это понятно.

Дана удивленно взглянула на него, прошла пару шагов в тишине, оценивая его. Она знала, о чём он, знала, что тема была глубокой. И пугающей. В детстве она верила в мнение воскресной школы о небесах. Ее вера менялась с возрастом, она больше читала, глубже думала, серьезно все воспринимала.

Разговор продолжался, она шла с остальными, но слушала свои мысли. Дейв задел больное место. «Никто не знает, что там у мертвых», – была ли душа Мейси, ее разум, еще там, помнила ли аварию, боль, смерть? Это была ужасающая мысль.

Они говорили о Мейси по пути в школу. Дане казалось, что Смерть все время шла с ними.

ГЛАВА 8

Региональная старшая школа Францис Скотт Ки

7:06

Школа оставалась школой.

Уроки начинались по звонку. Коридоры наполнялись и пустели. Директор делал объявления, которые было сложно разобрать из-за плохих колонок в классах. Учителя пытались учить, а ученики – по большей части – старались не учиться. Нормально.

Но было совсем не так.

Все постоянно общались, строили догадки и сплетничали. Девочки, которые дружили и знали Мейси, собирались в группы и вели себя подавленно. Дана смотрела на это, но не играла. Она не встречала Мейси, даже не знала, как та выглядит. Но почему-то ей было стыдно не знать ученицу, которая погибла. Это казалось неуважением, хотя Дана не могла понять, почему. Она решила пойти в воскресенье к церковь и поставить за нее свечку.

День тянулся, и она поняла, как мало участвовала в жизни школы. У нее не было круга друзей. Даже Дейв и Эйлин не рассказали бы ей про Мейси, если бы Дейв не был влюблен в Мелиссу. Дана порой ощущала себя невидимой. Как призрак. И такие мысли пугали ее.

Между английским и спортзалом у нее было окно, и она решила провести часть его в библиотеке, пытаясь найти книги о религиозных видениях (ничего), психологическом ущербе (тоже ничего) и снах (ничего). Она недовольно покинула библиотеку и отправилась в спортзал, чтобы раньше переодеться. Ей не нравилось переодеваться, когда вокруг были другие девочки. В отличие от сестры, Дана смущалась, когда была в нижнем белье рядом с другими. Она была крохотной, худой, без изгибов. Пока что. Мама говорила, что изменения могут начаться позже, но они точно будут. Мелисса выглядела на двадцать, когда ей было двенадцать. Мама пыталась объяснить Дане, что выглядеть так в таком возрасте не весело, но Дана всегда завидовала фигуре Мелиссы.

«Очарование, заметная личность, чувство юмора и грудь, – перечисляла Дана плюсы сестры. – А я? Задумчивость? Хорошие оценки? Странное поведение? Ага, так я парней и завоюю».

Предыдущий урок физкультуры еще шел, и раздевалка была пустой, и Дана открыла свой шкафчик и быстро разделась, а потом натянула страшный голубой костюм без рукавов и штанин, такой была форма девочек в школе. Хорошо было только то, что в этой форме никто, даже Донна Бертрам, похожая на Фарру Фосетт, не выглядела хорошо. Она думала, что одна здесь, пока за ней с тихим щелчком не открылся шкафчик. Дана развернулась, вздрогнув, и увидела девушку, заглядывающую в шкафчик.

– О, прости, – сказала Дана, хоть и не знала, за что извинялась.

Девушка выудила что-то из шкафчика.

– Круто. Я думала, что одна здесь.

– Я тоже.

Девушка была ростом с Дану, но крупнее, с густыми черными волосами. Она была в красивой голубой блузке и короткой юбке, и Дана была удивлена, что учителя не отчитали ее за такую длину. Колготки тоже было странно видеть в школе. И красивые туфли. На ее шее был необычный кулон – черный диск из оникса, окруженный завитками золота в виде огоньков, это было похоже на солнечное затмение. И хотя Дана никогда не видела такое украшение, было в нем что-то удивительно знакомое.

Дана отвернулась и начала застегивать форму на пуговицы. Тишина в раздевалке давила, казалось, ее нужно чем-то заполнить. Дана не умела болтать, она могла лишь спросить о погоде. Но сегодня все было иначе, и Дана ухватилась за большую тему.

– Как жаль, что такое случилось с Мейси, да?

Шум в шкафчике затих.

– Мейси? А что? Что с ней случилось?

– О... ты не слышала? – она оглянулась через плечо, но девушка все еще рылась в шкафчике.

– Нет. Что случилось?

– Авария, – сказала Дана, – и она погибла.

– Авария? – сказала девушка.

– Так говорят. Она врезалась в дерево после вечеринки. Так печально. Ты ее знала?

Девушка вытащила руку из шкафчика и стояла, опустив руки по бокам, склонив голову, ее плечи сжались.

– Так умерла Мейси? – спросила она, не разворачиваясь.

– Так они говорят.

– Кто?

– Что? – спросила Дана.

– Кто говорит, что это произошло?

– Не знаю... Все, наверное. Это по всей школе.

Она видела, как плечи девушки задрожали, еще до того, как услышала всхлип. Девушка сжала кулаки и согнулась, словно ее ударили в живот эти новости.

– Мне очень жаль, – сказала Дана. – Ты с ней дружила?

Всхлипы было ужасно слушать. Они были громкими, сломленными. Дана шагнула к ней, потянулась и почти коснулась, но замерла. Мелисса знала бы, что сказать, но не она.

Она могла лишь повторять: «Мне жаль». Снова и снова.

Через миг грудь Даны пронзила боль в сердце. Она была обжигающей, но, как только Дана коснулась места, боль угасла. Девушка развернулась и закричала.

Этот был самый громкий звук из всех, что Дана слышала. Он заполнил комнату и ударил по ней волной, отогнал ее к своему ряду шкафчиков. Она врезалась в холодный металл, зажимая руками уши.

И застыла.

Девушка стояла перед ней, уже не горбясь, подняла голову, раскинула руки, растопырив пальцы. Ее глаза были такими большими, что вокруг карей радужки было видно белки. Ее густые волосы развевались, отчасти закрывая ее лицо, словно в комнате был ветер, чего точно не наблюдалось.

Дана не могла двигаться. Она могла лишь смотреть, раскрыв рот, с такими же большими глазами, как у девочки.

Она видела бледное лицо, бледную кожу, но теперь это все менялось.

Блузка девушки была изорвана. Как и юбка. Ее колготки были в дырах, дорогие туфли были в грязи и ободраны, кулон пропал, на шее остался красный след, словно цепочку сорвали силой. Девушка истекала кровью.

Началась с одной капли, которая вытекла из-под темных спутанных волос на лоб, а потом добралась до брови. Кровь была темно-красной, блестящей.

– Ты... – начала Дана, но слова умерли в ее горле, когда вторая капля крови потекла по ее бледному лбу. Третья. Четвертая. Все больше капель текло по лицу девушки. – О, нет... что случилось? Ты в порядке...?

Ее слова утихли, когда она увидела запястья девушки. Сначала они были гладкими, без отметин... а потом кожа опухла, словно ее что-то ранило.

Что-то острое.

Кожа разорвалась, и кровь потекла по запястьям.

Дана ощутила, как паника пылает в ее груди, потрясение, страх и отчаянное желание сделать что-нибудь бушевали в ней.

– Помоги... – прошептала девушка, теперь ее голос был тихим, словно отдаленным, но полным боли.

– Тебе нужно к медсестре, – сказала Дана, вырвавшись из онемения и поспешив к раненой.

– Нет! – завопила девушка. – Не трогай меня!

Она задрожала, ткань ее одежды порвалась на левом боку, кровь простила на сильной ране.

Дана застыла от ужаса и потрясения.

– Нам нужно в медпункт. Ты можешь идти?

И тогда она увидела кровь на полу. Она текла из ужасных ран на ногах девушки в ее туфли и лужу на полу. Желудок Даны сжался, ее завтрак грозил выйти из нее. Она с усилием сглотнула и отпрянула от растекающейся красной лужи.

– Прошу, – взмолилась она, – как я могу помочь?

Девушка снова содрогнулась, голова повисла, но руки оставались раскинутыми, словно ее руки что-то держало у шкафчиков. Нет, не ладони... запястья. Ладони дрожали, пальцы сжимались, как умирающие пауки, но запястья были прижаты к металлу. Словно прибиты. Dana попыталась схватить ее за руку, подумав, что она прилипла, зацепилась за кусок металла...

– НЕТ! – заорала девушка. – Прошу... стой... Не делай этого... прошу...

Слова ударили по Дане, ее ладони тянулись помочь.

– Я могу помочь, – сказала она.

Но девушка покачала головой.

– Зачем ты это делаешь? Я не рассказывала никому о Красной эре, клянусь. Прошу, Боже, не...

– Я позову на помощь! – закричала Dana, не зная, что еще сделать. – Жди здесь... прошу.

И тут Dana поняла, что девушка не просто ранена. Раны на голове, боку, запястьях и ногах не были случайными.

Это были стигматы.

Раны Иисуса Христа. Терновый венец, копье, пронзившее бок, гвозди, держащие его на кресте. Все было здесь. Все было наяву, и это было ужасно.

Она развернулась и побежала, крича на помощь, зовя учителей, медсестру, хоть кого-то. За ней девушка лепетала и просила Дану не трогать ее, не ранить ее. Молила ее.

Dana ворвалась в спортзал, где шестьдесят девушек командами играли в выбивалу, миссис Фразер, учитель, скучающе наблюдала за ними.

– Помогите! – закричала Dana.

Все застыли, развернулись, и брошенный мяч ударил девушку по плечу, отлетел и проскакал по полу, только эти звуки и эхо ее крика слышались в зале.

А потом все побежали, завопили, низкая и пухлая миссис Фразер была впереди всех. Dana развернулась, и они следовали за ней, как волна, в коридор и раздевалку.

– Сюда, – указала Dana. – Она в крови. Она ранена.

– Покажи, – рявкнула миссис Фразер. – Все стойте здесь.

Приказ был яростным, но никто его не послушался, девушки столпились в коридоре и ворвались в раздевалку.

– Следующий ряд, – выдохнула Dana, едва дыша, боясь, что она ошиблась. Стоило оказать первую помощь? Она умела. Они с Мелиссою научились у моряка, знакомого отца из Сан-Диего. А если девушка истекла кровью?

Вопросы сталкивались в голове, пока они огибали ряд шкафчиков к месту, где она оставила раненую.

Миссис Фразер прошла мимо нее, но застыла. Dana врезалась в нее и отлетела. Остальные девочки столпились, толкаясь, и застыли. Все смотрели.

А там ничего не было.

Пустой ряд шкафчиков.

Чистый пол.

Ни капли крови на дверцах. Не было лужи на линолеуме. Там ничего не было.

– Но... но... – лепетала Dana. Она проверила другой ряд, хотя знала, где видела

девушку. Дверца ее шкафчика была открыта, рукав свитера свисал оттуда. Следующий ряд был пустым, а за ним и другой. Учитель шла за ней, заглядывая в каждый ряд, проверив душ, каждую кабинку. Сушилку. Фойе, откуда шел коридор в подвал школы.

Ничего.

Девушки толпились, испуганные и растерянные, они смотрели на пустые ряды шкафчиков.

Миссис Фразер медленно повернулась к Дане.

– Если это шутка, – сказала она ледяным тоном, – то это ни капли не смешно.

Другие девушки отошли от Даны и встали возле учительницы. На их лицах были сомнения и гнев. Некоторые шептались и хихикали.

– Но я видела ее, – не сдавалась Dana. – Она была ранена. Истекала кровью. Вон там.

– Где там?

Dana поспешила к ряду шкафчиков и прижала ладонь к закрытой дверце.

– Здесь. Она открывала шкафчик.

Миссис Фразер застыла, и Dana услышала оханье девушек. Dana посмотрела на них. Теперь никто не смеялся. Некоторые зажимали рты руками, их глаза были огромными. У двух на глазах были слезы. Несколько девушек злилось, словно хотело ударить ее.

Миссис Фразер подошла к Dana. Она была всего на полдюйма выше, но возвышалась над Даной, ее глаза пылали, щеки порозовели, палец дрожал в дюймах от лица Dana.

– Если это жестокий розыгрыш, девочка... – сказала она, оставив, значение было понятным.

– О чем вы?

Миссис Фразер ударила по шкафчику с грохотом выстрела. Все затихли, Dana удивленно и испуганно вскрикнула.

– Бедная девочка, может, и совершила ошибки, – сказала миссис Фразер. – Может, ей не стоило быть на той вечеринке, может, она что-то курила. Мы не знаем, что там было... но это не дает тебе права так шутить.

– Шутить? Я не... Какая девочка? Чей это шкафчик?

Но Dana уже знала.

Она посмотрела на запертую дверцу, а потом на пол, где была кровь, а потом в недовольные глаза миссис Фразер.

– Мейси...? – прошептала она.

ГЛАВА 9

Крейгер, Мэриленд

14:19

— Истерика? — сказала Мелисса. — Серьезно?

— Серьезно, — прорычала Дана. Они были вне школы, шли по улице к центру города.

— Что они сделали?

Дана фыркнула.

— Сначала отвели к директору, и он кричал на меня.

— Мистер Штернхольц еще тот тролль. Вряд ли он улыбаться умеет.

— А потом я час пролежала в кабинете медсестры. Они позвонили маме, конечно. Не знаю, что она сказала, но после разговора мистер Штернхольц выглядел так, словно его обокрали в переулке.

— Это же мама.

Они кивнули. Их мама была тихой и пассивной женщиной, пока вопрос не заходил о ее детях. Она никогда не повышала голос, не ругалась и не угрожала, но все сразу улавливали ее намек.

Они добрались до места, что стало центром их жизни последние несколько месяцев. Это было старое здание персикового цвета, стоявшее одиноко на углу ближе к центру Крейгера. Название «Вне пределов» было нарисовано на дереве над окном, буквы были радужных цветов, присыпанные блестками. Двери было две. Большая, на главной улице, вела в магазин, продающий благовония, исцеляющие кристаллы, альбомы тибетских монахов, народные инструменты, типа австралийских диджериду, чилийских флейт, бусин из Африки и Коста-Рики и икон всех религий мира и тех, которые, как думала Дана, появились недавно. Длинные стеклянные витрины обрамляли стены, маленькие столики с товарами превращали зал в лабиринт. Маленькая дверь сбоку на улице Каллиопа использовалась учениками и членами разных групп, которые собирались здесь для йоги, медитации, массажа рэйки и клуба анонимных алкоголиков. Две части магазина разделяла арка с табличкой «Кофе-бар», окруженной десятком летающих малазийских фигур сфинксов, драконов и летучих мышей, изображенных от руки.

Девочки прошли в боковую дверь и направились к любимому месту у арки. Там были две стойки регистрации, одна впереди, от магазина, а другая под аркой, отделенная от них кабинки тонкой занавеской, так что звуки оттуда заглушали от остальных слова Даны и Мелиссы.

«Вне переделов» было людным местом для такого маленького города, люди постоянно прибывали со всего региона. Кроме их школы, куда ходили со всей округи, это было единственное шумное место в Крейгере.

Дана любила магазин, хотя многое в нем было слишком уж в новинку для нее. Но люди здесь были добрыми. Они были сосредоточены на позитиве, мире, развитии души, и было сложно найти в этом огрехи.

Они сидели какое-то время и обсуждали странный случай в школе, пытаясь его понять. Мелисса заставила Дану описывать все в деталях.

— Распята как Иисус? — сказала она, когда Дана закончила. — Это жутко.

— Ты не представляешь. И она говорила что-то про Красную эру.

— Красная эра? — повторила Мелисса. — Что это?

— Понятия не имею. Я вообще ничего не понимаю.

Дана заметила, что Мелисса несколько раз за время их разговора касалась блузки спереди, где под ее одеждой прятался крестик. Дана не знала, понимает ли Мелисса, что часто делает это. Эту привычку сестры получили, когда мама дала им крестики. Мелисса носила под одеждой еще и нить с кристаллами разного цвета, представляющими разную духовную силу. Дана не знала, что было для ее сестры важнее, крестик или те кристаллы.

За ними на стойке звякнул выдвижной ящик. Это нарушило затянувшуюся паузу. У

двери была доска, и на ней был перечень уроков, что проводили сегодня. Сейчас шло только одно занятие, и Дана прищурилась и прочитала:

– Психическое погружение...?

– О, точно, – кивнула Мелисса. – Это должно быть круто. Там учит мужчина по имени Луч.

Дана вскинула бровь.

– Луч? Его зовут Луч?

– Так он себя называет. Ты его не видела, Дана? Он такой загадочный и интересный. Он – деловой партнер Коринды, ему принадлежит половина этого места, хотя она всем руководит. О, вот и он.

Мужчина вышел из комнаты и замер поговорить с девушкиами из школы ФСК.

– Разве он не девушка? – мечтательно спросила Мелисса.

Дана признала, что сестра не врала. Мужчина по имени Луч был высоким и худым с очень темными волосами и бледно-серыми глазами. Дана подумала, что он выглядит как поэт, как Перси Шелли или лорд Байрон. Полные чувственные губы, аристократичный вид. Сначала ей показалось, что ему сорок, но она исправила себя. Ему было около тридцати, но он стоял и двигался важно, с авторитетом. Ученики выходили из класса и улыбались ему, кивали, были ошеломлены в его присутствии.

– Разве он не девушка? – повторила Мелисса.

Дана кивнула на второго мужчину, чуть ниже, который вышел и постоял с Лучом минуту. Он был моложе, около восемнадцати, с густыми черными волосами и темными глазами. Луч был тонким, как танцовщик, а тот мужчина – мускулистым, как гимнаст.

– Кто это? – спросила Дана. Мелисса, видимо, уловила что-то в голосе Дана, потому что она понимающе улыбнулась сестре.

– Ох, он? Просто Анджело. Он помогает с некоторыми уроками. Я порой вижу его в школе. Думаю, он тут подрабатывает. А что?

– Он довольно милый.

– С Лучом не сравнить.

– О, – выдохнула Дана. – Не знаю.

– Ах, – сказал голос, – мои любимые алые королевы. Простите, что вам пришлось ждать.

Они обернулись и посмотрели на совладелицу. При виде нее Дана всегда приободрялась. Коринда Хоузл была взрослой, с кудрявыми светлыми волосами и телом с хорошими формами ростом под два метра. В гриве были рыжие и каштановые завитки, хотя Дана не знала, свой это цвет или краска. Тонкие косички были перемешаны с естественными волнами, свободные пряди выглядели еще лучше, когда подпрыгивали от ветерка, когда клиенты входили в магазин. У нее было бледное лицо, веснушки, зеленые глаза, которые она подчеркивала подводкой с перебором, и тонкие губы, которые она пыталась увеличить макияжем. Ее ноги были длинными, на лодыжках и запястьях было много браслетов. Покачивались серьги, на шее было много ожерелий, все блестело. Она не была красавицей, но была очень красивой, и многих мужчин, приходящих сюда, она привлекала. Коринда была в широкой юбке и блузке из батика или шелка, на которых были нарисованы боги хинду. Сегодня был батик, и ее цвета были приглушенными, золотыми, сливовыми и коричневыми.

– Эй, – сказала Мелисса.

– И тебе эй. Чего желаете? О, я постараюсь вспомнить. Кофе со сливками и тремя ложками сахара Мелиссе и мой особенный чай для сестренки.

– Да, – сказала Мелисса. – И мафины. Должны быть мафины, или миру конец.

– Я быстро, – сказала Коринда и пропала, оставив за собой аромат духов, благовоний и ванили. Мелисса провожала ее взглядом с обожанием, словно Коринда была такой, какой она хотела стать, когда вырастет. Коринда вернулась почти мгновенно с двумя чашками, на которых были блюдца с пухлыми мафинами. Она опустила все на стол,

пролив лишь пару капель, принесла ложки и салфетки.

Коринда развернулась, но замерла.

– Так жаль, что такое случилось с вашей подругой. Такая потеря. Свеча погасла так скоро.

Дана сказала:

– Спасибо, но мы не дружили. Я ее никогда не встречала.

– Не нужно встречать лично, чтобы быть соединенной духом, – сказала Коринда. – Ты ее знала.

– Нет, – начала Дана, но замолчала и кое–что поняла. – Погодите, откуда вы знаете о том, что произошло с Мейси?

– Откуда я знаю, что ты говорила с ней во снах? Что она приходила к тебе сегодня в школу?

Рот Данны раскрылся.

– Ч–что?..

Коринда выпрямилась и вскинула бровь, а потом раскинула руки. Указывая на все в магазине – кристаллы, витрины с картами Таро, кости, мешочки с рунами, палочки и сотни других предметов.

– Не хочу звучать напыщенно, девочки, но знать это – моя работа.

ГЛАВА 10

Додзе «Какусарета Тайо»

17:23

Нож опустился так быстро, что Дане не успела ни подумать, ни остановить, ни двинуться. Вспышка серебра, и холодное лезвие прижалось к горлу.

— Ты мертва.

Она попыталась увидеть нож под подбородком. Ей было видно смуглую руку, костяшки были в мозолях и шрамах, а рука принадлежала японцу. Он был почти на фут выше нее, с короткими черными волосами и пронзительным взглядом, полным уверенности хищника.

Дана не двигалась.

Мужчина опустил нож и отошел. Дане повернулась к нему на миг и поклонилась. Он поклонился в ответ.

— Мертва, мертва, мертва, — говорил человек, объявивший исход до этого. Не мужчина с ножом, а женщина. Тоже японка, за тридцать, худая и в белом ги, как и все ученики. Только у женщины и мужчины с ножом были черные пояса. У тридцати учеников были пояса всех цветов — от белого до коричневого. Дане была с зеленым поясом, он был новым, плотным, еще не смягчился от стирки. — Горло перерезано.

Дана поклонилась и женщине.

— Хай, сенсей.

Женщина скромно улыбнулась ей и кивнула. Не очень вежливо. Такой она была. Сенсей Мию Сато руководила додзё со строгостью традиционных японских боевых искусств, хоть и не во всем. Все были в форме, использовали пару слов и фраз — в основном, *хай* — как да, и *иэ* — для нет, — но здесь не было строгости и отсутствия юмора, как было в додзё по карате в Сан-Диего.

Конечно, в додзё «Какусарета Тайо» не учили карате. Стиль Скрытого солнца джиу-джитсу был смесью искусств, придуманным матерью сенсея, тетями и несколькими другими женщинами, жившими в Японии во время и после Второй мировой войны. Она рассказывала Дане, что после окончания войны началась американская оккупация, и на японок нападали. Боевые искусства были запрещены, все додзё закрыли, но женщины, что были обучены сражаться и были потомками древних семей самураев объединились, чтобы создать Какусарета Тайо, где не было формальности традиционных боевых искусств, зато было много нужных навыков для спасения жизни. Техники были построены на защите, а не атаке.

Мию махнула Дане уходить, она поклонилась мату, развернулась и опустилась на колени на своем месте. Почти все ученики в этом додзё были девочками и девушками, и было видно всего несколько мальчиков.

— Знаю, тебе сейчас тяжело, — сказала Мию. — Нет, не удивляйся. Городок маленький, все болтают. Не важно. Ничто не важно, когда на кону твоя жизнь. Воры и насильники не выбирают время для атаки. Мир работает не так. Опасность реальна, и она может вспыхнуть в любой миг. Мы всегда должны быть готовы.

— Сенсей, — сказала Дане. — Как тогда это работает? Если Сатуро — или настоящий злодей — бросится на меня, как мне сразу подготовиться?

Мию улыбнулась, словно это был правильный вопрос.

— Защиту не подготовишь за миг, — сказала она, тихо шагая по татами. — Готовиться нужно за миг.

Сатуро замешкался и пошел за ней, глядя на тетю, нож был в его руке, его тело двигалось с грацией большого хищного кота. Он шел за более хрупкой Мию, лицо было напряженным, без улыбки.

Дана смотрела, как они идут по мату, стараясь предсказать, как теперь нападет Сатуро. И когда. Папа рассказывал ей про углы нападения и использовании шанса, но

большая часть его уроков была общей, про тактику, а не про бой.

Вдруг Сатуро стал размытым, он бросился под резким углом. Нож был едва заметным, взлетел по опасной дуге.

«Он, действительно, пытается ударить ее», – в ужасе подумала Дана.

Миу была на пути удара, была не готова к этому.

Вот только...

Она резко стала частью нападения.

Это было странно. Лезвие вспороло воздух на уровне лица, но Миу не пыталась отпрянуть, она бросилась в атаку вдоль руки Сатуро, и нож пролетел в дюймах от нее. Сатуро пошатнулся и упал, было слышно ухо от точных ударов Миу в живот, печень, горло и лицо. Сатуро рухнул на мат, нож отлетел, проехал по полу и остановился в четырех дюймах от колен Даны.

Это было очень быстро.

Даже не уследишь. Сколько раз Миу ударила его? Шесть? Восемь? Больше?

Миу стояла, широко расставив ноги, руки были опущены, пальцы растопырены, тело было склонено к противнику, чтобы продолжить атаку, не открываясь. Вдруг она бросилась в атаку снова и ударила Сатуро по лицу.

Так быстро.

И тишина.

Миу резко выдохнула и отступила, ее тело быстро вернулось в спокойное состояние.

Сатуро перекатился на колени, а потом вскочил на ноги. Он низко поклонился, и Миу ответила тем же. Только тогда Сатуро улыбнулся. Он не пострадал, потому что удары были легкими, едва задели кожу. Это был кимэ, навык сосредоточения, позволяющий точно наносить удары на полной скорости.

И скорость была невероятной.

– Если ждать, пока атака начнется, а потом планировать защиту, – сказала Миу, – то вы точно проиграете. Мы всю жизнь учимся, чтобы быть готовыми к атаке, чтобы правильно реагировать, использовать память мышц, рефлексы, чтобы навыки всплывали в памяти моментально. Самураи говорили, что мы тренируемся десять тысяч часов ради одного момента, которого может и не быть. Ах, но если он будет, то обучение того стоит. И... если нет, то часы все равно прошли не зря, потому что самурая судят не по остроте меча, а по остроте ума.

– *Oc*, – сказал Сатуро, выражая соглашение.

– А теперь, – Миу встала перед Даной, – попробуй снова.

– *Хай, сенсей*, – сказала Дана, поднимаясь на ноги.

– О, и в этот раз пострайся, чтобы тебе не разрезали горло.

Дана посмотрела на Сатуро, а он все еще улыбался.

– *Хай, сенсей*, – вяло сказала Дана.

ГЛАВА 11
Крейгер, Мэриленд
17:24

Нож двигался так быстро, что он не успел подумать, закрыться или что-то еще. Вспышка серебра, холодный край прижался к горлу.

– Ты мертв.

В комнате было слышно только его дыхание.

А потом лезвие пропало, человек с ножом отступил. Мальчик развернулся бежать, споткнулся, с силой упал, поднялся и попытался найти путь.

Но выхода не было.

Комната была большой и темной. Двери были заперты. Окна – заколочены. Он застрял здесь. Он и высокий мужчина с опасным ножом.

– Я ожидал от тебя большего, Тодд, – сказал ангел, опуская нож. Его голос был мягким, добрым. – Рассвет Красной эры близко, и я думал, что могу полагаться на твою помощь в осуществлении этого.

– Выпустите меня.

Ангел вдруг бросился вперед, кончик ножа сверкнул, как молния. Тодд закричал, попытался защититься, ударить. Но не смог, потому что мужчина был слишком быстрым. Ужасно быстрым. Тодд ощутил жжение на щеке и коснулся ее. Пальцы были мокрыми от крови.

– Я не скажу, – не сдавался он, ненавидя, как его голос выдавал слабость, которой в нем никогда не было. Его тело было сильным, мускулистым, закаленным годами джуджутсу в додзё и борьбы в школе, но они не готовили его к этому.

– Не ври мне, Тодд. Я в твоем разуме. Я в твоих мыслях, молитвах, надеждах и мечтах. Я знаю, что ты рассказал девушке обо мне.

– И вы убили ее.

– Ты рассказал ей мои секреты. Рассказал ей, и ее кровь стала отмеченной, – ангел начал расхаживать, в этот раз в другую сторону.

– Вы убили ее, – повторил Тодд. Кровь текла по его щеке, горлу.

– Нет, ты убил ее. Ты шепотом обрек девушку на смерть в этом мире и осуждение в следующем, – сказал мужчина. – Ты виноват, и это трата. Ты сам довел нас до этого.

– Вы – маньяк.

– Кому еще ты рассказал, Тодд? Расскажи, кто еще знает о Красной эре.

– Я... я...

– Все хорошо. Расскажи мне, и тебе позволят вознестись.

– Они... поймают вас... остановят вас...

Ангел склонился так близко, что Тодд ощущал запах его дыхания. Запах гнилого мяса. Полный жутких обещаний.

– Остановят? Как? – тихо спросил он. – Меня не остановить. И ты точно знаешь это. Ты видел, что я могу. Ты смотрел в мой разум, видел, чем я стану. Ты знаешь, что никто и ничто меня не остановит.

Тодд ощущал, что скоро отключится. То, что случилось, уже было плохо. Очень плохо. Может, дверь откроется? И он сможет сбежать, пока не стало хуже.

– Иди... те... к черту, – прохрипел он, выдавливая слова, с трудом делая их четкими, наполняя гневом и болью.

– Нет, – сказал ангел, поднимая нож. – Но ад уже ждет тебя.

ГЛАВА 12
Дом Скалли
19:54

Бабушка спала, когда Дана пришла домой.

– Не буди ее, – сказала мама, поймав Дану у спальни бабушки. – Недавно приходил врач, выписал ей что-то, чтобы помочь спать.

Мама улыбалась, но Дана видела фальшь. Ее улыбка была тонкой, как бумага на скотче.

Мелисса вышла из кухни с миской винограда.

– Эй, – сказала она с полным ртом.

– Эй, – сказала Дана, сорвала пухлую виноградину и съела.

– Почему бы вам не пойти наверх? – предложила мама. – Не будем шуметь, ладно?

– Ладно, – сказала Мелисса и потянула Дану за руку.

Чарли спустился по лестнице с черным пластиковым ведром на голове, где он вырезал две дыры для глаз. Черный мусорный пакет был на его плечах, как плащ, и он нес палку, которую выкрасил в ярко-оранжевый. Он прошел к ним, тяжело и шумно дыша, указал на Дану и сказал:

– Сила в тебе велика.

Он пошел дальше, напевая зловещий саундтрек. Сестры проводили его взглядом.

Мелисса сказала:

– Он уже совсем тронулся.

– Угу, – сказала Дана.

– Зато он сможет стать даже миллионером.

– Угу.

Они пошли наверх и остановились в конце короткого коридора у своих комнат.

Окошко выходило на улицу, и Мелисса выглянула туда и заворчала:

– Видишь?

Дана выглянула, увидела пару рабочих, чинящих вывеску над большими двойными дверьми старой церкви. Мелисса отодвинула штору, чтобы лучше рассмотреть.

– «Церковь Чистого света», – прочитала она. – Похоже, хиппи перешли к действиям. Круто, – она отпустила занавеску. – Эй, хочешь побывать в моей комнате? Можно выпросить у мамы китайскую еду, будем смотреть плохие каналы.

– Мне нужно делать домашнее задание.

– Можно делать ее и смотреть. И тебе нужно отдохнуть. У тебя опухли глаза.

– Просто устала.

– Ага.

Дана обдумала это.

– Возможно. Сегодня был кошмар. Думаю, мне нужно немного отвлечься.

– Хорошо, – сказала Мелисса. – Идея была моя, так что первую программу выбираю я.

ГЛАВА 13

Комната наблюдения

23:03

— Он сегодня в ударе, — сказал Малcolm Герлак.

В маленькой комнате был и другой мужчина, техник по имени Дэнни, он не говорил, но издал согласный звук. Комната была темной, ее озаряло только сияние дюжины маленьких цветных экранов. На каждом экране показывали в прямом эфире разные части города, там были драмы. Было ясно, что никто из людей на экранах не догадывался, что их снимают. Это было часть процесса. Они тяжелым путем узнали, что осознание того, что за ними следят, ограничивало людей. Им нужна была искренность.

Они следили.

На одном экране мальчик двенадцати лет сидел на полу ванной, обхватив руками голову, слезы и сопли текли по лицу, грудь вздымалась, он всхлипывал, колотил ногами по полу в панике. Перед ним было мокрое полотенце для рук. Порой мальчик поднимал голову и смотрел с такой яростью, словно пытался ударить полотенце взглядом.

— Двигайся, — прорычал он, но в его голосе была нотка мольбы. Отчаяния и страха.

Полотенце не двигалось.

Почти никогда.

На другом экране семнадцатилетняя девушка лежала на кровати. Она была в толстых зимних штанах, куртке и шерстяных варежках. Ее тело резко содрогалось на каждом пятом ударе сердца. Свет в комнате не горел, но скрытая камера улавливала температуру, было видно облачка пара, вырывающиеся из ее рта. Отражалась температура. Когда девушка надела куртку, было шестьдесят девять градусов. Теперь было двадцать один. Еще спазм, и шкала упала на двадцать.

На третьем экране светловолосая девочка сидела на полу спальни и смотрела на зеркало во всю стену. Она была в полосатой пижаме, ее волосы были стянуты в хвостики.

В зеркале было видно мальчика такого же телосложения, но его волосы были черными, кожа бледной. Когда девушка улыбалась, он тоже улыбался. Когда она моргала, он моргал. Когда она склоняла голову и плакала, он тоже так делал.

Мужчины в комнате переглянулись. Вчера в зеркале была китайская девочка. На прошлой неделе — взрослый с русскими чертами.

На четвертом экране подросток сидел за столом и делал домашнюю работу. Он работал с логарифмической линейкой и калькулятором. Книги и бумаги были вокруг него, он яростно писал.

Камера показывала его глаза. Они были черными. Без зрачков и радужки, без белков. Просто тьма. Он не смотрел на бумагу, он смотрел вперед, ни на что не глядя. Его ручка двигалась быстро, он заполнял страницу за страницей аккуратным почерком. Порой там были исчисления, эксперты Синдиката были в этом уверены. Остальное? Какая-то математика, но не известная людям. Странные символы появлялись среди чисел и формул. Те символы знали все эксперты организации, так было с тех пор, как первый корабль разбился в Розуэлле.

На пятом экране два подростка целовались на ковре у пустой кровати. Одежда была на них, но все шло к понятному результату. Они так затерялись в поцелуях и ласках, что не замечали происходящее в комнате. Они не видели, как фотографии матери девушки трепетали на полках. Не видели, как белая пленка появляется на изображении Иисуса на стене. Они не видели, как крест сияет, нагревается и начинает таять.

Они не видели этого, а камера записывала.

Герлак склонился, чтобы рассмотреть происходящее на шестом экране.

Подросток ворочался от жуткого кошмара. Его спальня была пустой, кроме пяти предметов. Кровать, на которой он лежал, тумбочка, склеенная скотчем, старый стул, тяжелый металлический крест, что был прикручен к потолку над кроватью, и складной

нож. Мальчик ворочался, говорил на неизвестном языке. Они отдавали записи всего, что мальчик рассказывал экспертам Синдиката. Первые отчеты беспокоили. Эксперты считали, что в определенном сне мальчик говорил предложениями, но слова были из разных источников. Только несколько слов удалось перевести, это был диалект древнего арамейского языка. Не просто мертвого языка, а диалект, на котором говорили в регионе Галилея, который отличался от обычного говора в Иерусалиме. Лингвисты Синдиката считали, что диалект спящего мальчика был особой версией арамейского языка, на котором могли говорить Иисус и его ученики.

Но на этом диалекте было только несколько слов. А еще были слова на версии греческого языка, известной как койне, и из древней версии еврейского с элементами финикийского.

Слова из этих языков были 5 процентами того, что говорил мальчик. Что он кричал. Остальное было спутано или на не известном для ученых Синдиката языке. Некоторые слова были такими, что мальчику было больно произносить их. Он много раз просыпался, кашляя кровью от того, что надрывал гортанный и язык. Словно эти слова не должны были произносить люди.

Этой ночью он повторял арамейскую фразу, которую эксперты расшифровали месяцы назад. Фразу Дэнни и Герлак знали наизусть, хоть и не понимали значения. Перевод фразы был записан на полоске белой хирургической ленты на краю экрана.

ОНА ИЗМЕНИТ МИР. НЕБЕСА ПАДУТ.

Эти слова могли ничего не значить, но он кричал их в абсолютном ужасе.

На седьмом экране была красивая пятнадцатилетняя девочка с рыжими волосами, одетая в скромную пижаму, лежащая на кровати, пропитанной потом. Она ворочалась во сне, и постель сбилась вокруг нее. Над ее кроватью вспыхивали разноцветные огоньки, как маленькие фейерверки, но они появлялись и исчезали из ниоткуда, не оставляя ни следа. Никто в Синдикате не понимал, что это за огни.

– Нет... – она стонала. – Прошу... нет...

Дэнни сказал:

– Хоть кто-то из них знает, что происходит?

– Некоторые знают, – сказал Герлак. – Многие – нет. А что?

– Кажется, что им больно. Откуда нам знать, что это их не убьет?

Герлак и второй мужчина переглянулись.

Они молчали.

ГЛАВА 14
Дом Скали
3 апреля, 12:33

Сон не помогал сбежать.

Совсем.

Глубоко ночью Дана проснулась во сне, зная, что спит, но боясь, что все так же реально, как наяву. Она знала, что не сможет описать это ощущение словами. Стены между фантазией и реальностью рушились.

И это ужасало.

Такое бывает, когда проблемы с головой? Это определение безумия?

Сон разворачивался, как фильм.

Она проснулась в комнате, но была не в пижаме. Она была в темном костюме, почти мужском. Темно-синие штаны и пиджак, белая рубашка, образ смягчала только тонкая золотая цепочка, на которой висел крестик, и отсутствие галстука. Ее волосы были жестче, короче и уложены в строгом стиле. Туфли на каблуках.

Это была не ее одежда, но она ей подходила. Они словно принадлежали ей. Но, когда она встала, было что-то странное. Вес на ее бедре. Дана пересекла комнату, у зеркала расстегнула пиджак, отогнула его и увидела пистолет.

Пистолет.

Он был небольшим, скрывался в кожаной кобуре, пристегнутой к ее поясу.

— Что...? — пробормотала она.

Дана знала пистолеты. Дети военных всегда знали. Ее братья и папа брали их с Мелиссою в тир в любой городке, где они жили.

— Пистолет нужно трогать с умом, Старбек, — сказал ее папа, когда они впервые пошли в тир. Он называл ее Старбеком. Он был Ахавом. Все началось, когда они впервые прочитали вместе «Моби Дика». Эту книгу она любила, а Мелисса ненавидела. Книга создала связь с отцом, которую Дана не всегда ощущала. Связь, казалось, часто прерывалась. Порой он казался далеким, холодным, и его холод передавался ей, отталкивал ее. А потом он улыбался, и глаза хитро блестели, ярко, как Полярная звезда, и он звал ее Старбеком, а она его Ахавом, и все было хорошо.

Пистолет в кобуре был неизвестной модели. Она посмотрела на отражение оружия, но не трогала его.

«Он не твой, — сказал голос в ее голове. — Пока что».

Тут она заметила, что отражение у нее не такое. Другое. На нее смотрело такое же хмурое лицо, но старше. Лицо женщины, не девочки. Но не сильно старое. Лет на десять старше? Чуть меньше. Достаточно старое, чтобы было видно, что годы были непростыми. Лицо было напряженным, блеск сомнений и подавленного гнева виднелся в глазах.

И страха.

Там был настоящий страх. Скрытый, подавленный, загнанный подальше. Но там.

— Мне страшно, — сказала ее отражение. Ее голос тоже был другим. Старше, строгим, контролируемым.

— Из-за чего? — спросила Дана у своего отражения, говоря так, словно это был другой человек.

Отражение ответило:

— Страшно верить.

Дана облизнула губы.

— Мне тоже.

Отражение было печально, словно это был не тот ответ.

— Из-за чего?

Дана сказала:

— Я боюсь, что бог говорит, а его никто не слушает.

– Знаю, – сказала другая Дана. Пыль парила в воздухе вокруг зеркала, она двигалась синхронно с отражением, хотя две Даны были разными.

Женщина с ее лицом склонилась и прошептала:

– Он идет за тобой.

– Что? Кто?

Женщина вдруг охнула и вытащила пистолет. Так быстро, с плавной грацией, которая была способна только через годы практики. Она отцепила пальцы от края пиджака, отпустила его, большой палец открыл кобуру, пальцы сжались на пистолете. Она выхватила оружие, подняла его, взяла обеими руками, держала его уверенно, один палец лежал на курке. И это все так быстро. Удар сердца, и пистолет был нацелен. На Дану... нет, мимо нее.

Дуло пистолета было черным глазом, уверенным и опасным, но лицо за пистолетом было маской ужаса.

– Он здесь!

Дана развернулась к тьме, вдруг заполнившей комнату. Один миг там ничего не было.

А потом *он* вышел из тени.

Мужчина.

Ангел света.

Дьявол, чудовище или обычный человек. Она не знала, кто именно.

Высокий, залитый холодным голубым светом луны, проникающим в окно. Его одежда была такой темной, что казалось, что он одет в тень. Крылья были сложены за широкой спиной.

Но лица у него не было.

Вьющиеся черные волосы обрамляли лицо с высокими скулами и сильной челюстью, но у него не было носа, рта и глаз. Не маска. Просто ничего не было.

Но она знала, что он ее видит. Что он улыбается со странным голодом. Что он знает об ее обеих версиях – старшей в зеркале и настоящей.

Ангел поднял руки, и Дана увидела, что он держит то, что хотел, чтобы она увидела.

В правой руке было несколько длинных острых железных гвоздей.

В левой руке – молоток из прочного дерева и стали.

Пальцы обеих рук были в крови.

– Беги, – прошептала старшая Дана. – Я попытаюсь задержать его. Беги... *беги!*

Дана не могла бежать. Не могла двигаться. Едва могла дышать.

Крылья за спиной ангела зашелестели, и они расправились, широкие, заполнившие комнату за ним. Лунный свет показывал их с четкой ясностью. Они не были мягкими и красивыми пернатыми крыльями ангела небес.

Это были кожистые черные крылья кого-то из глубин ада.

Дана проснулась с криком.

ГЛАВА 15

Крейгер, Мэриленд

3:58

Ангел сидел на полу, скрестив ноги, окруженный тысячами осколков зеркала, в каждом отражались разные версии его лица.

Некоторые показывали его таким, каким видел мир, и он лишь ухмылялся им. Он знал, что людям нравились маски, потому что правда была слишком пугающей для маленьких обычных умов.

Некоторые осколки показывали лицо ангела. Не одно, а много лиц, потому что ангел был другим для тех, кто его видел. Не он, а нечто. Ангелы были без пола. Они были выше всего, что делало бы их людьми. А он, как он сам думал, был другим.

Были и другие лица в осколках. Лица чудищ, красивые лица, лица из камня, металла и дерева. Лица таких абстрактных форм, что только из-за глаз их можно было назвать лицами.

И было одно лицо, смотревшее на него из самого большого осколка. Настоящее лицо. Лицо, которое никто не видел, не замечал, кроме моментов, когда он сам открывался им.

Обычно люди, увидев его истинный облик, были так заняты криком, что не могли оценить все его великолепие.

Ему было интересно, сможет ли девочка увидеть его истинное лицо, когда придет время. Он на это надеялся.

Он хотел этого. Хотел, чтобы она была с ним, хотел поделиться тайнами Красной эры, григори и нефилимов. Он был уверен, что она примет правду, услышав ее.

Фотография девочки лежала на полу рядом с особенным осколком зеркал. Там было цветное четкое изображение. Девочка стояла в спальне, застегивала кофту пижамы. У нее были красивые рыжие волосы. Рыжие, как у предателя Иуды. Он провел пальцем по картинке, замерев на миг на ее нежном юном горле.

Вокруг него трепетали в свете свечи тени.

ГЛАВА 16

Комната наблюдения

4:01

Техник Дэнни снял наушники и бросил на стол. Он зажег сигарету, устроил ноги на краю стола и скрестил лодыжки, а потом выпустил поток дыма в воздух. Герлак сидел за столом позади него, медленно размешивал сахар из пакетиков в чашке кофе. Восемь пустых пакетиков лежали на столе, и Герлак потянулся за девятым.

– Некоторые из них видят его, да? – спросил Дэнни.

– Некоторые, – сказал Герлак.

– Это не опасно? Город–то маленький.

Герлак фыркнул.

– Это часть его умений.

– Не понимаю.

– Он управляет то, каким его видят, – сказал агент.

– О... это...

– Жутко? – предположил Герлак.

– Как–то так, – признал Дэнни. – Страшно. Странно. Не из этого мира. Не знаю, как лучше описать.

Агент посмотрел вдаль на миг, а потом медленно покачал головой.

– Не думаю, что есть способ описать это. Никто так далеко еще не заходил.

– Даже русские? Я слышал кое–что дикое, – сказал техник.

– Русские на два года позади нас, – сказал Герлак. – Может, на четыре. Когда они нас догонят, мы уже перейдем на другой уровень.

– Что за другой уровень?

Герлак посмотрел на него.

– Это тебе знать не положено.

– Простите.

– Не извиняйся. Просто не лезь.

– Да, сэр.

– И хватит меня так называть. Терпеть не могу.

– Да, сэр... то есть, конечно, – сказал Дэнни, а потом начал выключать видео. – Вы слышали? Сегодня прибудет новый водитель.

Герлак кивнул.

– Знаю.

– Сказали, предыдущий отравился.

– Угу.

– Вы верите?

Агент открыл девятый пакетик,сыпал в кофе и размешал.

– Не все подходят для этой работы, – сказал он.

ГЛАВА 17

Дом Скалли

6:43

Дана прошла босиком на кухню и обнаружила за столом бабушку, ладони лежали на горячей чашке чая, тост с маслом лежал на блюдце. Бабушка редко вставала раньше полудня. Радио было включено, играло старые песни Второй мировой войны, которые Dana не знала.

– Привет, бабуля, – сказала Dana, подошла и поцеловала бабушку в щеку. Хотя лицо бабушки было морщинистым, оно всегда было мягким. От нее пахло мылом и пурпурой.

– Там кофе, – сказала бабушка, но это было не так. Кофемашина была пустой. Dana не возмутилась. Чайник был еще горячим, и она налила себе чай. Мятный. Бабушка говорила, что ромашка была для успокоения, а мята – для бодрости.

Она поставила чашку на стол и села. Бабушка улыбнулась и придинула тост.

– Ты позволила ему остыть.

Dana кивнула, словно это имело смысл, отломила уголок и принялась грызть. Она придинула блюдце к бабушке. Снаружи на деревьях словно были тысячи птиц, и все пели, заявляя, что весна уже точно пришла. Это было приятно. Громко, но приятно.

– Бабуля...? – спросила она.

– Да, милая?

– Что такое ангелы?

Глаза бабушки редко были ясными, обычно взгляд был рассеянным, словно она забывала, как на что-то смотреть. Но теперь они изучали ее, они были ясными и синими, как небо после хорошего дождя.

– Зачем тебе знать об ангелах?

– Они мне снятся.

Бабушка сделала глоток чая, глаза были напряженными и не мигали долгое мгновение. А потом она посмотрела на чашку.

– Ты боишься тех ангелов?

– Немного, – Dana смягчила правду.

Бабушка кивнула.

– Так и нужно.

– Что?

Синие глаза снова посмотрели на нее.

– Как ты думаешь, что такое ангелы?

– Эм... посланники бога, наверное.

– Ты не уверена.

– Так говорили нам в воскресной школе.

Бабушка скривилась. В отличие от дочери и внучек, она редко ходила в церковь.

– Тогда, видимо, это так.

– Потому я и спрашиваю тебя, – сказала Dana.

Часы на стене отсчитали половину минуты, бабушка молчала. Dana знала, что это. Когда бабушка такой, стоило подождать, пока она сообразит, продумает, что хочет сказать. Если перебить, можно было отправить ее в туман, в котором бабушка проводила большую часть времени.

Бабушка кивнула, словно соглашалась со своими мыслями.

– Есть разные ангелы, – медленно начала она. – Их имя значит «посланник», и многие думают, что они только посланники бога. Ха! Едва ли. Люди думают, что они весь день стоят, крича «осанна», и играют на арфах, облаченные в свои длинные одеяния. Но это ведь глупо, да? Люди молятся ангелам, словно они готовы помочь пережить плохой день. Они молятся им, будто святым. Но святые хотя бы были людьми. Ангелы – нет.

– Что они? – спросила Dana.

– Они опасны, – сказала бабушка ясным и пронзительным голосом. – Подумай сама. Первый ангел, упомянутый в Библии, охранял вход в Эдем с огненным мечом. Он не защищал там Адама и Еву, поверь. Ангелы–хранители есть в Библии, но они не защищают нас. Они показываются, чтобы наказать, уничтожить, – она покачала головой. – Не забывай. Люцифер был ангелом.

– О... верно...

– И они не красавцы. Они – монстры.

– Монстры?

– Серафимы – большие шестикрылые змеи. Херувимы – не милые розовощекие дети с картинок. Нет. Это крылатые львы. Не хотелось бы видеть таких существ рядом с колыбелью ребенка. Почему, как думаешь, ангел, являясь человеку, говорит: «Не бойся»? Дай подумать. Есть там цитата в Иезекииле, но не спрашивай главу и строки. Что–то о двух парах крыльев и копыт... Как там? «Лицо человека и лицо льва с правой стороны, и лицо тельца, а еще орла с левой стороны». Не совсем точно, но довольно близко.

Глаза бабушки были яркими в свете утра, и не было ни намека на туман. Слова бабушки сделали кухню холодной.

Бабушка покачала головой.

– Если тебе снятся ангелы, Дана, то тебе нужно быть осторожнее. Не все страшные ангелы плохие, но и не все красивые – хорошие. Они не люди, их нельзя судить как людей. Так люди вредят себе. Все в них отличается от того, что кажется на первый взгляд, – она рассмеялась. – Может, так дьявола и стали звать принцем лжи. Если он ангел, в нем нет правды.

– Как мне понять, реальность это или просто сон? – спросила Дана.

Бабушка обдумала вопрос, но ее лицо начало при этом меняться, и Дана помрачнела. Она видела, как облака тумана затемняют ясность голубых глаз, словно буря закрывает солнце. Это произошло быстро. Через пару секунд бабушка ушла в тени разума.

– Бабуля...? – осторожно спросила Дана.

Ее бабушка улыбнулась.

– О, доброе утро, Мелиssa, – бодро сказала бабушка. – Там кофе.

Дана встала, обошла стол и поцеловала бабушку в щеку. В мягкую щеку.

– Я тебя люблю, бабуля, – прошептала она.

– Я тоже тебя люблю, Маргарет. Прибери в комнате, а потом можешь идти с этим мальчишкой Скалли. Он – негодяй.

Маргарет звали ее маму.

– Хорошо, – сказала Дана.

– Дана...? – позвала мама из коридора. – Бабушка с тобой?

– Мы на кухне.

Мама вошла в комнату, через пару мгновений и папа. Чарли тоже пришел, но он точно еще не проснулся, он все еще был в маске супергероя, в которой и спал. Он сел и посмотрел немигающими глазами на миску хлопьев. Скалли редко завтракали вместе, но Дана не сказала об этом. В воздухе было ощущимое напряжение. Мама с папой стали делать кофе, готовить завтрак, они почти не говорили. Бабушка ушла глубже в себя, Дана села на стул. Мелиssa пришла, зевая, одетая для школы, но с еще спутанными волосами. Она издала несколько звуков, пока наливала кофе, сыпала четыре ложки сахара, а потом села на стул. Ее чашка наполовину опустела, и она стала видеть яснее и оглядилась.

– Что с вами всеми сегодня? – спросила Мелиssa.

Мама опустила перед ней тарелку с яичницей и тостом.

– Это тебе. Скорее ешь, а то опоздаешь.

Мелиssa посмотрела на отца, его губы были сжаты, а потом на Дану. Им не нужно было говорить, чтобы понять, в чем дело. Мама с папой поссорились. Здесь это происходило чаще.

Завтрак проходил в арктическом холода.

Только бабушка улыбалась, пока смазывала маслом обе стороны тоста.

ГЛАВА 18

Высшая региональная школа ФСК

7:27

– Рада, что тебя не отстранили, – сказала Эйлин.

– Я думал, тебя исключат, – сказал Дейв. – Так все говорили.

Миндерьяны перехватили сестер в холле, вчетвером они столпились у шкафчика Мелиссы.

– Тогда все тупые, – прорычала Мелисса, встав на защиту Даны.

Подростки потоками двигались по коридору, они поглядывали на Дану. Гнев, удивление, любопытство, недовольство смешивались во взглядах.

– Это пройдет, – уверенно сказала Эйлин.

– Ага, – сказал Дейв. – Все сейчас напуганы, а ты дала им повод сосредоточиться. Иначе им пришлось бы мучиться самим. Как это называют? Перенесением? Как-то так.

Мелисса кивнула.

– Точно. Те, кто повелся на это и настроился против тебя… проще сказать, что они тебе не друзья.

– У меня и нет друзей, – сказала Dana. Она охнула, поняв, что могла ранить, но Эйлин улыбнулась и похлопала ее по руке.

– Мы – твои друзья, – убедила она ее.

– Ага, – сказал Дейв, но смотрел при этом на Мелиссу.

Прозвенел звонок, и они разошлись в разные стороны. Dana пыталась быть невидимой, но ощущала на себе взгляды. Сначала все относились к ней, как она и ожидала, и она была убеждена, что над ее головой висит неоновая вывеска «СТРАННАЯ». Но после первого урока стало спокойнее. Они не бросились обнимать ее, но просто сосредоточились на своих жизнях, а не бросали в нее мысленно камни. Дейв в этом был прав.

По пути к шкафчику после алгебры ее остановили две девушки, преградившие путь. Она узнала их по спортзалу. Карен и Энджи, но фамилии она не знала.

Dana приготовилась к…

Чему? Удару? Словам о том, какая она жуткая? Угрозам?

Ничего такого не произошло.

Вместо этого Карен сказала:

– Ты говорила правду?

– Что? – спросила Dana.

– Вчера, – сказала Карен. – Про Мейси. Ты не врала? Ты ее видела?

– Я…

Глаза Карен были яростными, но мокрыми. Она словно боролась со слезами, но ее руки были сжаты в кулаки.

– Лучше говори… – сказала она напряженным шепотом.

Энджи была ниже и шире, она была в свитере с эмблемой хоккея. Она, казалось, могла сломать Дану пополам, она словно хотела этого.

– Скажи, – просила Карен.

– Да, – прошептала Dana.

Карен схватила ее за руки.

– Ей было больно?

Dana не знала, как ответить. Правда могла привести к избиениям. Но и ложь тоже. Она решила использовать приемы джиу-джитсу, которым училась, или каратэ, которые отрабатывала на братьях. Она была не так хороша, но защититься смогла бы.

– Думаю, да, – сказала она. – У нее текла кровь… и она кричала.

Девушки смотрели на нее большими глазами, из которых катились слезы. Dana видела, что они верили ей. Вдруг Карен оттолкнула ее и побежала по коридору. Другая

девушка задержалась на миг, разрываясь между необходимостью последовать за подругой и что–то сказать.

– Мейси была ее кузиной, – неловко сказала Энджи. – Она пыталась отговорить ее от похода на ту вечеринку.

– М–мне жаль, – испуганно сказала Дана.

Энджи покачала головой.

– Не… – она замолчала и пошла, но Дана догнала ее и коснулась руки.

– Что? Что ты хотела сказать?

Девушка не ответила. Она покачала головой и ушла за подругой. Дана последовала за ней.

– В чем дело?

Дана обернулась и увидела другую девушку. Одну из подруг Мелиссы, Энн Хассетт. Болельщица, как Эйлин. У нее были короткие каштановые волосы и ирландский носик. Дана впервые видела ее без улыбки.

– О. Привет. Энн, да?

– А ты Dana, – сказала Энн. Она была в узких джинсах и блузке с мультишным мышонком. Только мышонок сейчас улыбался. – Что они хотели?

– А что?

Энн встала рядом с ней. Она была одного роста с Даной и смотрела ей в глаза.

– Я хочу знать.

Дана пыталась придумать причину не говорить ей, но не смогла. Не сегодня.

– Одна из них была кузиной Мейси Белл, и…

– Я знаю. Что она хотела?

– Ну… она спросила про вчерашнее.

– Ты про спортзал?

– Ты слышала об этом?

– Все слышали, – сказала Энн. – Что она хотела знать?

– Она хотела знать, больно ли было Мейси.

Энн смотрела ей в глаза.

– И ей было больно?

– Да.

– Ты рассказала ей это?

– Да.

Энн посмотрела мимо нее.

– Ох…

Раздался звук, и они обернулись и увидели подростка, стоявшего спиной к ним. Дана узнала Анджело, работавшего в «Вне пределов». Он был в одежде уборщика. Она не видела его раньше в школе. Анджело снял крышку с урны в коридоре и начал опустошать ее в мешок. Он не смотрел в их сторону, но Энн тряхнула головой и отошла чуть дальше. Дана – за ней.

– Что происходит? – спросила она. – Все относятся ко мне так, словно я сделала что–то не так. Но я не сочиняла. Может, я схожу с ума, но я видела Мейси в раздевалке.

– Почему *ты* ее видела?

– Не знаю. Правда.

Много разных эмоций смешивалось в глазах Энн. Гнев, возмущение, обида и другие, которые Дана не могла определить.

– Ты знаешь, что все говорят о Мейси? – рявкнула Энн. – Что она была тупой и разбила машине, а они строят догадки. Так всегда. Если кто–то нашего возраста странно себя повел, что это мы сходим с ума и не в себе. Словно мы за себя ответить не можем. Словно мы не имеем значения. Мейси мертва, и они всегда будут говорить, что она себя погубила, потому что напилась. Это не так. Это… ложь, обвинение. Это неправильно.

Дана кивнула.

– И тут ты, – сказала Энн, – и ты даже не знаешь Мейси, а она почему-то явилась к тебе. Это всех испугало. Это как знак. Так я думаю. Она пыталась сказать миру, что умерла не так, как все думают.

– Ты... веришь мне?

Энн кивнула.

– Ага. И многие здесь. Я даже слышала, как пара учителей говорила об этом. Все считают тебя странной, но... не врущей.

Она была удивлена тому, что ей верили, и Дана не знала, как к этому относиться.

– Крейгер – странный город, – сказала Энн. – Всегда таким был. Мейси тоже была странной. Она ходила на странные занятия в глупом магазине хиппи.

– «Вне пределов»?

– Вроде он так называется. Вечно говорила о медитациях, проходе через вуали и – как там? – связи с энергиями планет. Говорила с духом земли Гаей. Говорила, что она – часть движения, что принесет новую эру. Не знаю. Она это часто повторяла, и я обычно ее не слушала. Важно то, что после смерти она пришла к тебе.

– Почему я? – спросила Дана. – Мы даже не встречались. Почему она пришла именно ко мне?

Энн смотрела на нее, глаза стали задумчивыми и потемнели.

– Я знаю лишь, что случилось это не просто так.

– Но по какой причине? Это сводит меня с ума.

– Да, но это же Крейгер. Добро пожаловать, – Энн с отвращением взмахнула рукой и пошла, оставив Дану в коридоре. Анджело тоже ушел, и Дане казалось, что она в милях от всех, кого знала, от всего, что понимала.

Она прижала сумку к груди и поспешила на урок, куда уже опаздывала.

ГЛАВА 19
Крейгер, Мэриленд
8:57

Ангел затаился в тенях, его лицо и тело были в краске и крови, в жире, его глаза пылали, губы двигались в постоянной молитве, что была без формы, как и его бог.

Молиться григори. Его отцу по крови. Настоящему ангелу, рожденному на небесах, который искал способа вернуться на землю. Спасти ее. Защитить.

Править там.

Он слушал то, что говорил бог. Секреты. Обещания. Пророчества.

Снаружи раздались сирены, направляющиеся к городу. Ему было все равно. Это был не тот крик.

ГЛАВА 20

Высшая региональная школа ФСК

8:59

Учитель биологии напоминал Альберта Эйнштейна, если бы тот провел плохо выходные после того, как его ограбили в переулке. Так он выглядел для Даны. Мистер Ньютон был растрепан, как Эйнштейн, брови были такими же, а усы, казалось, вот–вот спрыгнут с его лица и убегут в лес. Он всегда носил страшный зеленый или коричневый костюм, словно у него было только два костюма. Но он постоянно менял яркие галстуки. Сегодня на галстуке были шестеренки оттенков золотого, бронзового и серебряного. Все называли его Ньютон Два–Костюма.

Дана восхищалась им. Многие ученики считали его странным, но Дану это устраивало. Странный ученый. Она сама подумывала о науке. Об исследованиях. О медицине. О чем–нибудь еще. Она любила математику и естественные науки, и мистер Ньютон бросал вызов ее разуму.

Попадание в его кабинет после двух разговоров в коридоре было как вернуться на берег острова после падения с тонущего корабля. Она стояла на твердой поверхности. Она знала, кем была здесь.

Но она опоздала на две минуты. Ньютон замолчал и посмотрел на нее из–под кустистых бровей. Все повернулись, и на их лицах было облегчение от перерыва в лекции. Доска была полна записей о шагах, требуемых для расчленения лягушки. Большой ящик–холодильник стоял на полу между рядами столов. Крышка была снята, десятки мертвых лягушек лежали внутри. Некоторые ученики уже были зелеными, как лягушки.

— Уже начался урок, — мрачно сказал Ньютон, — но у Даны Скалли, видимо, свое расписание.

— Простите, — сказала она.

— Вы же не собирались увиличнуть от лабораторной? — Ньютон покачивал скользпель в руке.

— Нет… просто опоздала. Простите, больше этого не повторится, — пробубнила Даня и поспешила найти место. Ее напарника по лабораторной сегодня не было, как не было и вчера. Свободным был только высокий худой парень умного вида с песочного цвета волосами и умными зелеными глазами. Этак, вроде бы. Даня покраснела, как лобстер, садясь на стул рядом с ним. — Можно? — спросила она.

— Пожалуйста.

Она поймала взгляды от других учеников, но все здесь были одного с ней возраста. Не было старшеклассников, никто, наверное, не был близок с Мейси. До ее одноклассников доходили лишь сплетни. Не было враждебных взглядов. Это не сильно спасало.

Мистер Ньютон продолжил лекцию, объясняя, что они будут искать, вскрывая лягушек. Он радовался теме, был очень оживлен. А потом раздал лягушек, и лабораторная началась. В классе стало шумно от разговоров и звуков отвращения.

— Если кого–то тошнит, — сказал сухо Ньютон, — используйте урну. Не на лягушек.

— Можно тошнить на напарников? — спросил парень из футбольной команды. Он был нападающим, его напарник был защитником.

— Только если хочешь потом убирать, — сказал Ньютон. — Но, если сделать так, напарник может ответить тем же.

Все рассмеялись, футболисты хлопнули в ладони. Этак склонился к Дане и прошептал:

— Может, я слишком строг, но Нобелевская премия им не светит.

Дана отвернулась, чтобы скрыть смех.

— Ладно, мои юные Франкенштейны и Франкенштейночки, — сказал Ньютон. — Можете начинать. Но не спешите. Наука требует терпения и внимания, а не спешки.

Этан и Дана приступили к работе с осторожностью, интересом и в размеренном темпе. Это впечатлило Дану, ведь многие парни класса или пытались играть в мачо, словно их ничто не беспокоило, или вопили, что их стошнит. Не Этан. Он был тихим и серьезным. У него были очки в стальной оправе, нарядная рубашка и кеды, он поджимал губы, пока работал, но в нем не было ни капли тревоги или замешательства, когда он приколол лягушку и начал отмечать места для разрезов.

Он улыбнулся. Улыбка была милой, у него были хорошие зубы, только левый спереди был надбит. Он придинул к ней скальпель.

– Дамы вперед, – сказал он.

– Уверен?

– Почему нет? Если ты не против.

– А почему я буду против? Потому что я девочка?

Он невинно удивился.

– Эм… нет, просто ты пропустила объяснение Двух–Костюмов.

– Все на доске, – отметила она.

– Точно. Прости.

Дана подняла скальпель, посмотрела на записи и рисунки на доске, а потом прижала лезвие к бледной коже и сделала разрез. Этан смотрел, как она делает надрезы на шее и брюхе, а потом соединила их вертикальным разрезом. Она отложила скальпель и развернула кожу, чтобы открыть органы.

– Ого. Молодец, – сказал он. – Уже такое делала?

– Нет.

– Ты даже ничего не задела внутри.

Дана посмотрела на него, ожидая насмешку или снисхождение, но Этан просто был впечатлен.

– Спасибо, – сказала она.

– Нет, я серьезно, – сказал Этан. – Ты не попала на короткий фильм, который нам показывал Два–Костюма, но все сделала правильно. У тебя талант.

Она снова заметила, что у Этана красивая улыбка.

Дана хотела забраться под парту, потому что она была уверена, что ее щеки красные, как светофор.

– Хочешь, я заберу сердце? – спросил он, и, что было очень странно, эти слова показались ей самыми милыми из всех, что говорили ей парни.

«Я не в себе», – подумала она. Но улыбнулась и отдала скальпель.

ГЛАВА 21
Крейгер, Мэриленд
9:46

— Вы меня слышали? — осведомился водитель.

Мужчина рядом с ним сидел на отклоненном сидении, шляпа закрывала его лицо. Двигатель был выключен, воздух не проветривался, а солнце было жарким для ранней весны. Окна были открыты, и пассажир явно дремал.

— Эй, Герлак, — прорычал водитель. — Я с вами говорю. Вы слушаете?

— Нет, — сказал пассажир.

— Я сказал, вот она.

Пассажир. Малcolm Герлак, не убрал шляпу, не сел, даже не посмотрел.

— Нет, — сказал он.

— Что значит «нет»? Я вижу ее своими глазами. Она на дальней стороне, у школы...

— Это не она, — сказал Герлак.

— Она. Рыжие волосы, голубая блузка.

Герлак снял шляпу и посмотрел. Он был худым с лицом без эмоций с бледно-голубыми глазами и темно-рыжими волосами. Он не смотрел в окно, а смотрел на водителя.

— Ты новый здесь, малец, так что я тебя немного просвещу, ясно?

— Малец? Вы всего лет на пять старше меня. Кого вы назвали...?

— Тише. Слушай, — сказал Герлак спокойно. — Ты смотришь на ее сестру, Мелиссу.

Старшая, на два дюйма выше, с рыжими кудрявыми волосами. Ей семнадцать. Они с сестрой не похожи. Ты бы понял, если бы посмотрел фотографии. Мы не зря делали их с разных углов и расстояний. Чтобы вы могли заметить цель с любого расстояния, днем или ночью, в дождь и ясную погоду. А ты перепутал цель и потревожил мой сон. Еще немного, и я начну ворчать. Вспомни программу, где человек стал зеленым и крушил вещи. Помнишь, что злым он не нравится никому? Я тоже. Что меня злит? Идиоты, у которых мышц больше, чем мозгов, и которые неправляются с работой, хотя им нужно только сидеть в машине и выглядывать девочку, с которой есть тридцать фотографий.

Водитель на миг стиснул зубы. Это была его первая смена, он сменил обычного водителя. Тот съел что-то не то, не мог отойти от туалета. Водителя звали Мэтт, его предупреждали, что пассажир был необычным. Его предупреждали, что он опасен, но никто не говорил, насколько. У Мэтта был черный пояс по таэквондо. Он привык, что люди его обходили. Пассажир, казалось, и бумажный пакет лопнуть не мог. Но он скалился.

Мэтт открыл рот, но Герлак повернул голову и улыбнулся.

Улыбка была опасной.

Мрачной. Он был слишком радостным для этого момента. Зубы были влажными. Глаза уже не казались зелеными, как раньше, они были черными, словно зрачки расширились, расширились и поглотили цвет зрачков. Все в нем теперь шептало о кошмарах. Пассажир погрозил пальцем.

— Сейчас не лучшее время смотреть, кто из нас лучше кусает, — тихо сказал Герлак.

Мэтт сидел, раскрыв рот, но тело не хотело двигаться. Его мышцы были против шанса действовать. Его горло отказывалось выталкивать воздух для слов.

— Еще одно предупреждение, и мы поговорим в другом месте, — сказал Герлак. — Я понятно изъясняюсь? Кивка хватит.

Мэтт кивнул.

— Хороший пес, — сказал Герлак. Он вернул шляпу на лицо. — А теперь открои глаза и закрой рот. Смотри на этих милых школьниц. Радуй глаз, но помни, что меня можно будить, когда увидишь правильную.

Через пару секунд раздалось тихое сопение.

Мэтт сглотнул.

Если завтра другому водителю станет лучше, он сразу отдаст руль ему. Может, повезет уехать подальше отсюда. В другой штат.

Он вытащил платок из кармана и вытер пот с глаз.

ГЛАВА 22

Высшая региональная школа ФСК

11:28

Хотя урок был двойной, Дана жалела, что он закончился. Наука успокаивала ее. Они начали убирать на столах, готовя их к следующему уроку. Этан сказал:

– Это было круто.

Она кивнула.

– Да, весело.

– Препарировать лягушку и смотреть ее внутренние органы с милой рыжеволосой девушки, – сказал он, когда она спрятала скальпель в подставку. – Кто знал, что так будет?

Слово «милая» вспыхнуло между ними, она старалась не реагировать. По его лицу было ясно, что он не понял, что сказал это, или не знал, как это влияет на нее. Он был в делах.

Дана открыла и закрыла рот восемь раз, но не могла внятно ответить. Она вдруг заинтересовалась отмыванием поверхности стола со спреем, убивающим микробы.

– Что у тебя дальше? – спросил он.

– Самый глупый в мире обед, – быстро сказала она.

– О, круто. У меня тоже. Пойдем вместе?

Она уставилась на него.

– Что?

– На обед?

– Что? – повторила она.

– Обед, где нас кормят плохой едой. Туда, думаю, уходят эти мертвые лягушки. Вкуснятина, – он улыбнулся. А потом улыбка увяла. – Земля вызывает Дану.

– Да, – сказала она. – Лягушки. Вкусно.

Этан рассмеялся.

– Ты немного странная. Тебе уже говорили?

– Я...

– Это хорошо. Забирай учебники. Стоит выбросить лягушек, пока они еще трепыхаются.

Он закинул сумку на плечо и пошел к двери. Дана не сразу вспомнила, как управлять ногами. Она вслух спросила:

– Что это было?

Никто не ответил, и она пошла за Этаном в коридор. Их тут же увлекло потоком учеников, идущих на уроки, но Дана и Этан смогли выбраться оттуда и направились в столовую. Разговаривать по пути не получалось, они проталкивались к столам из стали. Этан нарушил тишину, когда подошла их очередь делать выбор.

– Отличненько, – сказал он. – У нас есть что-то оранжевое, зеленое и коричневое. Что выберешь?

– Это стейк Солсбери? – спросила Дана, указывая на коричневое блюдо.

– Только в теории. Не знаю, что там было изначально.

– Я возьму.

Женщина за стойкой была хмурой, безразличной, не говорила. Она нагрузила мясо в тяжелую керамическую тарелку, добавила переготовленный горошек и шлепнула пюре.

– Спасибо, – сказала Дана, но на нее посмотрели взглядом мясника и отвернулись.

– Поспешим, – сказал Этан, и они отнесли подносы в дальний угол людной столовой. Дана была уверена, что все смотрели на нее, но она сосредоточилась на месте, куда шла, и не оглядывалась. Один край стола остался для них, на другом были коробки с листовками весенней благотворительности.

Они приступили к поеданию не очень аппетитной еды. Этан сказал:

– Итак... ты видишь призраков.

Дана чуть не ударила себя вилкой по лицу. Она замерла, опустила вилку и посмотрела на него.

– Так все было из-за этого? – осведомилась она. – Прекрасно.

Этан отклонился, вскинув руки.

– Ого! Прости, – быстро сказал он. – Я не хотел задеть, – он взял салфетку и стер подливу с ее щеки. – Правда, прости.

– Я серьезно. Все было ради игры в друзей? – она требовала ответа. – Ты хорошо себя ведешь со мной ради этого вопроса?

– Нет, – твердо сказал он. – Это не так. Я дважды извинился, я могу продолжить, если это поможет. Слушай, Dana, я плохо умею общаться с девочками, а ты меня пугаешь.

Она моргнула.

– Я тебя пугаю? Почему? Из-за вчерашнего?

Его щеки покраснели, он отвел взгляд и отодвинулся.

– Ну... не совсем.

– Тогда почему? Потому что я новенькая, дочь военного и странная...

– Нет, – возмутился он, краснея еще сильнее. Он забавно посмотрел на нее. – Потому что... я никогда еще не общался с такой красивой девочкой.

– О, прошу, только не этот бред. Я видела, как ты говорил с Корки Каприотти на днях.

– Корки – моя кузина, – сказал он. – Мы росли вместе. Тыфу.

– Ох.

Они посмотрели друг на друга.

– Если поможет, – сказал он, – я могу уползти отсюда, и мы увидимся только на уроке.

Она промолчала.

– Или я могу уйти и вернуться, и мы притворимся, что этого неловкого разговора не было.

Она молчала.

– Или можешь ткнуть меня вилкой, – сказал он. – Что угодно. Только объясни.

Она посмотрела вниз и удивленно обнаружила, что схватила вилку и сжимала в кулаке.

– Ешь уже свое странное мясо, – пробормотала она, несколько минут они ели в тишине.

– Мне жаль, – сказал Этан.

Она кивнула.

– Мне тоже.

– Тебе-то за что? – спросил он.

– За то, что заставила тебя быть в паре со странной.

Этан выпрямился и посмотрел на нее.

– Зачем ты так говоришь?

Она не смотрела ему в глаза.

– Все считают меня странной. Они не могут ошибаться.

– Подумаешь. Ты не обычна, – сказал он. – И что? И какая разница, что остальные думают? Ты умная и не пытаешься быть популярной, так зачем тебе их мнение?

– Ты хочешь сказать, что я – одиночка и изгой.

Этан улыбнулся.

– Я предпочитаю называть тебя индивидуальностью.

– Знаешь, – задумчиво сказала она, – ты тоже немного странный.

– Слыши от эксперта, – сказал он. Они ели.

– Почему ты спросил про призрака Мейси? – спросила Dana.

– Неловкое начало разговора? – предположил он.

– Нет. Серьезно.

Этан пожал плечами.

– Я... думаю, мне интересно, что случилось с Мейси.

– Ты ее знал?

– Только имя, – сказал он. – Но она не первая...

– Из умерших, знаю. Пятеро, да? Я так слышала.

– Да. Так... ты думаешь, это правда?

Дана нахмурилась.

– Что правда? О чем ты?

– О пятерых мертвых подростках.

– А что? О, хочешь знать, согласна ли я, что все они принимали что-то?

– Нет, – тихо и напряженно сказал Этан. – Думаешь, их всех убили?

ГЛАВА 23
Высшая региональная школа ФСК
12:01

— Убили? — завопила Дана так громко, что два подростка за другим столом обернулись. Этан изобразил смех.

— Ага, — он сказал на такой громкости, чтобы они слышали. — Мы просто убили этот проект. Сразу на отлично.

Ученики потеряли интерес, и Этан склонился к Дане и зашипел:

— Почему не крикнуть еще громче? Тогда мой глухой дед из Филадельфии услышал бы.

Она направила на него вилку.

— Нельзя было сначала предупредить?

— Я думал, мы об этом и говорили, — парировал он.

— Нет, мы говорили не об этом, — рявкнула Дана. — Мы говорили о подростках, которые под кайфом разбивают машины. Никаких убийств не упоминалось. Что с тобой?

Этан отодвинулся и поджал губы, задумавшись.

— Ладно, — сдался он через миг. — Наверное, я не так тебя понял.

— Думаешь?

— Прости. Просто я думаю, что в Крейгере происходит что-то плохое.

— Да. Люди нашего возраста умирают.

— И ты видишь призраков. Там была подруга моей сестры, Меган, и она слышала, что ты рассказала миссис Фрэзер. Ты сказала, что видела Мейси, из которой лилась кровь, будто ее пронзили ножом.

Дана молчала.

— Но рана от ножа и авария — разные вещи, — сказал Этан. — Нож — это убийство.

— У меня была галлюцинация.

— Угу. Ты описала Мейси точно, даже одежду, в которой она была, когда умерла. Откуда ты могла это знать?

Сердце Даны затрепетало, в этот раз не из-за внимания милого парня. Эти слова пронзали ее током.

— Думаю… я могла что-то услышать.

— Например? Кем была для тебя Мейси?

— Я ее не знала. Кем она была для тебя? — парировала Дана.

Он искренне удивился.

— Мейси? Никем. Она была в нашей школе. Была одной из нас, а теперь мертва. Она была такой, как мы, но кто-то убил ее.

— Как ты можешь так говорить? Она разбилась в аварии. Я читала вчера в газете. Копы говорят, что это была авария. Что она сама себя погубила. Нет… она случайно убила себя. Никто с ней этого не делал. Если бы на это были намеки, так бы и сказали.

— Не все, что знают копы, попадает в газеты, Дана, — сказал Этан. — Они не сообщают прессе много деталей, если идет расследование. Так они смогут увидеть разницу между теми, кто притворяется, что знает детали убийства, и теми, кто правда знает.

— О, откуда тебе знать? Смотрел программы про копов?

— Нет, — сказал он. — Я знаю это, потому что мой дядя — коп. Как и почти половина моей семьи за тридцать.

— И все они говорят, что это было убийство.

Этан сделал паузу.

— Нет… не все.

— То есть?

— Ладно, мой дядя думает, что что-то здесь подозрительно?

— Подозрительно?

– Да. Он не верит, что столько подростков могло умереть одним и тем же путем. Пять, Дана? Полиция собирает статистику, это слишком даже для Балтимора или Нью-Йорка. Дядя Фрэнк убедил капитана создать конфиденциальную линию, чтобы могли звонить те, кто что–то знает.

– Кто–то звонил?

– Ага, около тысячи психов, которые считают, что это все от тайного суицида до пришельцев или скрытой деятельности правительства.

– Отлично, – недовольно сказала она.

– Все хорошо, – сказал Этан. – Все эти звонки могут быть полезными. Просто требуется время, чтобы проанализировать данные.

Дана съела пару кусочков, пока обдумывала это.

– Хочешь тоже стать копом?

– Я? Не совсем. Я хочу быть судмедэкспертом.

– Это как?

– Он собирает для отделения шерифа улики и анализирует их. Кровь, отпечатки пальцев, все такое. Говорят, что всегда остаются следы, и судмедэксперт их ищет. Знаешь, в сериалах копы говорят, что отправляют что–то в лабораторию? Как раз к судмедэксперту. И там начинается настоящая работа.

Его энтузиазм и страсть были очевидны, Dana была впечатлена.

– И твой дядя Фрэнк думает, что это убийство? – спросила она.

Этан ответил не сразу.

– Мне кажется, что он так думает.

– Что? Ты серьезно?

– Ладно, – сказал Этан. – Он не пришел и сказал, что их убили, но статистика его тревожит. Он живет со мной и папой, и у него есть копии каждого случая. Он явно думает, что они связаны. Порой он всю ночь читает отчеты экспертов и изучает фотографии с мест преступления.

– Фотографии? – Dana чуть не подавилась.

– Да.

– Ты их видел?

– Нет… – сказал Этан так, что Dana ему поверила. – Он хранит их в столе. Он сказал, что у меня буду кошмары, но это не так. Мне не пять лет, да? И я видел вскрытие в учебниках. У меня сильный желудок. Для того, чтобы быть судмедэкспертом, так и нужно, – он посмотрел на нее. – Ты тоже крепкая. Ты даже не дрогнула, когда мы вскрывали лягушку.

– Пожалуй. Такое меня не беспокоит.

– А что беспокоит? – спросил Этан.

– Все в этом разговоре.

Прозвенел звонок.

– Мне в спортзал, – сказал Этан. – Слушай, мы сможем поговорить позже? После школы?

– У меня йога после школы.

– Ты ходишь на йогу?

– Да, а еще на джиу–джитсу, но завтра.

Он смотрел на нее.

– Ого. Да ты крутая.

– Молчи.

– Тогда за обедом завтра? Нет, погоди, завтра, наверное, сократят день из–за похорон Мейси. Почему тебе не прийти в научный кружок перед йогой? Нас там четверо, это не круто. Мы – группа странных ребят, но ты можешь, не знаю, влиться.

– Потому что я странная?

– Бывает хуже, – он широко улыбнулся. – И ты ходишь на йогу и джиу–джитсу. Ты

можешь быть нашим крутым символом.

Они пошли вместе и остановились в коридоре. Спортзал был слева, а ее кабинет — справа.

— Думаешь, Мейси убили? — спросила Dana, пытаясь принять эту идею.

— Надеюсь, я ошибаюсь, — сказал Этан и ушел. Она проводила его взглядом.

* * *

После уроков Dana нашла Мелиссы и потащила ее в «Вне пределов». Они нашли свой любимый столик, и Dana рассказала сестре все, что сказал Этан. Все, включая то, что дядя Этана, детектив, думал, что смерти подозрительны. Когда она закончила, Мелисса смотрела на нее большими глазами. Она моргнула и посмотрела на часы.

— Блин, мне пора на занятия медитации, — сказала она. — Никуда. Не. Уходи. Нам нужно поговорить.

— У меня йога через час, — сказала Dana. — Поговорим потом.

— А потом у меня продвинутая йога, — прорычала Мелисса. — Не важно. Дождись меня. Я хочу все детали.

— Но... я все тебе рассказала.

Мелисса встала и улыбнулась Дане.

— Я хочу подробности о тебе и Этане.

— Что? Нет, я...

Но Мелисса ушла. За Даной щелкнула касса, в колонках играла странная музыка, и день, и без того странный, продолжал кружиться.

ГЛАВА 24
Комната наблюдения
14:37

Агент Герлак принял звонок на телефон в машине.

– Прошлой ночью он не просто играл с разумами детей, – сказал звонящий. – Он развлекался. Мы только сейчас узнали.

– Конечно, – сказал Герлак, сжимая переносицу и закрывая утомленные глаза. – Что в этот раз?

Тяжелое молчание на другом конце.

– Вы еще там? – сказал Герлак. – Скажите, что он сделал.

– Лучше посмотрите сами.

– Все так плохо.

– Нет, сэр, – сказал звонящий. – Боюсь, намного хуже.

ГЛАВА 25

Вне пределов

15:44

— Важно сосредоточиться на чем–то постоянном, — сказал учитель. — Йога о здоровье и мире, о спокойном разуме.

«Ага, — подумала Дана, пытаясь держать тело в позе воина. — Удачи».

Ее разум не был спокойным, и мир казался лишь иллюзией. Менее реальным, чем то, что она видела в раздевалке. Чем ангел в ее снах.

Она с трудом выполнила шесть поз, отставала от класса, привлекала внимание учителя так часто, что некоторые «мирные» ребята начали громко вздыхать с раздражением. К счастью, занятие закончилось длинной медитацией. Это было хорошо. Дана могла попытаться все обдумать, отойти и посмотреть на все произошедшее, как люди смотрят на картину, чтобы не разглядывать вблизи мазки.

Она села, скрестив ноги, склонилась немного вперед, ладони легли на колени, она закрыла глаза и медленно вдыхала носом и выдыхала ртом.

Этан хотел быть судмедэкспертом. Звучало неплохо, по мнению Даны, хотя она никогда не думала об этом раньше. Она не хотела развиваться в том направлении, но это помогло ей немного отвлечься и привести мысли в порядок. За последние два дня она металась от одного странного момента к другому.

Мейси была мертва. С этого все началось.

Вот только... Нет. Все началось со снов. Началось с ангела в них. И с его странных слов, произнесенных шепотом. Многие слова растаяли, когда она проснулась, но обрывки оставались, щекотали воспоминания. Странное. Зловещее и странное.

Несмотря на произошедшее в раздевалке, на реальность ангела в ее снах, Дана не была уверена, что такое было наяву. Или, если это было наяву, сколько в этом было правды? Что бы там ни было, это становилось сильнее. Или правильнее сказать — хуже. У нее всегда были странные сны, но в Крейгере у нее появились сны о темном ангеле. Это было ясновидение? Или телепатия? Она не знала и хотела спросить у кого–нибудь. У Мелиссы, может. Или Коринды. Тут все началось. Это во–первых.

Во–вторых, случившееся в раздевалке. Галлюцинация, визит, что бы там ни было. Дана не могла это описать словами. Мейси говорила о Красной эре? Что за Красная эра? Она больше ничего не знала, не было объяснений, если они вообще могли быть.

В–третьих, темный ангел. Кем он был? Порой она думала о нем, как о дьяволе, в другие разы она думала о нем, как об ангеле. В ранних снах ангел не был жестоким, он был не таким пугающим. И хотя Дана считала, что это мог быть Люцифер, он так не пугал. Это было странно, но почему ее чувства изменились? Из–за Мейси? Может, но Дана так не думала. Не совсем.

В четвертых...

Что в–четвертых? Ей нужно было навести порядок в мыслях. Да. В–четвертых, пять мертвых подростков. Пять. Пять аварий. Пять жизней погасло. Было это пять несчастных случаев или убийств? Она не знала. Часть ее хотела узнать, схватить Этана и выведать у него всю информацию. Часть ее боялась даже думать. Пятьдесят на пятьдесят.

В–пятых?

Она надеялась, что этого нет.

— Дана... Дана!

Она открыла глаза и поняла, что все стоят, и коврики для йоги уже свернуты. Учитель стояла перед ней, она вежливо и удивленно улыбалась.

— На занятии ты не могла сосредоточиться, а в медитации ушла так глубоко, что даже не слышала свое имя, хотя я звала четыре раза. Ты так глубоко ушла, да?

— О, — сказала Дана. — Глубоко. Очень глубоко.

Она встала, свернула коврик и поспешила уйти.

Коринда стояла у комнаты йоги, ее лицо было мрачным, глаза странно горели.

– Думаю, нам нужно поговорить, – сказала она.

Дана замерла.

– О чем?

– О твоих снах, – сказала она. – О пяти убитых детях, о том, что тебя посещает дьявол.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПРОСТОРНЫЙ МИР

«Чем идеальнее человек снаружи, тем больше демонов у него внутри»
– Зигмунд Фрейд

ГЛАВА 26

Крейгер, Мэриленд
16:08

Агент Герлак сидел на нижней ступеньке и смотрел на кое-что в комнате. Обнаженное, в крови, улыбающееся, словно мир шутил, и только он это понимал.

Герлак тяжко вздохнул, чувствуя себя старше, чем на тридцать один год. Он устал. Он ощущал вес Кольта 45 модели 1911 года, который он носил в нейлоновой кобуре на плече. Он даже думал о том, сколько проблем решилось бы, если бы он прижал дуло к затылку маньяка и нажал на курок.

В комнате напротив него сидел, скрестив ноги, безумец, обнаженный, в пятнах крови, глаза странно горели. Между убийцей и агентом лежали фотографии, сделанные на Полароид, там были красные куски того, что раньше было подростками. Герлак видел эти тела сам, он сделал то, что было нужно. Работа была ужасной, сложной, но в ней была наука. Автомобильные аварии были полезны. Давление от удара, острые осколки стекла, пластика и куски металла разлетались в стороны. Никто не мог просчитать траекторию каждого обломка. Можно было спрятать почти все, кроме раны от выстрела. Аварии давно решали проблемы Синдиката и многих других агентств. Герлак не знал, смог ли вспомнить количество проблем, которые так решились за последние годы. Эти смерти были другими. В последний раз было очень сложно скрыть другие раны.

Фотографии на полу показывали правду. И ответственный безумец был здесь, его тело было в красном, окруженное уликами, которые могли запереть его на сотню лет.

– Если хочешь моих извинений, – сказал ангел, – ждать придется долго.

– Нет, – сказал Герлак. – Я не смогу стереть собачьи фекалии с ботинка твоим извинением.

– Хочешь, чтобы я объяснил?

– Нет. Я знаю, что ты этого не сделаешь.

– Почему? – спросил ангел.

Герлак ткнул туфлей ближайшую фотографию. Там кричала темнокожая девочка.

– Потому что ты психопат.

– Не только это, – белые зубы ангела слепили. Лучи солнца падали через витраж на окне, где были солдаты-римляне, забивающие гвозди в руки Иисуса. Стекло было разбито, и солдаты словно были без голов.

– Не сомневаюсь, – сказал Герлак, – но мне все равно. Я и минуты своего дня не потрачу, чтобы понять твой разум.

Ангел посмотрел на потрескавшуюся краску на потолке, потом на стенах. Паутина была на окне, оттуда свисали пустые оболочки мотыльков, которых съел паук.

– Может, стоило, – сказал ангел.

– Возможно. Но я подумаю об этом завтра, – сказал Герлак. – Сегодня мой вопрос, успеешь ли ты до сроков?

– Сроки, – ангелу нравилось звучание слова.

– Многое от этого зависит, компадрэ, – сказал Герлак. – Знаешь, сколько потребовалось денег, чтобы привезти все семьи в эту дыру? Новые здания, отстроенная школа, а еще обеспечить работой всех, кто не в программе. Куча работы. Все это стоит денег, и каждый день мы ждем тебя, сжигая миллион долларов. Каждый день.

– Деньги от мира людей, – сказал ангел.

– Да, да, а ты не человек и в свете Красной эры ты предстанешь во всем великолепии нефилима. Точно. Я слышал сто раз. Я понимаю твой взгляд. Но, позволь сказать, я не знаю, что ты и как станешь тем, кем собрался стать. Ангел, дьявол, мутант, безумец, кто угодно. Не важно. Это стороннее. Ты стал таким, потому что генетика где–то развернулась в твоей семье. Или это сверхъестественное, и ты становишься демоном из ада. Не знаю, и мне все равно. Меня волнует только программа.

– И срок.

– Наш срок, Яркий, – напомнил Герлак. – Ты подписался на это. И не говори, что мы – средства для твоего конца. Это не лучшая тема для разговора. Ясно?

Ангел молчал, но улыбка сияла, как солнце.

– Ты угробил часть подопытных, – сказал агент. – Мне пришлось стараться, чтобы все выглядело чисто.

– Браво за инсценировку маленьких драм. Это великий театр.

– Дразнишь, – сказал Герлак, но улыбнулся. – Мне нужно знать две вещи. Во–первых, мне нужно, чтобы ты меня убедил, заставил поверить, что те дети были не нужны для программы.

– Я уже говорил, – сказал ангел с первой ноткой раздражения в голосе. – Это были неудачи, туники в культивации. Кроме двух, все врезались в потолок развития способностей. Девчонка Белл и вот этот выглядели обещающе, но с появлением талантов они повернулись в другую сторону. Они думали, что поняли, что происходит, и каждый хотел что–то сделать с этим. Так нельзя.

– Угу, – сказал Герлак, он не скрывал скепсиса. – Никак иначе справиться нельзя было?

– Никак.

Герлак вытащил пачку жвачки из кармана, выудил две пластинки и начал жевать их. Он не предложил ангелу.

– Что тебя тревожит? – спросил ангел.

– Ты не заполнил отчет о прогрессе.

– Это будет.

– Уже пора.

– Ситуация стала критической, – сказал ангел. – Я не могу тратить время. Эта встреча, кстати, мне мешает.

– Жаль, – Герлак жевал жвачку. – Да, плохо будет, если это отвлечение будет стоить жизни еще одного субъекта.

– Контроль, – сказал ангел, – требует сосредоточенности.

ГЛАВА 27
Вне пределов
16:09

– Не бойся, – сказала Коринда.

– Поздно, – сказала Дана. – Я уже слишком сильно напугана.

Они сидели за столиком, где обычно были Дана с Мелиссою. Коринда сказала, что ей нужно быть ближе к кофе-бару, чтобы она, если что, помогла новенькой работнице. На столике были чашки чая и булочки, но Дана их не трогала. Ее сердце колотилось со скоростью пулемета, она сильно потела. Кружилась голова, словно все это было сном, и она не до конца проснулась.

– Откуда вы знаете об убийствах? – осведомилась Дана. – Откуда знаете о моих снах? Откуда вы все это знаете?

Коринда подняла чашку, подула на горячий чай и осторожно сделала глоток. А потом она отклонилась и глубоко вдохнула испарения, прикрыв на миг глаза.

– Ах, приятно. Это моя смесь. Чай с цветком лотоса. Лотос – священный символ вечной жизни во всех духовных культурах от современного египетского кеметицизма до древних индуизма и буддизма. Он помогает просвещению духа, верной любви. Можно использовать любую часть, но я люблю с тычинками и лепестками.

Дана сверлила ее взглядом.

– Вы говорите о чае, а моя голова вот–вот взорвется.

Коринда кивнула на чашку перед Данной.

– Я сделала тебе с ромашкой, чтобы успокоить нервы, и лепестками роз, которые открывают сердце, успокаивают разум и стабилизируют ауру.

– Я ухожу, – сказала Дана, но Коринда схватила ее за руку. Женщина была удивительно быстрой, а ее хватка – сильной.

– Нет, – сказала она. – Тебе нужно остаться, нам нужно поговорить. Знаю, ты видела его ночью в своей комнате.

Дана хотела вырваться, почти сделала это, но ей нужно было знать. Она вздохнула и села.

– Пей чай, – сказала Коринда. Из колонок раздавался странный низкий шум, и Дана не сразу поняла, что это было не искажение, а австралийская народная музыка, которую играли на диджериду. Эти трубы из дерева были на витрине магазина. Они нравились Мелиссе, но Дана считала, что эта музыка больше похожа на песни китов на похоронную тему.

Она сделала глоток чая и посмотрела на Коринду.

– Расскажите, откуда вы все знаете?

Коринда склонила голову, задумчиво глядя на Дану.

– Ты же знаешь, где ты? Ты знаешь, что это за место, кто я, какая я? Оглянись. Скажи мне, откуда я это знаю.

Дана огляделась. Карты Таро, хрустальные шары и руны. Полки книг о связи с духом, символах солнца, нехоженых тропах, внутренней работе, книги об открытии разума и вознесении духа. Талисманы из камней и иконки стояли на каждом столе. Плакаты уроков йоги, тай чи, медитации, чакр, терапии светом, перерождения, первобытных криков, пранаямы и многоного другого висели на стенах. Она повернулась к Коринде, женщина понимающе улыбалась.

– Да, – сказала она. – Вот так.

Дана упрямо покачала головой.

Коринда пила чай, а потом отставила чашку.

– Прошлой ночью я медитировала и позволила сознанию отделиться от тела. Знаешь про астральную проекцию?

– Наверное. Отделиться от тела? Вы про это?

– Да. Дух покидает физическое тело и может пересекать большие расстояния без помощи. Дух по своей воле оказывается вне тела, и так он оказывается вне ограничений пяти чувств. Он может видеть больше, знать больше, понимать больше.

– И это вы делаете?

– Всю жизнь, – сказала Коринда. Она горько улыбнулась. – Это не легкий путь. Было уже плохо возвышаться над всеми парнями в классе и легко справляться с учебой, но я еще и была очень странной. Но потом... ты ведь знаешь, как это?

– Да? – спросила Дана, все еще оставаясь настороже.

– Конечно, – сказала Коринда. Она выбрала булочку, стряхнула крошки, откусила кусочек и заговорила, жуя. – Ты хорошо учишься. И всегда такой была.

– Откуда вы знаете?

Коринда взглянула на нее.

– Я уже тебе говорила. Не надо так удивляться. Ты в моем доме, а я так делаю. Теперь... дай мне руки. Дай прочитать тебя. Все хорошо, я не кусаюсь.

Коринда опустила булочку и потянулась к рукам Дании. Та замешкалась на миг, а потом позволила прикоснуться. Руки Коринды были теплыми, а пальцы Дании холодными.

– Как... это работает? – спросила Дана. – Что мне делать?

– Просто смотри мне в глаза, – прошептала Коринда. – Сосредоточься на мне и позволь мне пройти в твое энергетическое поле.

– Как?

– Просто позволь, милая. И все. Я все сделаю.

– Эм, ладно? – прозвучало как вопрос.

Коринда смотрела на нее зелеными глазами с прожилками золота. Она нежно, но уверенно гладила пальцы Дании, словно смягчала глину. Сначала Дана помнила о людях и движении вокруг, она была уверена, что выглядит глупо, сидя здесь и держась за руки с женщиной, что была вдвое старше нее. Но нежное постоянное движение пальцев Коринды успокаивало. Это напоминало массаж, тепло растекалось по ее ладоням к запястьям, оттуда – в мышцы рук. Австралийская музыка закончилась, начался новый альбом, Дана узнала музыку с йоги. Серьезная флейта Пола Хорна, записанная в пирамиде Гизы, она гипнотизировала. Медленная, нежная и очень глубокая.

– Я вижу твой дух, Дана, – сказала низким голосом Коринда. – Твоя аура оранжево-желтая. У тебя научный склад ума. Ты любишь все анализировать. Ты – перфекционист. Ты любишь решать загадки и проблемы, находить порядок в хаосе.

Дана открыла рот.

– Тише, просто слушай. И все. Позволь увидеть все, что я могу, что открыто для меня, – Коринда замедлила движения. – Моя аура синяя. Мой дар – связь с духами и ясновидение. Потому я все в тебе вижу. Я вижу желтые шипы, Дана. Как вспышки на солнце. Желтый значит, что ты на грани духовного пробуждения, над твоей головой фиолетовый венец, над твоей чакрой короны. Твой дух стал очень активным. Твое внутреннее око хочет открыться. Позволь ему! Пусть третий глаз видит то, что не могут человеческие глаза. Я помогу тебе, Дана, потому что уже вижу. Мой третий глаз был открыт до моего рождения.

Дана была на границе сна. Она пыталась проснуться, но теплые постоянные прикосновения убаюкивали.

– Эти видения для тебя не новые. Они были раньше, но теперь стали сильнее, возникают чаще, это пугает. Ты видела что-то и не знаешь, ангел это или дьявол. Ты не знаешь, откуда эти видения, и ты боишься увиденного. Все хорошо. Я буду твоим проводником. Ничто не ранит тебя, пока мы вместе. У меня есть щиты, мой дух охраняет все вокруг меня. Это безопасное место.

– Безопасное... – пробормотала Дана.

– Тебя посещал во снах ангел, Дана, – сказала Коринда. – Это посланник, который очень хочет поделиться с тобой важной информацией. Кивни, если понимаешь.

Дана кивнула. Она в это верила.

– Порой он красивый, так, как ты думаешь, выглядит ангел. Чистый, целый, прекрасный.

Кивок.

– Но порой он выглядит иначе. Темный, незнакомый, пугающий. Монстр.

– Да, – очень–очень тихо сказала Dana.

– Да, – согласилась Коринда. – Я скажу, почему, сестренка. Это ангельское существо, да, но не такой ангел, о каком тебе рассказывали. Это не высокие блондинки с мягкими крыльями. И не младенцы. Ангелы очень сильные и отличаются от всего, что ты можешь представить. Это не люди. Они могут так выглядеть, когда мы, люди, даем им такой облик. У них нет физического воплощения. Это существа чистой энергии космоса. Но, когда ты смотришь на них человеческими глазами, даже во сне, то твой разум теряется и требует придать им понятный облик. Потому ангелов изображали как красивых величественных людей. Потому художники изображали бога как мужчину с белой бородой. Они придавали всему космическому образ короля, потому что им казалось, что так все и выглядит.

Дана кивала.

– Ты выбрала ангелу красивый и безопасный облик, – продолжила Коринда. – Он похож на отца. Знаю, ты любишь и уважаешь отца, но и немного боишься его. Он сильный, строгий, далекий, и ангел представляется тебе таким. Ты дала ангелу другое лицо, чтобы любить его так, как не можешь любить отца, и это хорошо, это безопасно. Но ты выбрала этот облик.

Слова Коринды успокаивали, как прикосновения, и Dana парила, словно поднималась над телом. Она даже представила, что могла посмотреть вниз и увидеть себя, сидящую напротив женщины.

– В городе начали происходить смерти, – сказала Коринда. – Ужасные смерти. Украденные жизни. Убийства. Это оскорбляет гармонию твоего духа, Dana, ты чувствительна и уловила негатив в воздухе. Но ты не знаешь о своем даре и не управляешь им, негатив замутняет твой глаз. Он влияет на то, как ты воспринимаешь небесных существ рядом с твоим духом. Негатив закрывает тебя, и ты иначе видишь ангельское существо. Ты видишь его как дьявола, потому что не понимаешь, как может вредить самая невинная космическая сила. Тебе кажется, что ангельские существа наносят вред. Но, Dana... послушай, это не так. Не ангельское существо стоит за этим. Они так не делают. Они – проводники, они защищают нас.

В разуме Danы появился вдруг силуэт темного ангела из ее сна. Он стоял спиной к ней, высокий и сильный, черные крылья сложены, руки расслаблены, пальцы скрючены и увенчаны черными ногтями. Он стоял, словно слушая Коринду, а потом начал разворачиваться. Крылья дрогнули, и Dana услышала шорох мембран кожи.

«Dана, – заговорил ангел голосом, похожим на летний гром. – Dana, будь осторожна. Очень осторожна. Если ты откроешь глаза, то развидеть не сможешь».

Темные ангел отвернулся и на миг – на секундочку – у него было лицо ее отца.

Dана закричала и отпрянула, она вырвала руки из хватки Коринды. Ее плечи ударились о стенку между кабинкой и стойкой, что–то упало. Календарь, наверное. Она услышала шелест и стук по полу. Связь была разорвана, силуэт темного ангела пропал, Коринда охнула и отдернула руки, словно ужаленная.

Они сидели, застывшие, и смотрели друг на друга. Коринда сначала была потрясена, но быстро взяла себя в руки и выдавила улыбку.

– Что ж, – сказала она. – Это уже что–то, не так ли?

ГЛАВА 28

Вне пределов

16:31

– О чём вы говорите?

Дана вздрогнула и увидела, обернувшись, Мелиссе у столика. Она не слышала, как сестра подошла.

– Ох! Ты меня напугала, – выдохнула Данна.

Мелисса вскинула брови.

– Похоже, тебя уже перепугали. Ты белая, как призрак. Даже сильнее. Булочки свежие? Я голодна, – она села, подвинув Дану бедром, взяла булочку, откусила большой кусок и кивнула Коринде. – Пугаете мою сестренку?

– Немного, – сказала Коринда. – Данна хорошо сама себя пугает.

– О, это больше, чем испуг, – сказала Данна с нервным смешком. – Намного больше.

– Расскажите все, – Мелисса забрала чашку Даны и допила холодный чай.

– У меня были тревожные видения насчет духовного разума Даны, – сказала Коринда. – Но ты уже это знала, да? Да. Я вижу, она тебе рассказывала.

Мелисса не моргнула от слов Коринды. Она кивнула.

– Она все мне рассказывает. Откуда вы знаете? Карты? Кристалл?

– Медитация и астральная проекция, – сказала Коринда.

– Круто. И вы забрались в голову Даны?

– Я здесь, вообще–то, – сказала Данна.

Мелисса ткнула ее локтем.

– Расскажите все.

Они так и сделали. Коринда сделала, а Данна кивала в нужных местах. Некоторые фразы Коринды передала Мелиссе иначе, и эти слова было сложнее понять Данне. Но смысл был тем же.

Мелисса склонилась, ее глаза были огромными.

– Думаете, Мейси убили? – потрясенно прошептала она. – О боже!

– Так и Этан думает, – сказала Данна. – И его дядя. Мейси и других подростков.

– Думаешь, это правда? – спросила Мелисса. – Такого же не может быть?

– Это правда, – ответила Коринда. – Данна знает это душой. Убитые дети тянутся к ней, используют ее чувствительность, чтобы передать историю. Раскрыть правду. Потому Мейси явилась к ней в школе.

– Мы должны рассказать людям, – заявила Мелисса. – Сказать шерифу, и… всем.

– Нет, – одновременно сказали Данна и Коринда.

– Почему?

– Потому что меня обзывают безумной, – сказала Данна.

– Не важно, – сказала Коринда. – Люди считали меня такой, когда мне было всего три года. Кому какая разница? Просто это доказывает, как мал их разум, и что они носят шоры. Нет, девочки, говорить никому нельзя, по крайней мере, пока что, потому что мы не знаем, кто убийца.

– Потому нужно рассказать полиции, – настаивала Мелисса.

– Нет, – Данна поняла, куда клонит Коринда.

– Почему? – спросила ее сестра.

– Потому что, – сказала Данна, – если мы расскажем полиции, убийца поймет, что мы все знаем.

Мелисса сказала:

– И что? Мы не знаем, кто убийца, и вряд ли мы кого–то заденем. Мы же не назовем имена.

– Убийца этого не знает, – сказала Данна. – Если он поймет, что мы знаем это из–за моей вспышки или слов Этана о файлах дел, которые хранит его дядя, то убийце станет

интересно, что еще я знаю. Он подумает, что будет, если во сне я увижу его лицо или имя. Он решит расправиться с этим.

— Да, — тихо сказала Коринда. — Он сосредоточится на тебе, Дана.

— Жаль, ты не видела больше подробностей в видениях, — сказала Мелисса. — Например, имя, адрес. Хоть что-то.

— Требуется время, — сказала Коринда, — даже для меня. Нужно, чтобы все в космосе соединилось, чтобы увидеть это.

— Хотелось бы понимать, что со мной происходит, — ответила Дана.

— Видения обычно не точные, — сказала Коринда. — Они часто замутнены символизмом и шифром.

— Это сводит с ума, — сказала Дана.

Коринда покрутила чашку с холодным чаем.

— Ты шутишь, но видения сломали много разумов за века.

— И некоторых сожгли на костре, думаю.

— Это тоже. Об этом мы можем не переживать, но реакция на видения часто негативная и враждебная. Ты видела это вчера в спортзале.

Дана взглянула на нее.

— То, что вы это знаете, очень жутко.

Коринда обиделась.

— Знаю. Я пугала людей всю жизнь. Это не смешно. Некоторые из нас, одаренных, часто кажутся другим злом, грешниками из-за того, кто мы есть. Я не просила об этом, и ты, думаю, то же.

— Ни за что не просила бы, — сказала Дана.

— Но мы остались на том же месте, — сказала Мелисса.

Они сидели и думали, а люди приходили и уходили, «Вне пределов» жил в своем темпе. Анджело прошел мимо с красной металлической коробкой. Он посмотрел на них, Дана встретилась с ним взглядом. Лишь на миг, но ее пронзило током. Его лицо было серьезным, почти встревоженным, он заметил ее взгляд и отвернулся. Почему? Смутился? Не нравилось, что он видел? Что-то было с ней? Дана не знала. Но Анджело быстро ушел, пропал вдали.

— Что нам делать? — спросила Мелисса, не заметив этих взглядов.

Коринда щелкнула пальцами.

— Точно, — сказала она. — Луч.

— Верно, — сразу согласилась Мелисса.

— Что? — спросила Дана. — А что он знает?

— Насчет убийств? — спросила Коринда. — Ничего. Но у него тоже есть дар.

— Какой?

— Какие занятия он ведет? Психическое погружение? Это для тех, кто одарен или так думает. Он помогает людям развивать дар. Думаю, он тебе поможет.

Дана волновалась. Она не знала, хотела ли, чтобы ее «дар» стал сильнее. Но вдруг Луч мог помочь? Вдруг, сосредоточив видения, Дана сможет помешать убийству?

— Ладно, — неуверенно сказала она, — попробуем.

У стойки образовалась очередь, и Коринда встала.

— Поищите Луча. У меня работа, а потом свои дела.

— Но... — начала Дана, но Коринда прервала ее.

— После встречи с Лучом, идите домой и медитируйте. Я тоже буду, а завтра сравним результаты и составим план.

Они договорились. Коринда коснулась щеки Дании.

— Будь сильной, сестренка. Ты становишься сильной, это всегда пугает. Верь в свою силу, доверься миру. Он даст ответы, — и она ушла.

ГЛАВА 29
Дом Скалли
17:54

Они пошли искать Луча, но оказалось, что он уже ушел. И Дана с Мелисой пошли домой, говоря обо всем, но никаких выводов не делая. Это так раздражало, что они тревожно молчали вплоть до двери дома.

Дана пошла в комнату и принялась за уроки, когда зазвонил телефон. Потом она услышала, как ее зовет мама:

– Дана! Это тебя.

Телефон был на столике у лестницы, Дана поспешила туда. У нее не было своего телефона, почти никто ей не звонил. У нее не было здесь друзей, как не было и в Сан-Диего. Порой папа хотел поговорить с ней, но он обычно звал обеих дочерей. Она взяла трубку.

– Да?

– Эй, – сказал знакомый голос. – Есть минутка?

Она сразу нашла голос.

– Этан...?

– Ага, я подумал...

Дана прикрыла трубку и громко крикнула:

– Я взяла трубку, мам!

Через миг стало слышно щелчок телефона внизу.

– Я же не помешал ужину? – спросил Этан.

– Нет, – быстро сказала она. – Я училась.

– Лягушки? – спросил он.

– Лягушки, – согласилась она и прижалась к стене.

– Лучше всего перед сном. Кишки лягушки.

– Откуда у тебя мой номер? – вдруг спросила она.

– А? О, от Эйлин, которая взяла у Дейва, а тот – у твоей сестры. Круто, что я позвонил? – спросил Этан. – Или я... перегнул?

– Круто, – убедила она его. – А что? Насчет сочинения по лабораторной?

– Нет, – голос его вдруг стал увереннее. – Я насчет того, о чем мы говорили за обедом. О Мейси и остальных.

– А что с ними?

– Ты была заинтересована.

– Да.

– В отчетах, я имею в виду.

– Ах, – сказала она, понимая. – И?

– Они дома, – сказал Этан. – У дяди свой архив. Все в его столе.

– И?

– У меня есть ключ.

Дана смотрела в пространство, накручивая провод на палец.

– Ты еще там? – спросил он.

– Да.

– Когда дядя Фрэнк завтра будет на работе, – сказал Этан, – мы сможем... не знаю... заглянуть?

– Да, – снова сказала она, напряжение в голосе ее удивило.

– Уверена?

– Абсолютно. А что твои родители? – спросила она.

Пауза.

– Мамы нет, а папа много работает. Он дома не бывает.

– О, – она не знала, что еще сказать. Тон Этана не приветствовал комментарии.

— Значит, завтра, — сказал он. — У нас полдня, но я могу задержать парней из клуба науки. Если хочешь с ними встретиться.

— Определенно, — сказала Дана.

— Мы встречаемся в лаборатории химии после последнего урока. Мы быстро, ведь школа закроется рано, но полчаса на разговор у нас будет.

— Хорошо, — сказала Дана. — Там и встретимся. И, Этан...?

— Да?

— Спасибо, — сказала она.

— За что?

— За то, что не относишься ко мне, как к психу.

— Я никогда не буду, — сказал он и закончил разговор.

Дана медленно вернулась в комнату, думая обо всем, что случилось сегодня. Этой ночью ей не снились ангелы или дьяволы. Но сон был страшным.

Дане снилось, что ее сердце было в огне.

Во сне она лежала на голом холодном полу в пустом здании. Церковь. Высокие комнаты с витражами были разбиты, паутина висела среди обломков досок. Дана лежала на полу, руки были раскинуты в стороны, а лодыжки скаты. На миг она подумала, что ее распяли, как Мэйси. Но потом она ощутила жжение в груди. Раскаленное и тяжелое, словно кто-то пронзил ее лучом чистого огненного света. Этот вас прижал еe к полу.

Она ощущала, как в ней горел огонь, но, когда подняла голову, не увидела дым или пламя. Ее пижама не была повреждена, крови не было.

Но боль...

Хуже Дана еще не ощущала, наяву и в кошмарах. Боль была такой сильной, что она даже не могла кричать. Крик не выразил бы эту боль. Она лежала, стиснув зубы, мышцы напрягались, а разум горел вместе с сердцем.

А потом жжение запульсировало, растянулось с яркостью солнца. Боль поглощала ее, сжигала все в пепел.

Она вырвалась из сна, обнаружила голос и закричала от боли. Она была на полу у кровати, одеяло запуталось в ногах. Грудь все еще жгло. Дана выбралась из одеял, они отпустили ее, и она побежала в ванную, захлопнула за собой дверь. Она сорвала кофту, чтобы увидеть, как сильно ее ранило.

Вот. Красное пятно, яркое, как от свежего ожога, в форме вспыхнувшей звезды, лучи тянулись в стороны. Она, казалось, пульсировала жаром, светом, болью.

А потом угасла, пропала, забирая с собой ощущения, следы обожженной плоти. Осталась только гладкая кожа.

Дана стояла там, прижавшись бедрами к рукомойнику, она склонялась к зеркалу, чтобы рассмотреть кожу.

Ничего.

Дана прижалась к стене ванной. Она съехала и сжалась там, дрожа.

— Что это? — спросила она у пустой комнаты.

Никто ей не ответил.

Она долго поднималась на ноги, хватаясь за рукомойник и ручку двери. Она умыла лицо, пошла, шатаясь, в спальню и упала для молитвы. Но слова молитв казались ей неправильными, неуклюжими.

Дана забралась в кровать и молила бога, вселенную, кого-нибудь дать ей поспать без снов. Даже без хороших. Только тьма и умиротворение.

И она уснула.

Но сон снова был. В этот раз ей снилось, что она мертва. Что она умерла во сне. Ей снилось, что она парила как пылинка в неподвижном воздухе спальни, смотрела с беспомощным ужасом, как мама пришла будить ее. Стоны вырывались из груди матери, когда ее пальцы коснулись холодной плоти дочери, и звуки были невероятно жуткими.

Когда Дана проснулась в прохладе через пару минут после рассвета, она задыхалась,

ощущая себя слабой и истощенной.

– Боже, – выдохнула она. – О боже.

ГЛАВА 30
Дом Скалли
4 апреля, 6:07

— Ты как мертвая, — сказала Мелисса, когда Дана пришла на кухню.

Они были вдвоем. Папа поздно пришел и еще спал, бабушка дремала в кресле в гостиной, а мама пила чай на заднем дворе. Так она делала, чтобы побывать одной. Утро в доме Скалли было холодным и тихим.

— Спасибо, — буркнула Дана, взяла нож, чтобы разрезать рогалик. Лезвие отразило ее, на миг Дана замерла и смотрела на свое лицо. Мелисса была права, она выглядела кошмарно.

— Снова сны? — спросила Мелисса.

Дана отводила взгляд.

— Вроде того.

— Видение? — спросила сестра, оторвавшись от комикса в газете.

— Нет, — Дана не хотела описывать те сны. — Просто сны. Не хочу вспоминать. Кофе есть?

— Ты же его ненавидишь.

— Мне нужно немного.

Мелисса встала и заварила чайник. Дана налила в кофе немного сливой и пила. Они сидели в мрачной тишине, пока ели. Бабушка прошла и села, улыбаясь.

— О, привет, Маргарет, — сказала она Мелиссе. — Кто твоя подружка?

Они не исправляли ее. Девушки поцеловали ее, собрали вещи и пошли в школу.

Они не видели, как раздвинулись шторы в спальне на втором этаже. Они не видели, что отец провожал их взглядом.

* * *

Дейв и Эйлин снова столкнулись с ними, и в школу они шли все вместе. Судя по яркой улыбке Дейва Мелиссе, Дана поняла, что столкновение было запланировано. Дейв улыбался Мелиссе ярче апрельского солнца.

— Красивая блузка, — сказал он.

Мелисса поправила блузку, что была почти прозрачной, спасал только узор из полевых цветов. Она была с большим вырезом, и у Мелиссы была помада нового цвета.

— Спасибо, — сказала она. — Просто надела первую попавшуюся вещь.

Она полчаса выбирала блузку и тесные джинсы, всем было ясно, что эту встречу она предвкушала. Особенно если учесть, что было не тепло, она явно мерзла. Эйлин поймала взгляд Данны, они отвернулись, скрывая улыбки.

— Люблю сокращенные дни, — сказал Дейв, — но жаль, что это из-за проводов. Кошмар. И некоторым разрешили завтра пропустить школу из-за похорон Мейси.

Эйлин огляделась.

— Вы идете?

— Нет, — сказала Мелисса. — Я не хожу на похороны.

Эйлин посмотрела на нее.

— Потому что ты ее не знала?

— Нет, потому что смерть означает перерождение, а не толпу людей, глядящих на труп в гробу. Это жутко.

Никто ничего не сказал, тишина окутывала их почти все время пути по улице.

Они перешли дорогу и увидели Карен и ее подругу Энджи. Девушки замерли и смотрели на Дану нечитаемыми взглядами. Дана рефлекторно кивнула им, через миг Карен кивнула в ответ. Слов не было, девушки пошли вперед.

— Что это было? — спросил Дейв.

— Кузина Мейси и ее подруга, — сказала Дана. — Мы вчера говорили. Они опечалены. Они шли в тишине две улицы, а потом Дейв сказал:

– Мы говорили вчера с Этаном Хейлом. Он спрашивал о тебе.

Дана сказала:

– О..? – она пыталась звучать спокойно, но Мелисса и Эйлин пронзили ее взглядами.

Мелисса нахмурилась.

– О чем он спрашивал?

– Пустяки, – сказал Дейв. – Он знал, что я тебя знаю, и хотел узнать о Дане.

– Что он хотел узнать? – не унималась Мелисса.

– Общие вещи. Где вы живете. Что Dana любит. Ну, знаете, книги, фильмы, музыка.

Все такое.

– Ах, – Эйлин понимающе кивнула.

– Ах, – поддакнула Мелисса.

Дана была слишком смущена, чтобы говорить. Одним из минусов рыжих волос было то, что лицо резко краснело от перемен настроения, она словно была вареным раком. Ярко-красным и горячим.

– Этан мил, как для ботаника. Что ты ему сказал? – спросила, заинтересовавшись, Мелисса.

Дейв пожал плечами.

– Я знаю лишь, что она любит учиться.

Дана ускорила шаги, словно могла убежать от румянца.

– Эй, – сказал Дейв, когда они добрались до школы. – Смотрите на них.

Две машины из отделения шерифа и несколько офицеров в форме тесно обступили директора, мистера Штернхольца, и главного охранника школы, чье имя Dana не знала, но все ученики звали его Текс.

– Я слышала, они хотят внедрить скрытых офицеров в ФСК, – сказала Эйлин.

– Точно, – сказал Дейв, – потому что мы стали злодеями.

– Из-за Мейси, – возразила Эйлин, – и других подростков. Может, проблема все-таки есть.

– Возможно, – тихо сказала Dana. – И я не думаю, что дело в наркотиках.

ГЛАВА 31
Высшая региональная школа ФСК
7:21

Водитель Герлака стучал пальцами по вершине руля.

– Она вас видела, кстати, – сказал он.

Агент Герлак рылся в бардачке в поисках пачки жвачки. Там уже была дюжина, но большая часть была пустой. Он не выбрасывал мусор в окно. Отпечатки. Он нашел последнюю целую пачку за журналами о его пистолете.

– Знаю, – сказал он.

– Это проблема?

Герлак развернул пластинку и согнул, чтобы проверить свежесть. Ломкая и несвежая. Он вздохнул, но сунул пластинку в рот.

– Мое лицо не запоминается, – сказал он.

– Уверены? – спросил водитель. – Я читал о ней. Она умная. Юная, но умная.

Герлак жевал жвачку и не отвечал.

Последние ученики вошли в школу, все вокруг окутала фальшивая тишина, словно никого не было.

Словно все было спокойным и мирным.

Словно.

ГЛАВА 32

Высшая региональная школа ФСК

7:28

Дана рылась в учебниках в шкафчике, когда Этан появился из ниоткуда.

– Эй, – сказал он, и она подпрыгнула в воздух.

– Не делай так, – она оттолкнула его.

– Прости, – сказал он так, что стало ясно, что он не сожалеет. – Ты все еще идешь в клуб науки сегодня?

– Да, – сказала Дана. – А потом пойдем смотреть на файлы твоего дяди, да?

Он заглянул в ее глаза.

– Если ты этого хочешь.

Она не успела ответить, звонок объявления прогудел особенно громко, и они тут же посмотрели на колонки высоко на стене. Раздался стук, кто-то проверял микрофон, и медленно заговорил мистер Штернхольц:

– Всем студентам необходимо пройти в актовый зал для особого собрания. Прошу, пройдите туда как можно скорее. Собрание начнется через пятнадцать минут.

А потом тишина.

– Это еще зачем? – удивился Этан. – Нет, погоди, понял... Копы. Видела их снаружи? Они теперь будут тут крутиться.

Дана кивнула, но тяжелый тон голоса директора беспокоил ее.

И все же она посмотрела на Этана.

– Сядем вместе?

Он улыбнулся.

– Конечно.

Они пошли туда, и почти сразу Этан врезался в юношу, выходящего из-за двери. Этан врезался во второго парня, чуть не упал, но второй схватил его рукой. Движение было быстрым, силы хватило, чтобы Этан не упал.

– Эй! Смотри, куда идешь, – прорычал Этан, убирай руку.

Другим парнем был Анджело из магазина Коринды.

– Ты в меня врезался, эсэ.

Голубая рабочая рубашка Анджело была наполовину расстегнута, открывая белую футболку с длинными рукавами. Его руки и лицо были смуглыми со старыми розовыми шрамами.

«Знаки интересной жизни», – подумала Дана.

– Ты вышел из ниоткуда и врезался в меня, – возразил Этан. Он покраснел, смущаясь, что его сбили и поймали в тот же миг.

– Я вышел отсюда, – сказал Анджело, указывая на дверь с четкой табличкой «ДЛЯ УБОРКИ». – Если бы ты был внимательнее, а не любовался своей девушкой, то увидел бы меня.

– Я ничего такого не делал, я шел на собрание.

– Он не мой парень, – быстро сказала Дана.

Парни посмотрели на нее. Анджело улыбнулся, Этан – нет.

– Если вы на собрание, – ровно сказал Анджело, – то лучше спешите, – Этан не успел ответить, Анджело повернулся к Дане и вскинул голову. – *¿Qué pasa, mai?*

Дана мало знала испанский, то эту фразу слышала, пока росла в Южной Калифорнии. *В чем дело, девочка?*

Она не ответила. Этан стоял, рассеянный и смущившийся, и не знал, что сказать или сделать. Анджело развлекался.

– Еще увидимся, амиго, – сказал он и пошел прочь. Когда он ушел на пару футов, он обернулся и посмотрел на Дану так же, как и во «Вне пределов».

– Придурок, – пробормотал Этан.

– Забудь, – сказала Дана. – Идем.

Они поспешили по коридору к актовому залу, где пара сотен учеников искала места и говорила. Никто не знал, что происходит, но теории были у всех. А потом мистер Штернхольц поднялся на сцену, а за ним офицер в форме. В зале стало тихо, хотя Дана слышала пару шуток и приглушенных смешков, трое из школьной команды по гольфу притворялись, что передают невидимую сигарету.

Директор Штернхольц остановился у микрофона на стойке, посмотрел на всех и сказал:

– Довольно, – его голос был резким, властным, его усиливал микрофон. Даже шутники притихли. Школьная медсестра и еще одна женщина, которую Дана не знала, прошли на сцену. Они не были рады, судя по красному опухшему лицу, медсестра плакала.

Дана и Этан с тревогой переглянулись. Он произнес губами: «Что происходит?». Но Дана покачала головой.

– Как все вы знаете, – начал Штернхольц, – наша школа и наше общество подверглось серии трагедий за последние полгода. Три подростка из старшей школы Оук Воли, двое из ФСК умерли в жутких авариях, которые можно – и нужно – было избежать. Глупые поступки привели к потере юных жизней и разрушению их потенциала. Жуткая цепь событий, и я хотел бы сказать, что это закончилось, что мы стали умнее, научились на своих ошибках и стали жить безопаснее, – он замолчал и посмотрел на море лиц. Все молчали. Ни звука. Ледяная тишина. – Но эта трагедия так просто не закончится. Мы еще не похоронили Мейси Белл, еще даже скорбеть не закончили, а сегодня я с сожалением сообщаю об еще одной смерти. Третий ученик ФСК. Один из нас.

Этан схватил Дану за руку и держал, словно она могла не дать ему съехать со стула. Его рука была ледяной.

– Сегодня я узнал, что старшеклассник Тодд Харрис погиб ночью в четверг, когда его машина вылетела за ограду у шоссе Эрк Хилл. Его машину нашли у холма в реке.

Тишина растянулась, но ее разбил крик. Все оглянулись на блондинку, выбежавшую из зала. За ней последовали три девушки.

– Девушка Тодда, – сказал Этан. – Могли бы ее сначала предупредить. Так нельзя же. Это жестоко.

Дана кивнула, но думала о другом. Новость разбросала ее мысли. Еще одна смерть? Шестой подросток. Шестая авария?

– Нет, – сказала она.

– Что? – спросил Этан.

Дана склонилась и яростно прошептала:

– Ты же понимаешь, что это не может быть совпадением?

Свежий страх был в его глазах, но не сомнения.

– Наверное.

– Кто–то убивает подростков, – сказала она. Она хотела сказать: «Кто–то убивает нас».

Этану было не по себе.

– Знаю.

Мистер Штернхольц на сцене повернул микрофон к школьной медсестре, рассказавшей о вреде наркотиков и спиртного. Она представила другую женщину, психолога, которая говорила о горе, опасностях наркотиков и алкоголя. А потом офицер в форме представился помощником шерифа Дрисколлом, он тоже говорил об опасности наркотиков. Они приберегли напоследок бомбу.

Директор Штернхольц посмотрел на всех.

– Первым делом утром я заставил работников обзвонить ваших родителей для разрешения взять у вас кровь на анализ. Пока вы не начали возмущаться из–за притеснений свободы, – сказал он, успокаивая тоном, – я напомню вам, что вы еще

маленькие. Пока у нас есть разрешение ваших родителей или законных опекунов, мы можем и сделаем это. Распространение наркотиков нужно остановить. Если нужно принять серьезные меры, то так мы и сделаем.

Некоторые ученики сидели в потрясенной тишине, другие рычали и выли. Штернхольц смотрел на всех свысока.

– Не ошибитесь, – холодно сказал он. – Если вы откажетесь дать медсестре или волонтерам из больницы кровь на анализ, вас могут даже исключить.

Все молчали.

– В прессе много говорят о «войне на наркотиках». Пока что мы проигрываем, – его глаза блестели, он жутко улыбнулся. – Это изменится. Я собираюсь выиграть в этой войне. В течение дня медсестры придут в каждый класс со списком учеников, чьи родители разрешили взять кровь на анализ, чтобы обезопасить нашу школу. Свободны.

Ученики встали, кто-то злился, кто-то дрожал, но все были испуганы и встревожены.

Дана склонилась и шепнула Этану.

– Это все неправильно.

Он взглянул на нее.

– Почему ты так говоришь?

Она тряхнула головой.

– Не знаю, но все клетки моего тела кричат, что все не так, как они говорят. Ты тоже это чувствуешь?

Этан долго смотрел на нее. А потом медленно кивнул.

– Ага, – сказал он. – Нам нужно посмотреть файлы дяди Фрэнка после школы.

– Да, – сказала она, ярость в ее голосе удивила ее.

Этан задумчиво сжал губы.

– У меня сегодня только физкультура и латынь, а у тебя?

– История и английский, – сказала она.

– Тогда встретимся в лаборатории химии как можно скорее. Поговорим с ребятами из клуба науки, пока школу не закрыли. Может, они смогут помочь.

Прошло десять минут первого урока Даны, когда пришла медсестра со списком. Ее имя там было.

Предательство ранило, но она знала, что согласился отец, а не мама. Ради нее и Мелиссы.

ГЛАВА 33

Высшая региональная школа ФСК

11:43

Они напоминали жабу, аиста и богомола.

Трое членов клуба науки сгрудились у стола и подняли головы, когда Этан и Дана вошли в комнату. Они выглядели так, как Дана и ожидала.

Жаба был низким десятиклассником с большими глазами, широким ртом, маленьными ушами и пухлым животом. Он был в футболке с Люком Скайуокером и джинсах, которым было сто лет. Его кроссовки выглядели еще старее. Этан представил его как Джерри Гомера.

– Привет, – сказал Джерри, покраснев при этом.

«Не привык говорить с девочками», – подумала Дана.

Аистом была девушка. Сильвия Бруннер была очень высокой и худой с длинной тонкой шеей в родинках, которые Дане напомнили созвездие, но она не помнила, какое. У Сильвии было спокойное лицо, не очень красивое, но открытое. У нее были очки в толстой коричневой оправе, макияжа не было, спутанные волосы были стянуты в узел. В Сильвии не было угрозы, не было ни следа осуждения в ее бледно-зеленых глазах.

– Мой кузен Дейв постоянно говорит о твоей сестре, – сказала она. – Похоже, она ему нравится.

– Ага, – сказала Дана, они обменялись улыбками.

Богомолом была темнокожая девочка с немигающими глазами, она двигалась с медленной точностью. Многое было за этими глазами, она была из тех, кто все запоминал в деталях, но редко делился своими мыслями.

– Тиса Джонсон, – представилась девочка.

– Рада знакомству, – сказала Дана.

Класс был пустым, члены клуба работали над сложной химической проблемой, использовали деревянные шарики и бруски, составляя модели молекул.

Сильвия сказала:

– Проясню, Дана, что мы слышали о случившемся в раздевалке.

– Эм... хорошо.

– Этан говорит, что ты адекватная, – сказала Сильвия, – так что мы смирительную рубашку в школу не взяли.

– Ладно. Спасибо...?

– Я наблюдала за вами на собрании, – сказала Тиса. – За тобой и Этаном.

– О?

– Вы не поверили их словам, да?

Дана посмотрела на Этана, тот кивнул.

– Не поверили.

– Какая у тебя теория?

Они смотрели на нее с напряжением жюри на опасном испытании. Так Дане казалось.

Она опустила тяжелую сумку на пол и села.

– Не знаю, что происходит, – призналась она. – Я знаю лишь, что испытала.

– Я слышала десять разных версий, – сказала Сильвия.

– И все это сплетни, – сказал Джерри.

– Расскажи нам свою версию, – сказала Тиса.

Так она и сделала.

Они слушали. Когда она закончила, почти тридцать секунд стояла тишина, она видела, что члены клуба обдумывают ее слова по-своему. Джерри сидел на краю стула и водил круги на столе указательными пальцами, один по часовой стрелке, другой – против. Сильвия отклонилась и смотрела на потолок. Тиса смотрела на Дану пронзительным

непонятным взглядом.

Тиса нарушила тишину.

– Экстрасенсорное восприятие – годная отрасль науки, – сказала она сдержаным тоном. – Ее изучают в лучших университетах всего мира. И военные. У всех.

– Это жутко, – сказала Сильвия, – но и круто. Я видела на прошлой неделе по телевизору парня в разговорном шоу. Забыла название. Важный что-то там. Не важно. Говорили, он помогает полиции искать тела жертв. Так что... полиция может думать, что что-то здесь замешано.

Джерри кашлянул.

– Говорят, все подростки, что погибли в аварии, принимали наркотики.

– Я в это не верю, – сказала Дана.

Он уставился на нее огромными глазами жабы.

– Статистически невозможно этому случиться в таком маленьком городе. Даже в стране так не должно было получиться.

Дана охнула.

– Так вы мне верите?

Сильвия широко улыбнулась.

– Этан тебе верит. Ты знала о Мейси то, что не могла знать, не будучи с ней знакома.

– А ты не была с ней знакома, – сказал Джерри, кивая.

– Итак, – сказала Тиса, – если ты не невероятная лгунья – то есть, очень хорошая – значит, ты испытала некий психический феномен.

Дана ощущала, как тяжелый груз упал с ее плеч.

– Спасибо, – сказала она.

Но Тиса вскинула палец.

– Проблема в том, – сказала она, – что у нас мало информации для полезной теории.

– Точно, – согласился Джерри.

– Никак не выйдет, – сказала Сильвия.

– Выходит, – сказала Дана. Она повернулась к Этану. – Дядя Фрэнк?

Он кивнул с болью на лице.

– Дядя Фрэнк.

ГЛАВА 34
Дом Хейлов
13:19

— Уверен, что он нас не застукает? — спросила Дана, поднимаясь за Этаном на крыльцо. На улице перед домом не было машин. Дом был старым, обветренным с почтовым ящиком у газона, кривой вяз на котором занял почти все место и напоминал дерево из романа Толкиена.

Этан выудил кольцо с ключами со дна сумки и вставил один в замок в двери.

— Нет, — сказал он. — Дядя Фрэнк на двойной смене сегодня из-за Тодда Харриса, и он обычно ходит ужинать с напарником в закусочную у шоссе. Там постоянно зависают копы, — он сделал паузу и добавил. — Я удивлен, что его не было в школе. Может, шериф серьезно верит в наркотики и выпивку, в аварии, а не в убийства.

Он открыл дверь и отступил, пропуская ее.

«Джентльмен, — подумала Дана. — Ого. Думала, они вымерли», — это ей рассказывала мама.

— Ты говорил, мамы нет. Твои родители развелись?

Этан помрачнел.

— Моя, кхм, мама умерла, когда мне было четыре.

— О... мне так жаль.

— Все хорошо. Я мало ее помню. Она пару лет болела. Раком. Так что я провел с ней мало времени.

Дана коснулась его руки.

— Это ужасно.

— Это в прошлом, — но тон показывал, что это не так. Не для него. Этан закрыл дверь и бросил ключи на столик в стороне. Гостиная была маленькой и темной, шторы были задвинуты, а жалюзи — опущены. Хоть это был дом холостяка, не было пыли или мусора, и она догадывалась, что это Этан постарался. Он был аккуратным. Мебель была явно куплена в больших магазинах. Как и картины пейзажей на стене. Они продавались уже в рамке. Ваз с цветами, безделушек и личных вещей не было.

— Как твой папа?

Этан вздохнул.

— Папы не бывает рядом, как я и говорил. Он вечно на работе. Работает на правительство, но не может говорить об этом. Впрочем, ему некогда говорить об этом. Дядя Фрэнк говорит, что папа был другим до смерти мамы, но я знаю только это. Знаешь выражение «женат на своей работе»? Это про папу. Дядя Фрэнк меня растил, а не он.

«И ты тоже себя растил, — подумала Дана. — И хорошо справился».

— Мой папа тоже порой отдаляется, — сказала она.

— Я слышал, — сказал Этан. — Капитан военно-морского флота? У него есть свой корабль?

— Сейчас нет. Был, когда мы были в Сан-Диего, но они переместили его сюда для какой-то тренировки. Он учит военных, но не может об этом говорить. Он через многое прошел, когда он дома, все напряжены. Он кричит на маму, относится к Мелиссе, Чарли и мне как к морякам, которые не умеют драить палубу. Все должны быть на высоте.

— Это жутко.

Она пожала плечами.

— Он не трогает только старшего брата, Билла, который пошел по его стопам. Хочет быть таким, как папа.

— Ого.

— Все хорошо, думаю, — сказала Дана. — Мама говорит, что папа под большим давлением на работе, так что это пройдет.

Этан понимающе улыбнулся.

– Это хорошо.

– Ага, – сказала она, соглашаясь на ложь, потому что так было проще, чем разрушать то, что они знали и не могли собрать.

– Папа нас сегодня не потревожит. Его не будет пару дней. Весь дом наш, – Этан старался звучать бодро, но было очевидно, что история была больше и печальнее, и он не хотел рассказывать. Он улыбнулся, но с болью, и Дана больше не спрашивала.

Этан повел ее в соединенные комнаты, что явно были сочетанием библиотеки и кабинета. Там стоял большой дубовый стол, маленький камин с электрическим нагревателем, старые стулья и полки с книгами. Сотнями книг. Дана сдерживалась от вопля, увидев их, пару мгновений она ходила вдоль стен, глядя на названия. Книги были расставлены по типам и алфавиту. Там были книги по закону, о работе полиции, по истории сбора улик, про современные методы судмедэкспертов, книги о других отраслях науки, от энтомологии до психологии. А еще были книги по астрономии, математике и физике. Половину полок занимали научные издания, а вторую половину – художественные произведения, большая часть была детективными романами. Работы Эдгара Аллана По и Артура Конан Дойля особо выделялись, как и книги Эдда Макбейна, Джона Д. Макдональда, Агаты Кристи и других, о некоторых Дана слышала, другие были ей незнакомы. Она не знала, кто в этом доме читал эти книги, были ли они связаны чтением. Дом казался холодным, как мертвая батарейка. Без любви.

И ей захотелось обнять Этана.

Она, конечно, не сделала этого, потому что парни в ее жизни были до этого лишь друзьями или обидчиками. Это Мелисса целовалась с мальчиками с девяти лет.

– Мы на месте, – сказал Этан, вытащив этим ее из мыслей. Она пошла за Этаном к столу и смотрела, как он вытаскивает ключик из кармана и вставляет его в замок на нижнем выдвижном ящике. – Дядя Фрэнк не знает, что я сделал копию в прошлом году.

– Зачем?

Этан пожал плечами.

– Потому что он разозлил меня, сказав, что я не вытерплю фотографии случаев и вскрытия.

Дана улыбнулась.

– Это сработало.

Замок щелкнул, и Этан выдвинул ящик и вытащил тяжелую папку в три дюйма толщиной, закрытую резинками.

– Ого, – сказала она. – Когда ты говорил об этом, я думала, будет как в сериалах. Пара страниц и несколько фотографий.

– Это он хранит дома, – сказал Этан, опустив папку на стол. – Он сказал, что всех файлов хватит на три шкафа. Дядя Фрэнк сделал себе сокращенный вариант.

Этан не снял резинки сразу, он вытащил блокнот из незапертого ящика и карандашом нарисовал точный набросок углов и цветов каждой резинки, учитывая то, как они пересекались.

– Может, он специально их так расположил, – объяснил Этан. Он снял резинки и разложил на наброске. – Фрэнк запоминает детали, он знает, что я порой тут роюсь. Но он недооценивает меня.

– Точно, – Дана была впечатлена. – Но разве ты не говорил, что не смотрел в эту папку...?

Он улыбнулся.

– Может, я заглянул, – признался он. – Но я не успел все рассмотреть.

– Ты смотрел другие файлы, да?

Он пожал плечами, но не ответил, а это уже отвечало.

Они принесли папку к паре кожаных кресел у камина, он придвинул кофейный столик между ними и опустил туда тяжелую папку. Он прижал ладонь к обложке, серьезно посмотрел на нее, хмурясь.

– Уверена, что хочешь это увидеть?
– Не ты ли говорил, что дядя тебя недооценивает?
Он скривился.
– Ладно, прости.

В папке каждая смерть была в отдельном файле. Они принялись читать отчеты. Много материала было техническим, и ее прогресс замедлялся из-за слов, используемых полицией. После нескольких страниц и подсказок Этана она разобралась, МТ стало «мертвым телом», ЭК было «экстренным контактом», ДП было «дорожным патрулем», а АА было «автомобильной аварией». Некоторые сокращения были понятными.

Когда они добрались до первых фотографий, Дана приготовилась. Она говорила себе быть готовой ко всему, но настроить удавалось плохо. Она видела фотографии мертвых по телевизору и в газетах, но этот случай отличался. Здесь были подростки ее возраста, и фотографии были четкими, цветными, а не как в газетах.

На первой папке было имя Конни Лукас из высшей школы Оук Волли, которая была на окраине. К обложке была прикреплена школьная фотография милой девушки с короткими волосами в блузке с узором из подсолнухов, с серьгами, амулетом на шее на изящной цепочке. Дана вдохнула и открыла папку.

Первые двадцать фотографий были сделаны на месте преступления. Машина врезалась в дерево на большой скорости, перед смялся о дуб. Ущерба было столько, что было сложно понять, какой была модель машины. Шины и стекла вылетели, водителя выбросило из машины. Тело лежало изломанным на каменистой земле, скатившееся от машины по склону. На других фотографиях Конни была на пластиковых носилках в резком свете фар. Фотографии запечатлевали сцену, их и не должны были делать красивыми, но они ударяли по Дане. Ее легкие сжались, дыхание стало пылью в груди.

Она молчала, потому что говорить не могла.

А потом Дана обратилась ко второму набору фотографий. Освещение было другим, жертва лежала на стальном столе мorgа. Было видно инструменты. Одежду девушки разрезали, она лежала грудью у стола. Она лежала обнаженная и уязвимая, лишившись скрытности, открытая свету жестоких ламп.

Дальше сорок фотографий пошагово изображали вскрытие.

Дана ощущала пот, бегущий под одеждой, комната стала слишком яркой. Как она могла подумать, что готова к этому? Она повернулась к Этану, ожидая увидеть, что он стойкий, как и говорил, но слезы блестели в уголках его глаз.

Они молчали. Не произнесли ни слова. Пока не закончили с этой папкой и не перешли к следующей. Японский парень, Джейффири Ватанабэ, восемнадцать лет, и темнокожая девочка Дженифер Хоффер. С белокожей Конни Лукас это были трое из Оук Волли.

Дальше были две папки учеников ФСК, Мейси Белл и Чака Райли, оба тоже были белокожими.

Дана просмотрела их и вернулась к фотографиям Мейси. Это была она. Девушка из ее видений. Там была школьная фотография Мейси, как и остальные, но на этой она была живой. Мертвой она была совсем другой. Тело выглядело... неправильно. Не человеком. Пустым. Заброшенным.

Волна печали ударила по Дане, она захотела плакать, но боролась со слезами. Но боль была там. Она видела Мейси в раздевалке, девушка стала реальной для Даны. Как будто она знала ее и потеряла подругу.

Может, так она и должна была это ощущать. Чем Мейси отличалась от нее? Или от Мелиссы?

Она посмотрела на Этана.

– А папка Тодда Харриса?

– Дядя Фрэнк еще не принес, – сказал Этан. – Это еще новое. Я слышал, как он говорил об этом по телефону. Прошел в кухню и слушал.

– Хитрый, – одобрила она.

Этан пожал плечами.

– Не люблю так делать, но... – он не договорил.

– Что ты услышал? – спросила Дана.

– Тодд не был распят. Не знаю деталей, но шея Тодда была сломана. Только это я и слышал.

Дана кивнула, а потом кое–что поняла. Она посмотрела на список того, что было при Мейси, когда она умерла, и поняла, что ищет кулон затмения, который видела при странной встрече с Мейси. Его там не было, хотя упоминалась серебряная цепочка, двадцать дюймов, разорвана в трех дюймах от застежки.

Дана не знала, что случилось с кулоном. Они не нашли его среди обломков? Она не думала, что стоит идти на место аварии и играть в Шерлока Холмса. И она рылась в папке дальше. Списки были на каждого подростка, она проверила их, надеясь обнаружить, что у них были одинаковые кулоны, но этого не были. Теория не сложилась. Украдений было мало, даже среди девушек.

На другой странице она нашла список шрамов, отметин и татуировок. Здесь ничего не объединяло жертв, хотя у Джейфри и Чака раны значительно мешали рассмотреть татуировки. Она отыскала их фотографии вскрытия, присмотрелась, хмыкнула и показала Этану.

– Смотри.

– Это гадко, – сказал он.

– Нет, у обоих есть татуировка на плече примерно в одном месте. И размер один. Видишь? Что–то черное и оранжевое.

– И?

– Значит, это могли быть татуировки затмения.

– И что?

– У Мейси был кулон в виде затмения, когда я ее видела. Нашли только цепочку.

Этан начал отмахиваться, но замер и пожевал губу.

– Хмм... если нашли только цепочку без кулона, татуировки скрыты, кто–то мог скрыть связь?

– Возможно, – сказала она.

Он разглядывал ее.

– Ты могла бы стать хорошим копом.

– Мы могли бы.

Они искали что–то еще, но ничего похожего на затмение не было. И они пошли дальше. В каждом отчете был анализ крови жертвы. Она прочитала каждую, а потом показала Этану.

– Видишь? Никто из подростков не пил.

Он прочитал анализы.

– Уровень алкоголя в норме? В любом случае? Это я упустил, – Этан посмотрела на нее. – Хорошо, никто не пил. Но говорили, что они принимали наркотики.

– Но как это понять? – спросила Дана. – Есть только это, – она указала на комментарий и прочитала его вслух. – Проводилась проверка эффектов стандартного агониста «5–HT2A», – она покачала головой. – Что это значит?

– Не знаю, – сказал Этан. – Может, стоит узнать у Двух–Костюмов.

Она согласилась и начала закрывать большую папку, но замерла, вдохнула и снова вытащила фотографии вскрытия Мейси. Тело Мейси было искорежено, раны были кошмарными, но Дана заставляла себя смотреть. К последней фотографии была прикреплена копия страницы для заметок. Там был силуэт женского тела, руки были раскинуты. На теле было много отмечено в виде X, список соответствующих ран и медицинских сокращений, которые Дана не знала. Заметки, типа «обнаружены субдуральная гематома и переломы затылочной кости» и «слизистая оболочка

надгортанника, голосовых складок, грушевидных пазух, трахеи и главных бронхов анатомически целостна». Это можно было разобрать только с медицинским словарем, но здесь она его не заметила.

А потом Дана кое-что поняла. Она замерла и присмотрелась к диаграмме, а потом вытащила такие фотографии у каждого.

– У тебя есть лупа? – быстро спросила она.

– Да, а зачем?

– Хочу кое-что проверить.

Этан встал и принес большую лупу со стола, она рассмотрела так каждую рану. Ущерб был большим, было сложно найти то, что ей требовалось, но это там было.

У всех.

Раны на запястьях Мейси, на ее ногах, порезы у линии волос и удар в боку. Во рту Даны пересохло, ей снова стало сложно дышать.

– Нет, – пробормотала она.

– Что? – спросил Этан.

– Боже, – сказала Дана. – Быстрее, дай что-нибудь для рисования.

– Зачем? Что такое?

– Быстрее, – рявкнула она.

Он снова отбежал к столу и принес блокнот и механический карандаш. Дана взяла их без слов, вырвала листок и положила на диаграмму, обвела силуэт девушки. А потом она, внимательно глядя на рисунок, осторожно нанесла раны, что видела во сне и наяву. Когда она закончила, Дана показала результат Этану.

– Хорошо, – сказал он. – И?

– Думаю, эти раны ее убили, – сказала Дана и снова начала вспоминать.

– Откуда ты знаешь?

– Когда я видела Мейси в раздевалке, я видела, что с ней сделали, – Дана снова рассказала о случае в раздевалке, объяснила темного ангела во сне в воскресенье, когда убили Мейси.

– Погоди, ты видела, как этот… этот… ангел… резал ее? – сказал в ужасе Этан.– Кошмар.

– Нет, не так. Сон был смутным. В раздевалке я видела ее со стигматами. А теперь вижу эту диаграмму и думаю, нет, уверена, что Мейси убили ранами Христа, а аварию подстроили, чтобы скрыть их.

– Зачем? Кто?

– Откуда я знаю?

Этан с опаской посмотрел на нее.

– Эм… Думаешь, настоящий ангел…

– Не тупи, – рявкнула она и тут же сказала. – Прости. Я не хотела так сказать.

– Нет, все хорошо. Такой разговор у меня впервые.

Дана фыркнула.

– Это точно.

Он улыбнулся.

– Как ты еще держишься?

– Кто это сказал?

Этан не ответил. Он кашлянул и сказал:

– Уверена про ее раны? Про то, что это раны Иисуса?

Дана взяла свой рисунок, добавила прямые линии и углы, словно тело жертвы было перед большим деревянным крестом. Она набросала терновый венец, пронзившее копье. Этан побледнел, но начал кивать.

– Я читал о массовых убийцах и культурах, – сказал Этан. – Есть много психов, считающих, что бог говорит им убивать людей.

– Знаю, – Дана рассеяно коснулась своего крестика. – Думаю, кто-то так делал

заявление.

— Что за заявление так делают?

Не ответив, Дана несколько минут обводила силуэты других тел и смотрела как расположены раны на жертвах. У азиата, Джейфри Ватанабэ, машина так разбилась, что он был обезглавлен. Дженнифер Хоффер пронзил обломок машины. Конни Лукас выбросило из окна машины. Другие раны все усложняли. Этан следил с большим интересом.

— Ну... одно ясно, — сказал он, когда она закончила. — Он не каждый раз убивает их как Иисуса.

— Нет, но он явно делает заявление. Что-то религиозное, — сказала она, отложив бумагу и сев. — Готова поклясться жизнью.

Ее слова заморозили воздух, пока они их обдумывали.

ГЛАВА 35
Крейгер, Мэриленд
13:38

Ангел сидел, скрестив ноги, на полу, тело покрывал пот. Хотя снаружи стояла умеренная погода, в ризнице было около ста градусов. В здании не работал обогреватель, ничто не согревало.

Кроме огней его веры в григори.

Кроме огней в его плоти. Не в тех частях, что еще были человеческими. В остальных. Частях, что были от нефилима, великана не по размеру, а по силе, великолепию и пониманию.

«Книга Еноха» рассказала о григори, древние звали их наблюдателями, и о том, как они покинули небеса, чтобы взять под контроль человечество, расу непослушных детей. Великие даже соединялись с людьми браком, порождали нефилимов, надеясь, что их великолепие распространится по всем поколениям людей.

Это было великолепно.

То, что это не сработало, говорило о слабости людей, а не об ошибке наблюдателей. Люди, хоть и слабые духом, были сильными в упрямстве, когда дело касалось похоти. Они закрыли свои миры стенами и башнями от григори. И нефилимы остались, их было мало, и никто из них не мог встать против людского стада. И люди, в которых не было ни капли святой крови, уничтожали нефилимов, равняя их с дьяволами, демонами и ведьмами, истребляя их. Последние григори стали опечалились, пришли в ужас и покинули мир смертных, запечатав за собой дверь.

До этих пор.

Пока он не родился. Пока он не пробудился в своей плоти, пока не понял свою природу, миссию, цель.

Пока не понял, что он – больше, чем человек.

Пока не услышал тихие крики таких, как он, запертых в серой шелухе. Молящих об освобождении. Умоляющих его освободить их.

Его священным долгом было освободить нефилимов, чтобы они заняли свое место по праву и вместе разбили дверь, разделяющую этот мир от того, куда ушли наблюдатели.

И это хорошо работало.

Рисовать было сложно. Он годами пытался понять, какой формы должна быть дверь. Не простой портал, не квадратное или прямоугольное окно, а портрет григори. Но как это сделать? Наблюдатели были без облика. Их природа была в изменении.

Как это нарисовать?

Ангел смотрел на то, что держал. Григори мог говорить с ним через это, но это не было закончено, слова, уроки с другой стороны, не всегда были четкими. Это еще не был проход.

Он еще пролил мало крови, чтобы закончить священное задание.

Его кисть лежала на полу рядом с холодным чистым ножом.

Еще много работы.

ГЛАВА 36
Дом Хейлов
15:37

Дана и Этан снова все рассмотрели, каждую страницу, каждую страшную фотографию, каждую строку в отчетах.

Они пришли к тому же.

— Слушай, — сказал Этан, — если Мейси убили как Иисуса, может, другие смерти тоже связаны с известными смертями. Может, Иисуса мы узнали, потому его раны известны. Другие могут не быть религиозными.

— Возможно, — с сомнением сказала Dana, — но я думаю, они религиозные.

— Как? Ощущения...?

— Нет. Просто так думаю.

Этан вздохнул.

— Это не научно. Нам нужно строить теории на уликах, да?

— Это теория, — возмутилась она. — Теории — часть науки.

— Да, но, может, стоит пока ее отложить, — сказал Этан. — Я бы хотел поделиться этим с клубом науки.

— Хорошо, но если они не помогут? Мы же не можем принести им эти папки, — сказала Dana, немного злясь.

— Тогда мы... — он замолчал, не зная, что еще делать. — Мы не можем говорить об этом с дядей, точно.

— Не можем, — согласилась она, — но, может, нам стоит пойти в библиотеку. У них есть книги о других религиозных деятелях. Как умер Моисей или Даниил, например?

— Хорошо, — кивнул он. — Но я кое о чем подумал. Терновый венец и копье в бок — раны Иисуса, да? Семья Мейси — евреи.

— Как и был Иисус, — заметила Dana. — Не думаю, что это важно. Важнее, думаю, то, что происходит в голове убийцы.

— Ангела, — она услышала скепсис в его голосе.

— Слушай, — нетерпеливо сказала она, — мы знаем, что это не ангел. Это психопат, серийный убийца.

— Ты видишь его во снах ангелом, — сказал Этан. Он тяжко опустился в кресло. — Это так странно. Мы говорим об ангелах, психопатах, возможности серии убийств, которые выглядят как религиозные смерти. Вдруг мы это выдумываем?

— К сожалению, — сказала Dana, — я так не думаю. И это меня пугает.

Он посмотрел на нее, на миг на его лице была тень улыбки. Не веселой.

— Dana... нам пятнадцать.

— Знаю. Но мы не глупые. Ты умный. Я тоже, как и все в клубе науки.

— Да, но Джерри, Тиса и Сильвия, как и мы, не детективы.

— Знаю.

— Нам не стоит это делать.

Dana смотрела на бумаги на коленях.

— Я не просила об этих снах, Этан, — тихо сказала она. — Я не просила видеть Мейси. Ничего этого не просила.

— Эй, я...

Она подняла голову и посмотрела на него тяжелым взглядом.

— По какой бы причине это со мной ни происходило, я верю, что это не зря.

— Почему? Ты их не знала. Что делает тебя такой особенной?

Он замолчал, словно понял, как звучит его последний вопрос из-за тона и значения.

— Погоди...

— Забудь, — сказала она и встала.

— Эй, прости.

– Все в порядке. Мне пора.
– Хочешь, провожу тебя? – неловко спросил он, но Дан покачала головой.
– Я иду не домой, – сказала она, встав. – Я иду в библиотеку.
Этан тоже встал.
– Погоди, я уберу все.
– Тебе не нужно со мной идти, – сказала она.
Он улыбнулся.
– Нужно.

ГЛАВА 37

Публичная библиотека Эбигейл Смит 16:19

Библиотека Смит – известная всем как Эбби – была одним из плюсов города для Даны.

Она была удивительно большой для маленького города, ее попросила создать богатая писательница, жившая в этих краях. Здание было раньше поместьем Эбигейл Смит, но большая часть земель поместья теперь была занята городом Крейгер. Ее поместье превратили в библиотеку, здание было одним из самых больших в городе, уступая только объединенному дому культуры и залу для собраний. Здесь было много комнат книг, много работников ухаживало за поместьем Смит. И местной традицией стало отдавать сюда коллекции книг умерших родственников, чтобы библиотека пополнялась. Здания и крылья вели в стороны, а еще были две башенки на чердаке, которые отдали под коллекцию Эбби классических и современных ужасов. После «Вне пределов» Dana и Мелисса больше всего времени проводили в океанах слов и мыслей, поэзии и прозы, древних и новых идей.

Этан знал план здания лучше, чем она, и он повел ее по лестницам в залы с научными книгами.

– Здесь, – сказал он, указывая на ряд «Религии мира».

Книг было много, карточки ничего полезного не перечисляли. Не было книг «Странные религиозные смерти». Не было «Как разгадать серийное убийство».

Это требовало времени, ведь такие темы не стоило спрашивать у библиотекарей, особенно у женщины с плоским лицом, которая следила за коллекциями в подвале, которую все звали Злой ведьмой. Мелисса считала, что Злую ведьму держали в подвалах, чтобы она не спугнула людей. И хотя Dana думала, что это было сомнительно, она признала, что библиотекарше не хватало только зеленой кожи и шляпы, чтобы она могла играть в «Волшебнике Оз».

Так что они работали с карточками сами. Dana обнаружила, что искала, меньше, чем за двадцать минут. Книга «Святые и ангелы: всестороннее руководство», где было подробное описание.

– Вот, – она постучала по названию. Этан склонился, чтобы прочитать.

– Мученики, страницы 172–201. Ого, – пробормотал он. – Ты умеешь искать. Я даже нос от старого мистера Картошки не нашел, хотя потерял в восемь.

Dana открыла на нужной странице.

– Я почитаю это, – сказала она. – А ты посмотри, что это за агонист 5–НТ2А?

– Есть, – сказал он и пропал в рядах биологии и химии.

Dana села на кожаный диван, вытащила записи и рисунки ран каждой жертвы и обрадовалась, что это были рисунки, а не фотографии. Хватало того, что она знала, что за ее набросками – мертвые подростки ее возраста.

Книга не успокаивала. Она была полна черно–белых и цветных иллюстраций деревьев, скульптур и картин, которым были сотни лет. Каждый художник в истории много времени потратил на создание работ об ужасных смертях важных людей. И мучеников было много. Сотни. Тысячи, судя по заметкам, если считать другие религии, но Dana была уверена, что искать кровавую историю нужно касательно христианства. Темой были гонения. Пытки и публичные казни были общеприняты, хоть христианство в то время уже было основной религией, много мучеников убили другие христиане. Она уже это знала, но все равно злилась. Послание учений Иисуса всегда казалось ей мирным и красивым.

Когда она поняла, что отвлеклась и злится, Dana остановилась, закрыла глаза, сделала пару глубоких вдохов, как в йоге, и сосредоточилась.

– Мученики, – прошептала она вслух.

Через пару минут чтения она поняла, что тема слишком обширная, так что она решила разделить тему на части. Раз Мейси убили ранами Иисуса, она посмотрела, как умерли двенадцать апостолов. Это была точка начала. И верная точка.

Она вытрясла из кармана мелочь и отнесла книгу к копировальной машине в комнате. Она убедилась, что никто не смотрит, и скопировала рисунок мертвых апостолов.

ГЛАВА 38
Крейгер, Мэриленд
16:51

Герлак сидел на пассажирском месте черного седана, смотрел на крыльцо Эбби из-за склоненной шляпы. Снаружи было солнечно, и темные очки скрывали его бледно-голубые глаза. Он жевал жвачку.

— Детей отпустили раньше с занятий, и они пошли в библиотеку? — удивился водитель.

Герлак хмыкнул.

Водитель добавил:

— Они могли войти тут, а потом убежать через задний ход?

Агент нахмурился.

— Зачем? Они не знают, что мы следим за ними.

— Может, знают. У нее же есть дар? Может, она нас ощущает.

Герлак закряхтел и сел.

— Почему бы тебе не сходить и проверить?

— Мне?

— Тебе. Я не хочу, чтобы она меня видела.

Водитель фыркнул.

— Почему? Вы же говорили, что ваше лицо не запоминается.

Герлак медленно повернулся к мужчине.

— А как насчет запоминающегося шрама?

— Я... — водитель не стал отвечать.

Герлак улыбнулся.

— Иди и посмотри, чем заняты дети. Давай.

ГЛАВА 39
Публичная библиотека Эбигейл Смит
16:56

— Этан! — закричала Дана.

Его голова показалась из-за полки химии, он был встревожен.

— Что такое? Я еще ищу.

— Я нашла, — тревожно сказала она.

Он поспешил к ней, устроился на краю дивана и склонился. Дана показала ему все.

— Смотри, — в ее голосе боролись отвращение и восторг. — Все они умерли почти так, как Иисус или апостолы, — она открыла рисунок и положила рядом свой набросок. В книге описывалась смерть Иакова, сына Зеведея, известного как Иаков Старший. — Джейффи Ватанабэ был обезглавлен. Как и Иаков.

— Точно, — Этан посмотрел на заметку. — Но тут говорится, что Иакова Старшего убили мечом.

— Да. Римляне отрубили ему голову.

— О.

Она открыла рисунок для Дженифер Хоффер.

— Ее пронзил обломок машины. Фома — Фома неверующий — тот, который коснулся ран Иисуса, а потом поверил, что он воскрес. Его пронзили копьем.

Этан молчал.

Дальше шла Конни Лукас.

— Ее выбросило из машины на каменистый склон, в отчете говорилось, что она умерла от множественных ударов по камням. Иаков, сын Алфея, известный как Иаков Младший, был избит и замурован в камень.

Этан сглотнул.

— Мы уже знаем про Мейси, — сказала Дана. — Чак Райли тоже с ранами распятия, но его нашли висящим вверх ногами из его перевернутой машины. Святого Петра хотели казнить, но он попросил, чтобы его распяли вверх ногами, потому что он не заслужил умереть так же, как Иисус.

— Всего этого не может быть, — голос Этана был сдавлен.

Они прогоняли это снова и снова, Этан пытался разбить все логикой. Но теория Даны уже основывалась на логическом подходе. Наконец, они сели по краям дивана, глядя друг на друга. Большие часы на стене над ними холодно отрезали секунды, и те падали на пол.

— Мы... должны рассказать кому-нибудь, — сказал Этан.

— Кому? — спросила Дана.

— Моему дяде.

— Как мы это объясним?

Этан сдался.

— Расскажем правду, наверное. И меня запрут дома до сорока лет.

— Блин, — вздохнула Дана, а потом просияла. — Можно рассказать Двум-Костюмам, и... погоди... Нет, он захочет знать, откуда мы знаем. Так что и копа в школе или мистеру Штернхольцу лучше не говорить.

— Лучше никому не говорить, — сказал Этан.

— Кому бы мы ни рассказали, придется объяснять, откуда мы знаем. И раскроется, что ты взломал стол дяди. У него будут проблемы на работе.

— Он может потерять работу, — Этан встал и прошел несколько шагов, а потом обернулся. — Что делать, Дана? Если мы никому не скажем, убийца продолжит свое дело. Если на кону чья-то или наша жизнь, нужно поступить правильно. Нельзя трусить. Я не хочу так жить. Подслушивать одно дело, но я не хочу быть в ответе за чью-то смерть.

Дана посмотрела на ладони, пальцы переплетались на коленях. Она слышала голос

отца в голове, было легко представить его гнев и разочарование. Если рассказать ему, это оборвёт хрупкую нить между ними. Она повернулась к часам.

— «Вне пределов» открыт, — сказала она. — Пойдем туда. Можно будет поговорить за чаем.

Он покачал головой.

— Нет, можешь идти без меня. Я не в настроении для астрального приключения и ли чашки вонючего чая.

— Не для этого, — возмутилась Дана, хотя понимала его впечатление. — Нам нужно поговорить с Кориндой. И там моя сестра, скорее всего. Мне нужно все им рассказать.

Этан посмотрел на свои часы.

— Я... не могу, — сказал он. — Гора домашки.

— Серьезно?

Он скривился.

— Да. Мне нужно написать работу на историю, которую стоило начать три дня назад.

Если не сдам завтра, могу упасть в рейтинге. И..

— Что?

— Видения преступника не посадят. Знаю, ты видишь правду, но это нельзя сравнивать с четкой наукой, — Этан замялся. — Даже не знаю, что об этом думать, Дана. Этого слишком много, понимаешь? Серийные убийства, религиозные культуры и видения? Это... это... — он замолчал и покачал головой.

— Поверь, Этан, я понимаю. Я тоже боюсь. Тем более, это происходит со мной.

— Эй, я не хотел сказать, что ты...

Он искал нужное слово, но не находил. Дана улыбнулась и коснулась его руки.

— Я понимаю. Все хорошо. Точнее, не хорошо, но мы—то молодцы.

Он обрадовался.

— Слушай, я верю тебе, даже если не понимаю.

Дана сказала:

— Хмм, я кое—что придумала. Мне нужно спросить того, кто такое понимает.

— Кого? — спросил Этан.

Она не объяснила. Дана сложила рисунки и шагнула к лестнице, но Этан поймал ее за руку.

— Слушай, Дана, если ты обиделась, — нежно сказал он, — прости.

Она слабо улыбнулась.

— Я не злюсь. На тебя не злюсь. Я боюсь этого и зла на того, кто это делает. Я растеряна, и мне это не нравится. Должен быть ответ, но мы не знаем, что делаем. Мы не можем пойти с этим к властям, потому что тебя запрут за то, что ты мне это показал. И твой дядя потеряет работу. И нам не поверят. Ты знаешь, что я права.

— Но с кем нам можно поговорить?

— Не нам, Этан. А мне. У меня есть друг, который сможет заглянуть туда, куда не может никто. Может, она даст нам подсказки.

Он спросил после паузы:

— Кто?

— Коринда Хоуэлл. Она — владелица...

— «Вне пределов», — закончил он за нее. — Та дамочка не в себе? — Этан пять секунд стоял на месте. Он вздохнул, кивнул и отошел. — Позвонишь? — спросил он. — Расскажешь, что она поведает?

Дана замерла, а потом кивнула.

— Конечно.

Она задержалась у последних ступенек. Они начали что—то говорить и замолчали. Миг растянулся, Дана ощущала, что что—то должно случиться, но она не знала, что. Этан тоже, казалось, так думал, но его улыбка стала маской неловкости, как было и с ее лицом. Он начал склоняться ближе?

— Эм... увидимся, — сказала она, нервно отпрянув.

— Ага, кхм, — пробормотал он. — Пока.

— Пока.

Она стояла еще минуту, а потом поспешила по ступенькам, зная, что ее лицо красное. Мужчина в черном костюме шел по ступенькам и отодвинулся, пропуская ее. Она едва заметила его.

Это был почти поцелуй?

Да.

Возможно.

Она не знала.

Если да, то она все испортила.

— Дура, — сказала она себе.

Она думала об улыбке Этана, пока шла по улицам.

ГЛАВА 40
Крейгер, Мэриленд
17:31

Тучи покрывали небо, уже темнело. Рано загорелись фонари, и Дана держалась освещенной стороны улицы, чтобы быть подальше от черных зияющих переулков. Бездомный сидел в переулке, укрываясь плесневелым картоном, в лохмотьях. Он протянул чашку, и Дана остановилась бы и бросила ему монеты днем, но ночью она сказала:

– Простите, – и поспешила. Мужчина что-то ворил, пока она уходила, и только через квартал она поняла, что это были за пьяные слова.

– Бог защитит тебя.

Она остановилась и обернулась. Мужчина сидел, уткнув лицо в ладони, и раскачивался.

– Спасибо, – прошептала она.

Она развернулась и пошла по озаренным фонарями улицам к «Вне пределов».

Несколько машин проехало по улице, Дана лишь поглядывала на них. Она не видела черный седан на теневой стороне улицы. Она не видела двух мужчин, следивших за ней.

ГЛАВА 41
«Вне пределов»
17:53

Коринда была там, но занята за кассой, люди покупали новую книгу популярного автора по астрологии.

Дана пришла слишком поздно, чтобы столкнуться с Мелиссою, которая уже ушла на занятие по продвинутой йоге. Она тревожилась, потому что ей нужно было все рассказать сестре. В подробностях.

Она слишком нервничала, чтобы сидеть и пить чай, так что бродила по магазину, убивая время.

– *¿Qué pasa, mai?* – сказал голос, она так быстро развернулась, что сбила статую бога Ганеши со стола. Анджело поймал статую раньше, чем она разбилась об пол. Это было невероятно, рот Дании раскрылся.

– Ого! – сказала она.

Анджело выпрямился, перехватил каменную статэтку удобнее в руке и осторожно вернул ее на место. Он поправил другие статуи рядом с ней.

– Они дорогие, – сказал он. – Не хотелось бы, чтобы тебе пришлось их покупать из-за того, что ты их разбила.

У него был акцент, но голос был тихим, почти музыкальным. Он был не в синей форме, а в джинсах и футболке высшей школы ФСК, которой явно было несколько лет. Его руки были мускулистыми, но не крупными, и он был напряжен, был готов сорваться в любой миг. Дане понимала, что это было его нормальное состояние, хотя его поза была спокойной, чуть ленивой. В нем была кошачья грация, как у хищных котов в зоопарке Сан-Диего.

Его улыбка была медленной. Понимающей, личной, спокойной, но в ней был и интерес.

– Я… видела тебя в школе, – сказала она, больше ничего не придумав.

– Я там работаю, – сказал он. – Не весь день.

– Но ты разве еще не учишься? Выглядишь как ученик.

– Мне девятнадцать, – сказал он. – Я выпустился в прошлом году.

– О.

Анджело повернулся к тележке с картонными коробками. Он вытащил раскладной ножик из кармана, расправил его и вспорол верхний ящик. Он делал это так быстро и изящно, серебряное лезвие точно разрезало скотч, не задевая содержимое. Анджело сложил нож и убрал, Дане посмотрела на шрамы на его руках и ладонях. Он получил их, пока учился использовать нож? Или в драках с ножом? Некоторые шрамы были старыми, некоторые были плохими.

– Я работаю на нескольких работах, – объяснил Анджело. – Школа. Помогаю на баскетбольном поле на окраине в Оук Волли, пару часов чиню ограду в «Auto Body» Портера.

– Много работы.

Он пожал плечами.

– Я не против. У Портера мне нравится больше всего. Но там я всего пару часов в неделю, потому что Порттер чаще использует ребят с полной ставкой. Он зовет меня, когда не хватает рук. Деньги–деньги, – сказал он. – Я коплю на колледж.

– Колледж?

Он помрачнел.

– Да, бедные латиноамериканцы тоже хотят в колледж. Удивлена?

– Нет, – воскликнула она. – Я не это имела в виду.

– А как тогда? – спросил он, темные глаза стали напряженными. – Ты видела, как я таскаю мусор в школе, думаешь, это все, на что я гожусь? Ты хоть знаешь других

латиноамериканцев?

— Я так не говорила, — возразила Дана. — И я знаю многих, похожих на тебя.

Последние слова неловко повисли в воздухе.

— Т-то есть, — пролепетала она, — мы жили раньше в Сан-Диего. В школе было много мексиканцев.

— Я из Пуэрто-Рико, — сказал он. — Ты не видишь разницу?

Она пыталась придумать ответ, но мысли в голове звучали так же плохо, как все, что она уже выпалила.

— Оставь ее, Анджело, — сказал голос за Даной. Она обернулась и увидела мужчину. Луча.

— Я просто говорил, — быстро сказал Анджело.

— Ей так не казалось, — сказал Луч. — Смотри. Она вот-вот в обморок упадет. Или убежит, — его прикосновение было теплым, покалывало, словно ток с его ладони перешел в ее кожу. Она поежилась. Судя по улыбке Луча, он заметил эффект. — Скажи даме, что ты виноват, — предложил Луч.

— Нет, — быстро сказала Дана. — Это все я. Я сказала глупость, мне очень жаль.

Язык тела Анджело изменился. Он потерял кошачью грацию, обмяк. Он был вдвое мускулистее Луча, но казался вдвое слабее. Энергия Луча была очень старой и взрослой, и Анджело ощущал это.

— Прости, — буркнул он.

— Все хорошо, — сказала Дана. — Правда.

Луч похлопал Анджело по плечу.

— Молодец. А теперь скажи Коринде, что мисс Скалли хотела бы с ней поговорить.

— Откуда вы знаете мое имя? — удивленно спросила Дана.

— Как я могу не знать? — поинтересовался он. — Одна из известных сестер Скалли. Вы с Мелиссою, пожалуй, самые верные клиенты Коринды. Я часто вас тут вижу.

— О.

— А Коринда недавно тобой восхищалась, — Луч указал, и Дана увидела, что Коринда за стойкой оживленно болтает с толстой женщиной богатого вида с голубыми волосами и множеством украшений.

Анджело вернулся к работе, вытаскивал из коробки книги и расставлял на столе. Луч коснулся руки Дании, и они отошли в сторону.

— Приношу извинения за слова Анджело, — сказал Луч. — Он немного толстокожий.

— Нет, все хорошо. Он меня не обидел, — сказала Дана. — Я что-то сбила, а он поймал. Так быстро, что разбиться не успело. Я еще не видела таких быстрых людей.

— О, да, он быстрый, — согласился Луч. — Как и его характер. Он привык, что его тыкают за цвет кожи и его обстоятельства.

— Обстоятельства?

— Его в десять лет привезла мама, и она умерла, когда ему было двенадцать. Он оказался в приюте, но это было адом, и он убежал и жил на улицах. Представьте, мисс Скалли, мальчик живет в переулках, заброшенных домах, но ходит в школу до конца. Он берет от жизни все, что может, — хотя он был старше Дании лет на десять, говорил он так, словно разница была лет двадцать–тридцать. Взрослый, уверенный в себе. В нем было много того, что Мелисса называла «личной силой». — Бедность — жуткая вещь, — продолжал Луч, качая головой. — То, что такое есть в современном обществе, непростительно. Вы согласны?

— Да, конечно.

— Когда я встретил Анджело, он пытался жить починкой мелочей, но этого было мало. Не хватало. И я подобрал его и дал работу здесь, договорился про работу в ФСК. Он откладывает все, что может, на колледж. Общинный колледж, но все же. Я предлагал заплатить за его обучение, но Анджело очень гордится тем, что оплатит все сам.

— Правильно гордится, — сказала Дана. — И я ощущаю себя белой дурой.

Луч одобрительно кивнул.

– Понимание ограничений редкое и чудесное качество. Многие лишь ищут отговорки и полагаются на мнение своей культуры, они не думают, что это может оказаться не правдой. Это особенно видно у людей, рожденных в богатстве и удобствах.

– Мы не так богаты.

– Богатство сравнительно, – сказал Луч. Он указал на кабинку за кассой, только она была открыта. – Поговорим там минутку.

Она прошла за ним в кабинку. Коринда обслуживала очередь покупателей, обещала прийти, когда освободится. Луч сел напротив Дана. Он был странным. Словно не принадлежал этому веку. Было в нем что-то потустороннее. Если бы он был в фильме по Шекспиру, то был бы Обероном, королем фейри, или магом Просперо. У него были тонкие кости, черты были острыми, кроме пухлых губ, и Дана никогда не видела глаз цвета утреннего тумана, как у него. Она понимала, почему Коринда и Мелисса были им очарованы. Конечно, девушки и женщины поддавались его чарам. Дана тоже их ощущала, несмотря на разницу в возрасте. Просто хотелось быть рядом с ним и, как говорила Мелисса, греться его энергией. Просто его взгляда хватало для очарования.

– Богатство, – сказал Луч, когда они заказали чай и тарелку фруктов и сыров. – Мы об этом говорили. Вы сказали, что вы не богата, но во многом это не так. У вас оба родителя. Два брата и сестра. Вы живете в хорошем доме на хорошей улице. У вас нет нехватки еды, тепла, одежды, книг или других вещей.

Дана пару секунд обдумывала это, вжалась в спинку сидения и нахмурилась.

– Откуда вы знаете о моей семье? О... Мелисса рассказала.

Луч рассмеялся. Мягко и приятно, без насмешки.

– Нет, мисс Скалли.

– Тогда как?

– Коринда рассказала.

– Но она не знает о моих братьях, и где мы живем, да?

– Вы сидели с Кориндой. Вам виднее, как она все знает.

Принесли еду и напитки. Дана взяла пухлую красную виноградину и медленно жевала, обдумывая слова Луча.

– Вас беспокоит мысль, что кто-то заглянут в вашу жизнь в окно вашей души, – спокойно говорил Луч. – Это распространенная реакция, но со временем становится проще. Думайте об этом так: если бы вы родились под землей и никогда не знали о солнце, представьте, как бы вы боялись и не доверяли, слыша об этом, пока сами не увидели бы большой пылающий шар нагретого газа на небе. Но со временем вы бы поняли, что его свет помогает всему растительности, согревает ваше лицо, прогоняет тени, и без него не появилось бы даже это подземное общество. Всегда так, когда мы впервые с чем-то сталкиваемся. Почему? Потому что те, кто не верят в это, не доверяют этому или не понимают этого, рассказывают нам о мире. Мы сначала знаем их ограниченное восприятие мира. Они думают, что все в мире можно взвесить, измерить, определить и потрогать, – он улыбнулся, глядя на нее серыми глазами. – Но мы знаем, что мир куда больше, не так ли?

Дана схватила чашку, сделала маленький глоток и кивнула.

– Думаю, да.

Через миг пришла Коринда и села рядом с Лучом.

– Нам нужно о многом поговорить, – сказала она. – Скажи, почему слова «отчет о вскрытии» всплывают в моей голове?

ГЛАВА 42

Комната наблюдения

18:00

Дэнни отпер комнату наблюдения и потянулся к включателю, а потом вздрогнул и впился в пистолет, увидев фигуру перед стеной экранов.

Это он? Монстр? Ангел, пришедший убить и его?

Эти мысли лезвиями проносились в голове техника. Герлак показывал ему фотографии кошмаров, которые соверши безумец. Ему хватило фотографий, он не хотел встречать убийцу лично. Никогда.

— Замрите! — проревел он, задавливая гневом страх. Он держал обеими руками пистолет, дуло дрожало, хотя он не хотел этого. — Руки за голову. Давайте, или я выстрелю.

Фигура не двигалась. Но заговорила:

— Опусти пистолет, пока я не забрал его и не застрелил тебя.

Сердце Дэнни застучало иначе.

— Герлак...?

Рыжеволосый агент потянулся в карман за пачкой жвачки. Он сунул в рот пластинку и медленно сложил серебряную обертку.

— Я не буду повторять. Мне не нравится, когда на меня направляют пистолет.

Герлак даже не смотрел на него.

Дэнни опустил оружие, но страх не исчез. Агент Герлак был не таким монстром, как ангел, но он был далек от обычного человека. Герлак был результатом проекта Монток на военно–воздушной базе на Лонг–Айленд. Проектом занимались военно–воздушные силы, но за горами красной ленты, дезинформации и вуалей секретности скрывались и подпольные организации. Среди агентов Синдиката ходили сплетни, что Герлак был одним из нескольких дюжин ребят, которых забрали из приютов в возрасте десяти лет и вырастили учение и жестокие тренеры.

Физические пытки отсеивали — порой смертями — слабых и превращали сильных выживших в неких суперсолдатов. Порой происходящее в Монтоке всплывало в теории заговора, но тамискажалась правда. Но люди Синдиката знали больше. То, что Герлак был хладнокровным убийцей, было ясно любому, кто знал его дольше пяти минут. Менее очевидным было то, что он знал то, что не мог знать. То, чего не было в отчетах.

Ангел тоже был связан с проектом Монток, Дэнни знал это. И все. Дэнни понимал, что только один из двадцати детей, попавших в Монток, переживали детство. Редкие доживали до взрослой жизни. И все они были монстрами. Разными, но точно не нормальными.

— Ты думаешь о плохом, — сказал Герлак с другого конца комнаты.

Дэнни вздрогнул и завопил:

— Ч–что...?

Агент Герлак обернулся, в слабом свете экранов он выглядел как вампир. Как мертвец, поедающий плоть, из фильмов. Как их теперь называли? Зомби? Подойдет.

— Впереди долгая ночь, малец, — сказал Герлак. — Может, тебе стоит умыться, посетить туалет, глубоко дышать, чтобы успокоиться. Убери пистолет. Тебе он не понадобится. Его здесь нет.

Дэнни посмотрел на револьвер, который свободно висел в его руке. Он проверил предохранитель и спрятал пистолет в кобуру на плече.

— Простите, — сказал он. — Я не знал, что тут кто–то есть. Я думал, дверь была заперта.

Герлак жевал мгновение.

— Была.

Дэнни покачал головой.

– Порой мне кажется, что вы делаете это, чтобы поддерживать слухи.

– Какие слухи?

– Слухи о нас. Вы знаете, как нас нынче называют?

– Кто?

Дэнни подошел к кофемашине и начал заваривать кофе.

– Идиоты, которые пишут книги по теории конспирации? По которым учат? – он поправил воротник пиджака. – Нас зовут людьми в черном. Как вам?

– Меня и хуже называли, – сказал Герлак.

– Нет, я о том, что они знают, как мы выглядим. Мы всегда так одеваемся. Черные костюмы, белые рубашки, черные галстуки, солнцезащитные очки, – он поставил чашку рядом с кофемашиной. – Это как форма. Мы должны напоминать агентов правительства, но...

– Это форма.

– Я так и сказал, – согласился Дэнни, он просунул руки в рукава своего пиджака и надел его.

– Нет, – исправил Герлак, – мы не носим форму, мы выглядим как форма. Они зовут нас людьми в черном, потому что помнят форму. Они реагируют на вид. Но не смогут различить нас. Они могут смотреть на нас пятерых, а увидят только одежду, темные очки и поведение. Никто непомнит, как выглядим именно мы. В том–то и идея.

Дэнни посмотрел на него.

– Правда?

– Если бы мы были в ярко–красных ковбойских шляпах, они бы звали нас людьми в красных ковбойских шляпах. Это простая манипуляция.

Техник протянул руки и посмотрел на рукава.

– Хех, – сказал он. – Никогда так об этом не думал.

Герлак улыбнулся и посмотрел на кофемашину.

– Какого цвета мои глаза?

– Что? – спросил Дэнни.

Агент налил себе кофе.

– Какого цвета глаза?

– Эм... зеленые? Нет, карие.

Герлак посмотрел на него.

– Голубые. Может, ты помнишь цвет моих волос. Ты можешь сказать, что я – рыжеволосый мужчина, если это мой цвет волос, а не краска. Ты можешь оглянуться, заметив костюм, но ты работал со мной семнадцать недель и не знаешь цвет моих глаз, как и не угадал бы с моим весом и ростом. Костюмы делают нас невидимыми. Мы для всех одного образца.

Техник хмыкнул.

– Это круто.

– Это удобно.

– Наверное, – Дэнни посмотрел на экраны. – Итак... где сегодня наш мальчик?

Уверены, что он не здесь, в церкви?

– Уверен.

– Где он?

Герлак изогнул тонкие губы в улыбке.

– Работает.

ГЛАВА 43
«Вне пределов»
18:05

Анджело Луц вынес коробку пакетиков сахара со склада и опустил на пустой стол, вытащил нож, развернул и вспорол коробку. Из колонок на весь магазин играли песнопения. Церковная музыка. Печальная и медленная. От этой музыки представлялись странные ангелы и умирающие святые, свет из витражей.

Он шел от стола к столу, пополняя запасы пакетиков с сахаром. Пока он работал, он поглядывал на стол у кассы, где милая девушка сидела с Лучом и Кориндой. У нее было милое лицико, длинное изящное горло и огненно-красные волосы.

Печальная музыка заполняла его голову.

ГЛАВА 44
«Вне пределов»
18:09

– Откуда вы знаете? – воскликнула Дана. – Откуда знаете об отчетах? Коринда и Луч сидели напротив нее. Они молчали, давая ей сообразить. Дана стукнула кулаком по столу, чашки подпрыгнули.

– Это не нормально.

– Это, – сказал Луч, – большой мир.

Дана ощущала, как кружится комната, она прижала ладони к столу, чтобы не упасть. Коринда, видя ее реакцию, обхватила ладонь Даны своими руками.

– Это сейчас пугает, – сказала она, – но, чем больше ты будешь путешествовать в мир духов, тем меньше будешь бояться. И там тебе станет спокойнее и безопаснее, чем в физическом мире.

– Как это все может быть реальным? – Дана чуть не отдернула руку.

На это ответил Луч:

– Явь сама по себе нереальна. Это восприятие. Каждый видит мир по–своему, то, что реально для нас. Общего мнения нет.

– Как такое возможно? Я вижу этот стол, чашки, виноград, и если вы не видите, я могу нарисовать, чтобы вы поняли, что я вижу.

– Это мы воспринимаем одинаково, – сказал он. – Наши восприятия могут пересекаться. Порой мы разделяем восприятие предмета, это согласие на духовном уровне, чтобы мы это запоминали, потому что так проще общаться. Люди всегда так делают. Это один из способов общения на чисто физическом уровне, но он не единственный.

– О чём вы?

– Наш разум развивается быстрее, чем физический облик, – сказал Луч. Он схватил клубнику и долго разглядывал ее, а потом продолжил. – У органической материи есть ограничения, но у души и разума их нет. Они могут расширяться и преобразовываться. Не у всех, и не на одинаковой скорости. Те, кого зовут интуитами или медиумами, приняли изменение в разной степени, а те, кто практикует йогу, медитацию и другие формы обогащения, поддерживают свое духовное развитие.

Коринда подняла руку.

– И некоторые из нас слышат зов перемен, и мы движемся к ним.

Луч тепло улыбнулся ей и откусил клубнику. Он жевал ее медленно, смакуя вкус, а потом слизнув каплю сока с губы. Дана заставила себя отвести взгляд, ведь знала, что Луч понимал, как влияет на нее.

«И, – подумала она, – на всех женщин планеты».

– Я не чувствую развития, – сказала она. – Меня словно грабят то, что происходит в моей голове.

– Может, – сказал Луч, – дело в том, кто ты.

Она моргнула.

– Что?

– Я вижу твою ауру, вижу форму, цвет и текстуру твоей души. Я могу читать эти частоты. Знаешь, что я вижу, глядя на тебя?

Она смогла лишь покачать головой.

– Я вижу силу, – сказал он. – Не удивляйся так. Ты очень сильна, Дана Скалли, у тебя большой потенциал. Твой разум как печь, но ты полна сомнений, и ты не знаешь, хочешь ли ковать в этой печи. Часть тебя хочет создать броню, чтобы защититься и скрыться от мира. Часть тебя хочет создать меч, чтобы ты могла дать отпор.

Дана молчала, во рту пересохло.

– А еще часть тебя хочет создать сильные и полезные инструменты. Назовем их

телескоп и микроскоп. Телескоп, чтобы ты видела за пределы того, что видят твои глаза. Там лежит просторная вселенная, она зовет тех, кто может ее слышать, приглашает посмотреть, послушать, узнать. И микроскоп, чтобы твой разум, любящий порядок и знания, мог понять все на клеточном уровне.

– Ее глаза стекленеют, – рассмеялась Коринда.

– Немного, – признала Дана. Она допила чай, который стал чуть теплым, съела пару виноградин, не ощущая вкуса. – Хоть это и круто, это не поможет мне с тем, что происходит.

– Справедливо, – сказал Луч. – Но это не лучшая атмосфера для чего-то точного. У меня есть свои инструменты, и для них требуется что-то, больше похожее на лабораторию.

– Как это понимать?

Он похлопал ее по руке.

– Позволь показать.

ГЛАВА 45

Комната кокона

18:17

Луч провел ее в дверь в углу кафе, напротив классов медитации. Дане прошла во тьму, Луч закрыл дверь и прошел мимо нее, но не отдернул тяжелые шторы. Вместо этого он достал из кармана зажигалку, короткие толстые свечи загорелись. Вскоре в воздухе смешались запахи мяты, сандала и жасмина.

Было очень тихо.

Коринда прошла в комнату с ними, но Луч остановил ее на пороге.

– Спасибо, – сказал он, не впустив ее. – Мы справимся. Пусть Анджело принесет мне свежие благовония. У меня кончатся.

Дане показалось, что она увидела удивление и боль в глазах Коринды. Может, что-то еще, но эта эмоция пропала раньше, чем она успела определить ее. Дверь закрылась, свечи горели, и Дане было очень неловко.

– Это нормально, – сказал Луч, словно читал ее мысли. Может, он их и читал.

– Что? – она отпрянула на шаг.

Он рассмеялся.

– Серьезно, мисс Скалли, я понимаю, что вы напуганы. Я многое понимаю. Это побочный эффект того, какой я.

– И какой же вы? – спросила она, не отходя от двери. Стук испугал ее, но дверь открылась, и вошел Анджело со связкой палочек с благовониями, завернутых в шуршащую синюю бумагу. Он взглянул на Дану, но промолчал.

– Коринда сказала, вам это нужно, – он отдал сверток Лучу. – Утром доставили для вас.

– Спасибо, Анджело. Закрой дверь с той стороны.

Юноша задержался на миг, огляделся, кивнул Дане и ушел. Когда он ушел, Дане повторила вопрос:

– Так какой же вы?

– Я медиум. Хороший медиум, сильный. Коринда назвала бы это даром, может, так и есть, но это скорее заноза в заднице, простите за выражение. Назовем это качеством. Я был таким с детства, проще не стало, и привычкой это не стало, я не мог из-за этого влиться в общество. Мне не нужно было долго находиться среди людей, чтобы они поняли, что со мной что-то не так. Они правы. Я не такой, по их определению. Я совсем другой. Раз люди реагируют на мое отличие, мне приходится держаться в стороне. Когда я был юным, родители водили меня по врачам, и те, конечно, не принимали вариант, что у меня есть особые способности. Вместо этого мне приписали боязнь общества, – он сделал паузу и добавил. – Ничего нового. Гиппократ описывал это, я цитирую: «шляпа на его глазах, он не видит и не хочет, чтобы его видели. Он не осмеливается быть в компании, боится, что его не поймут, что он опозорится в поведении или речи. Он думает, что все за ним следят».

Дана молчала, не отходя от двери.

– Они думали, что у меня эта фобия, расстройство, потому что я держался подальше от людей, но они ошибались. Я держался в стороне, потому что я не один из них. Я не мог быть с ними наравне, и я не хотел. Я хотел найти других с такими качествами. Я провел много времени, развивая свои навыки, пока искал других своего вида.

– Других медиумов? – спросила Дане.

Луч не сходил с места, свечи бросали мерцающий свет на его лицо, подчеркивая его.

– Да. Но даже слово «медиум» неточное. Хотелось бы придумать лучшее слово, но это я оставлю лингвистам. А пока я вижу мир черно-белым. Есть они, не наделенные такими качествами, и мы, обладающие качествами.

Дана кивнула. Ей все еще было не по себе наедине с ним, но страх угасал. Луч

казался искренним и немного печальным.

– Нас мало, – продолжил он, – эту тему окружает столько недопонимания и ошибочной информации, что доходило до того, что людей с такими качествами сжигали, называя ведьмами, и встречи между такими, как мы, проходят неловко.

– Как мы, – тихо повторила Дана.

– Как мы, – сказал он. – У вас настоящий талант, мисс Скалли.

– Зовите меня Дана.

– Дана, – кивнул Луч. – Твои видения – не просто кошмары. Ты уже должна понимать это, даже если тебе не хочется.

– Не хочется, – с нажимом сказала она. – Совсем.

– У нас нет выбора, – сказал он, повернувшись к свечам. – Мы такие, какие есть, и мы станем тем, чем должны.

– Как это понимать? Чем станем?

– Дарвин говорил об эволюции видов, но это другая перемена. Метаморфоза. Это эволюция души, самой нашей природы. Мы рождаемся одним, но редкие из нас вырываются из кокона наших жизней и становятся чем–то другим. Редким, красивым, сильным. Мы перестаем быть тем, чем были, и становимся тем, чем нам суждено быть.

– Я не...

Он повернулся к ней и сказал:

– Я могу сказать, когда у тебя начались видения, и мне не нужно для этого полагаться на свои силы. Мне тебе рассказать? Это было через несколько месяцев после достижения половой зрелости. Не красней, я сказал вежливо. Задумайся об этом. Преобразование из ребенка в подростка происходит с сильной биохимической переменой. Тело меняется на каждом уровне. Физически, психологически, химически, интеллектуально, эмоционально. Таланты пробуждаются, меняются предпочтения, и формируется характер. Детьми и подростками мы очень разные, ты согласна?

– Наверное.

– Нет, – сказал он, погрозив пальцем. – Это неточный ответ. Можно соглашаться или опровергать. Будь точнее, Дана. Не уклоняйся и не скрывайся за отговорками.

Она кивнула.

– Простите.

– Не извиняйся, – сказал он. – Ты пришла учиться, и это – урок. Не извиняйся за то, чего не знала. В этом нет стыда. Стыдно отказываться знать или притворяться, что не знаешь. Это намеренное невежество, и это отвратительно.

Она собиралась извиняться за извинения, но сдержалась и кивнула.

– Многие психические дары начинают проявляться при взрослении, – сказал он. – Для многих эти качества быстро проходят и заканчиваются, когда люди взрослеют.

– А остальные?

– Продолжают развиваться.

– Даже вы?

– О, – он сказал едва слышно, – особенно я.

Она ничего не говорила, потому что не знала, как на это отвечать.

Луч кивнул и горько улыбнулся.

– Наш вид бывает странным, эксцентричным и загадочным. Мы привыкаем к такому.

– Я не хотела быть грубой, господин Луч, но...

– Просто Луч.

– Хорошо, Луч. Это все восхитительно, и я говорю без сарказма, но я не знаю, как мне поможет понимание происходящего. Я уверена, что кто–то убивает подростков, и я не знаю, что делать. Я боюсь спать и боюсь реальности. Не думаю, что люди или копы поверят хоть одному моему слову.

– Не поверят.

– Тогда что делать? Я не могу стоять и говорить о даре весь день. Я должна что–то

делать.

– Да, – сказал он, – должна. И я могу помочь.

– Как? – взмолилась она, шагая вперед.

– Изучением своих качеств, Дана. Сейчас они управляют тобой. Но если ты научишься управлять ими, ты ускоришь преобразование. Ты станешь сильнее, чем можешь себе представить. Тогда, и только тогда, ты сможешь сосредотачиваться на видениях, как лазер. Но все постепенно. Коринда говорила мне о том, что с тобой происходит. Часть я ощущил сам.

Дана покачала головой.

– Это так странно.

Он с горечью улыбнулся.

– Если честно, Дана, для меня это тоже странно.

Она рассмеялась.

– Я знаю про сны, про ангела. Я понимаю, что это все размыто, что видения могут быть осколками. Я могу помочь тебе набраться силы и четкости, чтобы видеть сквозь маски этого существа, назвавшего себя ангелом. Только тогда ты сможешь спасать жизни. Этого ты хочешь? Спасать жизни? Исцелять вред, причиненный детям этого города?

– Да... – выдохнула она. – Но ангел так силен.

– Силен? Да, я так тоже думаю, Дана, но это не означает, что он всевидящий и всезнающий. У всех есть ограничения и слепые места.

Она уставилась на него.

– Я... никогда не думала об этом. Вы... думаете, есть то, чего он не знает?

– Конечно.

– Значит, может быть способ остановить его? Чтобы он не заметил?

Луч кивнул и указал на груду подушек на полу.

– Все возможно. Садись, Дана, – сказал он. – У нас много работы.

– Сегодня у меня джиу–джитсу...

– Не переживай, – сказал он. – Это много времени не займет. Туда, куда мы зайдем, время идет на другой скорости.

– Что это значит?

Луч улыбнулся.

– Увидишь.

ГЛАВА 46
«Вне пределов»
18:20

— Что ты делаешь?

Вопрос был произнесен шепотом, но оставался пронзительным. Анджело отклонился от закрытой двери, выпрямился и повернулся к Коринде, стоявшей в десяти шагах, уперев руки в бока. Она хмурилась.

— Я ничего не делал, — сказал он.

Коринда посмотрела за него на дверь в кабинет Луча. Туда никто не мог заходить, пока он там. Только ученики, записанные на его занятия, и те, кто встречался с ним один на один для развития. Даже Коринда, совладелица, редко пересекала этот порог.

— Ты знаешь правила, Анджело, — возмутилась она. — Луч хранит в комнате чистую энергию. Он не хочет, чтобы что-нибудь портило энергетику.

Анджело сунул руки в задние карманы.

— Почему тогда я все время вижу вас рядом? Вы злитесь, что сила есть только у него. Думаете, из-за вас сюда приходят люди?

Она зло шагнула к нему.

— Лучше будь осторожен с тем, что говоришь и кому, юноша. Радуйся, что у тебя есть эта работа.

— О? Почему же? Потому что это отличное место работы?

— Потому что мы с Лучом тебе все спускаем с рук.

— Собираетесь попрекать меня этим? Когда вы в последний раз это упоминали? О, погодите, этим утром. И вчера. Вы всегда мне об этом говорите.

— А не должна? После того, что ты сделал?

— Может, вы не все про всех знаете, мисс Психосила, — сказал он.

— Может, тебе стоит следить за языком и помнить, кто тебе платит. Ты опасно играешь.

Анджело шагнул к ней.

— Опасно? Думаете, вы понимаете, что это значит, сеньора? Вряд ли.

— Как это понимать?

Он фыркнул.

— Вы не знаете? Забавно, я думал, вы умеете читать мысли.

Коринда отпрянула на шаг.

— Я читаю твой разум достаточно, чтобы знать, что ты думаешь о Дане. Держись от нее подальше, или я...

Его взгляд заставил ее замолчать, словно ее ударили по лицу.

— Или что? — тихо спросил он.

Коринда не ответила. Анджело кивнул.

— *Mucho cuidado, mi hermana*, — сказал он и пошел прочь, как голодный тигр. Коринда смотрела в его спину, пока Анджело не пропал в кладовой. Она была в ярости, но и боялась. Анджело пугал ее. С ним было что-то не так. Может, что-то не так было внутри него. Коринда ни разу не смогла пробиться сквозь ту тьму. Она бы уволила его месяцы назад, но она боялась того, что он может. Люди рассказали ей о нем. О его вспышках жестокости. Как на неделе перед Рождеством, когда двое пьяных ребят из колледжа бросили в него пустой банкой пива. Анджело избил их до потери сознания, было бы хуже, если бы не явился Луч, разнявший их. Луч сказал шерифу, что парни напали первыми, но Коринда сомневалась. Он и раньше дрался. Луч думал, что у него есть потенциал, но Коринда так не думала. Она считала, что Анджело был поврежденным товаром.

Но Луч защищал мальчика. И пока Коринда восхищалась состраданием и щедростью Луча, ей пришлось принять на работу постоянно наглеющего Анджело.

Теперь это. Она видела, как он стоял, прижавшись ухом к двери, подслушивая

сессию Луча с Даной. Это было ужасно.

Она смотрела минуту на дверь кладовой, но Анджело не выходил.

Магазин опустел, покупатели и ученики придут вечером. Никто не смотрел на нее.

Она вдохнула и прижала ухо к двери.

ГЛАВА 47
Комната кокона
18:22

— Слушай мой голос, — сказал Луч.

Дана сидела, скрестив ноги, на полу, ладони лежали друг на друге, глаза были почти закрыты. Сессия началась спокойно. Они выпили травяной чай, Луч объяснял процесс, каким он помогал ученикам пройти во внутреннее я и позволить их силам развиться.

— Мы все хотим быть теми, кем являемся на самом деле, — сказал он, расставив свечи вокруг них. Некоторые резко пахли, не так, как те, которые он зажег первыми, и он объяснил, что ароматические свечи для психической работы отличались от тех, которые продавали для всех. Он зажег несколько палочек благовоний, запах снова был сложным, почти вызывающим, потому что не был приятным, хоть и не вызывал отвращения.

Когда она спросила, продают ли благовония в магазине, он скривился.

— Коринда, хоть и хочет добра, продаёт много того, что можно описать «благовониями туриста». Так и с большей частью свеч. Они популярны у людей, но не сильно отличаются от ловцов снов и кукол качина, которые люди покупают себе в дом. Непросвещенные думают, что такие предметы показывают, что они делают необходимую работу, чтобы добраться до места, где душа свободна. Понимаешь, Dana?

— Думаю, да.

— Нет. Понимаешь или нет?

Она улыбнулась и кивнула.

— Да, — твердо сказала она. — Понимаю.

— Вот так. Шажки станут увереннее, а потом ты прыгнешь и затанцуешь.

Дана не знала, был ли это комплимент, но она решила воспринять его так.

— А благовония, — добавил Луч, — эти не для продажи, но я тебе немного дам.

Как только Луч все устроил в комнате, они десять минут дышали, пили травяной чай и расслаблялись. После долгих минут тишины он заговорил, заводя ее глубже в медитацию.

— Твое тело — сосуд большой силы, — сказал он. — Ты расслаблена и дышишь, твое тело меняется. Напряжение физической оболочки становится все меньше и меньше... и оно больше не держит твой дух. А потом, с вздохом, ты поднимешься.

Она вдыхала и выдыхала, тихо и медленно, ощущая, как странный дым успокаивает ее, усыпляет тревогу.

— Здесь тебе ничто не навредит, — говорил ей Луч. — Ты в безопасности. Ты сильна. Ты в своей силе и вне. Ты во многом сильна. Скажи, Dana, заяви это. Ты сильная.

— Я сильная, — прошептала она.

— Ты в безопасности.

— Я... в безопасности, — небольшая запинка, и она повторила. — Я в безопасности.

— Ты в безопасности, — отозвался Луч. — Ты как куколка в коконе. Эта форма до сих пор скрывала тот облик, какой ты обретешь.

Комната кружилась от ароматного дыма, наклонялась, и это расслабляло, а не пугало.

— Пусть твой дух поднимется и развернется, Dana, — сказал Луч.

Когда она начала ходить сюда с Мелиссоид, такие слова вызвали бы ее смех или недоверие. Но видения и ужасы в папке Фрэнка Хейла изменили что-то в ней. Новые техники не казались игрой в магию. Это были не исцеляющие кристаллы, амулеты фей или волшебная музыка. Это было явью.

Луч говорил, и Dana ощущала, как что-то в глубине меняется. Словно ее тело было коробкой, скованной цепями и замками, металлическими кольцами, и с каждым мигом замки открывались, цепи ломались и падали, оковы разрывались. Она вдохнула глубже, раздался щелчок, словно нить, удерживающая ее в теле, лопнула, и Dana устремилась

выше, паря, как шар с гелием. Боли не было. Колебаний тоже. Это ощущалось верно. Это было правильнее всего, что она когда-либо делала.

Она ощущала тело как две разные части. Физический облик сидел, чуть сжавшись, словно кости и мышцы, плоть и кожа спали. Это была ее оболочка, ее кокон, но она была не такой. Дана теперь это понимала. Ее истинное я появилось из кокона, как бабочка, поднялось над ним, как дым, но с определенным обликом. Она еще ощущала руки, ноги, сердце, дыхание, но все было легкое, призрачное, заряженное странной энергией, которая гудела, как ток.

– Открой глаза своей души, – сказал Луч, и его голос звучал словно с небес, низкий, как гром далекой бури. Сильный, но не с угрозой. – Открой третий глаз и позволь увидеть правду о том, что есть и каким будет.

Это звучало невозможно, но Dana ощущала, что что-то случилось, что ее разум и восприятие открылись так, как она еще не испытывала. Комната стала очень яркой, но не слепила. Нет, она просто могла видеть все в тысячу раз яснее, а еще намного подробнее. Свечи поблизости были не просто воском и огнем. Они стали большим, ведь она видела их составляющие и разницу. Многое входило в воск каждой. Она видела и понимала каждый элемент, каждый компонент, даже если их там были крупицы. Пчелиный воск, жир, экстракт насекомого *Coccus pella*, вареный плод дерева корицы, экстракты орехов. Смешанные в определенных пропорциях. Она вдруг поняла, что свечи не растворялись в воде, медленно горели, были почти не токсичными, меняли облик с твердого на жидкий из-за термопластичности. Она знала это, но Dana была уверена, что ей этого не рассказывали, и она не читала об этом. Но эти факты и многие другие были в ее голове. Словно они были очевидны, словно она и должна была знать это. Она проникла глубже, посмотрела на свечу рядом с Лучом и вдруг поняла, что в ней содержался углеводород с формулой $CnH2n+2$.

Она вдохнула благовония и видела, как над палочкой обретают облик шалфей и кедр. Она видела там барбарис Тунберга, экстракт коры лаврового дерева и жигит, смола, которую использовали в Индии. И не только. Крохотные компоненты, молекулярные структуры, химические формулы. Все. Информация вливалась в ее разум, записывалась там. Она знала, точно знала, что эта информация останется в ней навеки. Как-то. Невозможно, но точно.

– Прими правду, которую видишь глазом разума, – сказал Луч. – Поглоти и смирись. У мозга есть пределы, но разум души способен на большее, на бесконечное восприятие. Будь безграничной, Dana. Отринь пределы. В мире духовной энергии нет ограничений. Мы хотим затмить ограниченное мнение мира о том, кто мы, и показать, кто мы на самом деле. Пойми это как правду, Dana. Вся правда теперь твоя. Отдайся ей, Dana.

И она послушалась.

Комната пропала, духовное тело Danы поднялось сквозь потолок в воздух над «Вне пределов». И хотя она еще ощущала конечности, она как-то знала, что это только иллюзия, потому что ее настояще я было ярким шаром, сияющим золотым светом. Она смотрела на небо и видела, что оно пересечено хрустальными нитями, словно реальность была сном в сети силикона и бриллиантов. Это было красиво, она хотела заплакать, но всхлип прозвучал как крик чистой радости.

Она слышала слова Луча, но уже не была в комнате с ним. Dana не знала, была ли она на своей планете. Его слова успокаивали, направляли, но язык потерял значение. Слова были не больше ветерка над волнами. Она плыла над потоком, поднималась все выше, пока Крейгер не стал лоскутком домиков и огражденных полей. Еще выше, и Мэриленд мешался с зелено-коричневым пейзажем. Все выше, пока земля, весь мир, не закружился под ней, дымчато-голубой камень на черном бархате, на котором были разбросаны миллиарды бриллиантов. Хрустальная пыль была на ткани, и Dana поняла, что это был Млечный путь.

Не было ни боли, ни сомнений, ни страха, ни тревоги, ни волнения, ни следа

негатива.

Только умиротворение.

Только расширяющееся осознание, с которым приходило понимание, что она – Dana Скалли – была важной частью Всего, как и все остальное. Такой же важной, как солнце. Такой же важной, как темная материя, держащая вселенную единой. Как любовь. Как жизнь.

Она парила высоко над землей, осознала что–то за ней. Она повернулась, ожидая увидеть луну.

И она была там.

Не мертвый обломок на орбите вокруг земли. Она как–то была живой.

Живой.

Dana поплыла к ней, громко смеясь в вакууме космоса. Горы на луне, большие кратеры выглядели красиво, она летала сквозь них. Голос Луча угасал, она улетала от его власти, была вне его досягаемости, путешествовала сама.

Внизу она видела, как что–то сияет, как металл, и поняла, что это осталось от одной из миссий «Аполлона». Она увидела «Сервейер»–1 и 2. Она увидела луноход с «Аполлона»–15 и кусок «Аполлона»–11. Она увидела флаг, установленный первыми людьми, ступившими на поверхность другого мира. Она смотрела на следы, но они были размытыми. Обломки остались. Доказывали, что люди были здесь. Она рассмеялась, потому что в пятнадцать лет поднялась сюда за мгновения. Без ракет и костюмов. Только своим разумом.

А потом что–то задвигалось на пыльной поверхности луны.

Dana обратилась туда.

Что–то на краю большого кратера сверкало на солнце как серебряный огонь.

Оно было треугольным и большим. В сотни раз больше обломков, оставленных НАСА. Оно не застыло, как другие машины. Огни сверкали на трех вершинах. Белые, первые огни, на которые ей было больно смотреть. Они были слишком яркими или... яркими в чем–то другом. В том, что не гармонировало со зрением ее духа.

Огни пульсировали. В медленном ритме. Вспыхивали и угасали, вспыхивали снова. Она понимала, что это машина, некий корабль, но ритм напоминал биение сердца во сне. А потом ритм изменился, ускорился.

Вдруг Dana поняла, что этот корабль спал, и, когда она подлетела ближе, он начал просыпаться.

С тревожным криком она развернулась и побежала на солнечных ветрах к земле. К своему телу. Она летела все быстрее, а огни позади пульсировали, вспыхивали и все ближе были к пробуждению.

– Нет! – закричала Dana, все в ней понимало, что это неправильно, что она совершила ужасную ошибку.

Опасную и смертельную ошибку.

Она летела вниз, ей нужно было сбежать в обычный мир. Она слышала, как Луч зовет ее, но летела мимо него, погрузилась в атмосферу, спускалась к Мэриленду, к маленькому Крейгеру, к центру города, к крыше «Вне пределов». Она врезалась в нее, ощутила дерево и пластик, металл и кирпич, провода и все, из чего было здание.

Она была в комнате, ее тело было там. Как и Луча. Оба тела были пустыми, уязвимыми. Мертвыми.

Но здесь тоже что–то было не так.

Фигура стояла между пустыми телами.

Высокая, очень сильная фигура. Тело было с мышцами, трещало живым огнем. Он был красивым. Dana еще не видела такого идеального лица. В тысячу раз красивее древних египетских, греческих или китайских статуй. Величественный, манящий. Но что–то в нем было знакомым. Словно это лицо скрывало другое. Dana попыталась увидеть лицо за этой красотой. И она заметила.

Лишь на миг.

А потом все пропало. Там стоял ангел, одетый в лохмотья из света, он смотрел на нее. В вырезе его белой футболки Дана видела большую татуировку над сердцем. Черный диск, окруженный короной огня. Знак затмения.

Его знак, в этом она была уверена.

За его широкой спиной были красивые крылья, развернутые так широко, что их кончики касались стен.

Крылья были не из белых перьев.

Они были кожистыми и черными.

Люцифер смотрел на нее, он сказал лишь одно слово. Но это пугало сильнее всего.

Он сказал:

– Дана...

ГЛАВА 48
Комната кокона
18:48

Дана закричала и проснулась.

Она упала, ударила плечом об пол, стукнулась головой, прикусила язык, ощутила боль.

Ковер под ней был холодным и жестким.

Но только ковер.

Она не видела волокна, не знала его химическую формулу. Молекулы состава не открывались ей. Это был ковер, и она лежала на нем. Ее окружали обычные свечи, воздух был ароматным, но без прежнего очарования.

Она вернулась в мир. В реальность.

Этот мир был меньше, страшнее и не такой чарующий.

Безопаснее.

Стон заставил ее сосредоточиться, она повернулась и увидела Луча с лицом в ладонях, плечи были опущены. Он был в таком же состоянии, как она.

– Что...? – начала она, но не смогла составить вопрос.

Луч поднял голову. Его лицо осунулось, он не сразу сосредоточил на ней взгляд.

– Дана?

– Что случилось?

Он потер глаза и сел, но с болью.

– Это было... нечто.

– Вы видели то же, что и я?

Луч кивнул.

– Похоже, на то, – он задумался. – На луне? Корабль?

– Да. Но я не об этом, – она встала на ноги, пошатнулась. Казалось, ее тело не подходило ей, словно она одевалась в кожу в темноте, перепутала пуговицы. – Я видела его.

– Его?

– Я видела ангела, – сказала она.

Луч напрягся.

– Что?

– Вы его не видели? Он был здесь, – она указала на пространство между ними.

Луч встал на ноги, тоже качаясь.

– Это был ангел?

– Не просто ангел, – сказала она. – Думаю, я видела его настоящее лицо. Он словно был в маске.

Луч охнулся, он схватил ее за плечи и посмотрел в глаза.

– Ты *видела* его? – осведомился он. – Правда?

– Наверное.

– Расскажи. В подробностях, – завопил он. – Это важно.

Дана пыталась вспомнить детали, но, чем дольше она была в своем теле, тем дальше ускользало воспоминание. Она помнила маску, описала это, описала одежду из света и кожистые крылья. Луч отпустил ее и задумчиво прошел по комнате. Он остановился у столика, где стояла миска фруктов и нож. Он поднял нож, выбрал спелую грушу и почистил ее без слов. Он разрезал ее пополам и отдал ей.

– Съешь это.

– Я не голодна.

– Психический опыт истощает физическое тело. В грушах вода, витамины С и К, медь и волокна. Тебе станет лучше, – он улыбнулся. – Это старый трюк.

Дана съела фрукт. Груша была вкусной и стерла металлический привкус изо рта, о

котором она почти не думала. Луч съел свой кусочек.

– Ты знаешь, кто такой Люцифер? – спросил он.

– Он был Утренней звездой, – сказала она, жуя. – Он был важным ангелом, восставшим против бога.

Луч кивнул.

– Он был сияющим, носителем света. Нельзя путать Люцифера и Сатану, Дана, они разные. Сатана – душа зла, безграничного разрушения и греха. Люцифер ангел, он знает о боге и обо Всем. Такое создание по определению не может быть злым. Это невозможно, потому что идеальное знание и идеальная любовь – стороны одной монеты.

– Но в церкви нам говорили, что Сатана был Люцифером.

– Конечно, – сказал Луч, – потому что они не понимают. Люцифер нес свет, он был освободителем, стражем просвещения, света, что направлял людей к пониманию. Связь Люцифера с Сатаной – заслуга поэтов и писателей. «Инферно» Данте Алигиери, «Люцифер» Йоста ван ден Вонделя, «Потерянный рай» Джона Мильтона загрязнили имя ангела, чьим даром было понимание и знание.

Она отпрянула на шаг.

– О чем вы говорите? Разве может ангел убивать людей в моей школе?

Луч искренне удивился.

– Что? Конечно, нет. Прости, Дана, я тоже еще не пришел в себя. Я сказал, что, если ты видела настоящего Люцифера, это было не существо, ответственное за трагические убийства.

– Тогда...?

– Потому я хочу, чтобы ты попыталась вспомнить лицо за маской ангела. Я подозреваю, что кто-то скрывается за личиной Люцифера, чтобы запутать тебя и скрыть свое истинное лицо.

– Скрывается? Как?

Луч взмахнул руками, указывая на комнату.

– Так, как мы летали в космос, Дана. Это делает кто-то, похожий на нас. Сильный медиум.

Это потрясло ее на пять секунд, потом она начала кивать. Это было логично, хоть и было жутко. Пол под ногами, казалось, вот-вот накренится, и хотя груша немного помогла, голова словно была наполнена сладкой ватой, злыми пчелами и острыми шипами. Наверное, так ощущали себя пьяные, и она решила, что не хотела больше такого. Ей хватило.

– Я кое-что не рассказала, – отметила Дана, – но, думаю, я знаю об убийствах то, чего не знает отделение шерифа.

Луч прищурился.

– Как?

– Не важно, – сказала она, – но я думаю, что Мейси Белл убили, пытаясь изобразить раны Иисуса, – она рассказала про запястья, ноги и другие раны. Луч мрачнел.

– Даже не знаю, что сказать, – ответил он.

– Что это может означать? – спросила она. – Зачем кому-то так делать?

Луч медленно покачал головой.

– Сложно сказать. Может, он не понимает, что делает.

– Нет, – возразила Дана. – Думаю, он прекрасно знает, что делает, но не ясно, зачем. Для чего ему изображать раны Иисуса? Это богохульство?

– Нет, – твердо сказал Луч. – Скорее всего этот... человек... считает, что сильно связан с Иисусом Христом. Что, может, он похож на него. Кто знает, может, он думает, что этим воздает честь.

– Это ужасно.

– Может, он видит это иначе. Ты помнишь его лицо? – спросил Луч. – Ты все еще можешь его представить?

Она закрыла глаза и чуть не упала. Она пошатнулась, Луч поймал ее тонкой, но удивительно сильной рукой. Пол постепенно становился тверже под ногами.

— Почти, — сказала она. — Я почти его вижу...

— Пытайся, — ответил он.

Она пыталась. Дана доверились Лучу, придерживающему ее, и закрыла глаза, пожелала открыть эту страницу воспоминаний. Она видела красивое лицо ангела, несмотря на слова Луча, он все еще пугал ее, но она терпела это, потому что знала, что за Люцифером скрыто лицо.

Она пыталась и пыталась.

Но, чем сильнее она впивалась в воспоминание, тем дальше оно уплывало во тьму.

Она открыла глаза и вздохнула. На миг она прижалась головой к груди Луча.

— Простите, — прошептала она.

Луч погладил ее волосы, как делал порой отец, когда Дана просыпалась от кошмара. Она ощущала себя защищенной. Она не представляла, как Луч позволит кому-то навредить ей.

— Все хорошо, Дана, — сказал он, отодвинул ее на расстояние вытянутой руки и посмотрел на нее. — Мы можем попробовать в другой раз.

Неожиданные горячие слезы покатились по ее щекам.

— Но... я должна попробовать сейчас. Начнем еще раз. Я не могу так остановиться. Я была так близко к тому, чтобы узнать, кто убийца. Я не могу.

— Прости, — сказал он, — но это истощает человека. Тебе не стоит делать этого хотя бы пару часов. Лучше пойди домой и полежи. А я приму ванну и наемся протеина, — он издал смешок. — Может, мы лишь носим одежду из плоти и кости, но у тела свои ограничения. Мы должна помнить об этом. Так что, хоть мы и хотим знать правду, сейчас это невозможно. Мы устали, так что это очень опасно.

— Но...

— Иди домой, Дана. Погоди, возьми это, — он завернул шесть палочек благовоний в шелковый платок и отдал ей. — Это поможет тебе концентрироваться. Зажги одну и медитируй, или просто зажги и спи. Лучше, чем чай из ромашки, успокаивает нервы. Бери. Хорошо. А теперь оставим это на сегодня. Мы больше ничего не можем сделать.

На этом все закончилось.

Она подняла школьный рюкзак, оставленный у двери, и ушла, шатаясь, мир покачиваясь, скрипя колесами.

В зале она увидела, как Коринда идет в дамскую комнату, и пошла за ней. Дверь щелкнула, когда она вошла, Дана подошла к рукомойнику, умыла лицо мылом и холодной водой. Она посмотрела на свое отражение и увидела, как раскраснелась. Ее зрачки были огромными. Это все от того, что она парила в...

Где?

Не в самом космосе. Это было жутко.

В воображении? В мире духов? Дана поняла, что не знала, как описать то, что произошло, но ощущала, что начинает понимать бога. Как Он мог видеть все, знать все, быть связанным со всеми существами. Это был религиозный экстаз, о котором она читала в историях некоторых святых?

В туалете стало шумно, она вырвалась из мыслей, а Коринда вышла из кабинки.

— Эй, — сказала она. — Я не знала, что ты уже здесь. Как сессия с Лучом? Он потрясающий, правда?

— Это даже не описать словами.

Коринда заняла место у рукомойника и вымыла руки, а потом приняла бумажное полотенце, протянутое Даной. Она вытирала руки и разглядывала Дану.

— Не обижайся на меня, милая, но выглядишь ты ужасно.

— Спасибо. Я и чувствую себя ужасно.

Коринда убрала прядь рыжих волос с лица Дании.

– Ты что–то видела, да?

– Я...

– Вижу, – тихо сказала Коринда. – Ты увидела лицо убийцы, да?

– Похоже на то, – голос Даны был слабым и испуганным. – Но не четко. Я не смогла увидеть, кто именно это был. Я так близка, я просто... не могу.

Лицо Коринды было серьезным, взгляд пронзal.

– Может, – сказала она, – я смогу.

ГЛАВА 49
Комната наблюдения
19:01

— Он здесь, — сказал Дэнни.

Агент Малcolm Герлак обычно отвечал на это с безразличием и угрозами. Но не в этот раз. Он вскочил на ноги, надел черный пиджак и поправил галстук.

— Хорошо, — нервно сказал он. — Пусть заходит.

Техник вышел и вернулся через минуту. Он придержал дверь, и прошли три человека. Двою были агентами в таких же черных костюмах, за ушами виднелись проводки, лица были беспощадными. Третий мужчина был выше, тяжелого телосложения, с пухлыми щеками, волнистыми седыми волосами и беспощадными глазами. Он был одет в аккуратный дымчато-голубой костюм и шелковый галстук ручной работы, от него исходила огромная сила. Дэнни привык дрожать от агента Герлака, но теперь он видел, как рыжеволосый мужчина жмется, как школьник, когда гость прошел в комнату. Дэнни не знал, как звали этого мужчину. Когда его упоминали, что бывало редко, Герлак и другие топ-агенты называли его Первым старейшиной. Имя не называлось, и юному Дэнни хватало ума не спрашивать.

— Присаживайтесь, сэр, — сказал Герлак, указывая на удобное кожаное кресло, которое принесли утром из старого кабинета священника. Теперь оно было чистым, отполированным и стояло у стола, где были чайник свежего кофе и дорогие пирожные.

Первый старейшина посмотрел на кресло и скривил губы. Но сел. Герлак налил кофе в фарфоровую чашку и попятился, казалось, что он кланяется. В других обстоятельствах Дэнни смутился бы из-за поведения агента. Не сейчас. Не с этим мужчиной. Дэнни стоял в стороне от Герлака у стены экранов, но хотел быть подальше отсюда.

— Мы встречались на прошлой неделе, — сказал Первый старейшина без предисловий.

— И мы долго обсуждали эту операцию.

Герлак стоял прямо, как шест. Дэнни видел, как блестит пот на лбу Герлака и верхней губе. Агент молчал.

— Могу отметить, что мы не так рады прогрессу, как вы в своих отчетах, — сказал старейшина. У него был высокий, но мрачный голос. Он не притронулся к кофе или пирожным.

— Мы движемся так быстро, как позволяет осторожность.

Левый глаз Герлака дергался.

Глаза Первого старейшины были холодными, почти мертвыми.

— Может, вы думаете, что наша длинная игра дает вам неограниченное время. Это не так. В своем отчете вы очень хорошо отзывались о своем человеке, «ангеле», как он себя называет. Вы сами указывали, сколько времени вам потребуется.

Герлак молчал.

— Мы играем в очень опасную игру, агент. В очень опасную. Мы рискуем предательством со всех сторон. Когда этот проект начинался, мы все знаем, что рискуем собой. Мы рискуем миром. Вы убедили нас, что ангел сможет развить способности в этих детях. Вы сказали, что они смогут стать ядром элитной армии против наших... — он замолчал, подбирая лучшее слово, а потом закончил, — создателей.

— К этому мы и идем, — сказал Герлак.

— Но вы очень близки к назначенному сроку.

— Сэр... это новая для нас территория. Для всех, — возразил Герлак. — Это не точная наука.

— Это ваша проблема, агент, — сказал Первый старейшина. — Вы обещали, и мы восприняли обещания серьезно. Мы ждем обещанный результат.

— Да, сэр.

Первый старейшина смотрел на него так, как, по мнению Дэнни, люди смотрели,

выбирайя лобстера в ресторане морской кухни.

— В недавнем отчете вы просили продления из–за непредвиденных сложностей. Прошу, объясните мне, что стало для вас этой сложностью.

— Это ангел, — сказал Герлак. — С самого начала все было в нем.

— Что именно вас беспокоит?

Герлак кашлянул.

— Он нестабилен, ненормален и опасен.

— Да, — медленно протянул старейшина. — Потому мы и забрали его из проекта Монток. Мы хотели опасных сотрудников, а он очень опасен.

— Опасен, да, — сказал Герлак. — Но и нестабилен. Он неуправляем. Его, кхм, методы могут разрушить всю программу.

— Потому что он убивает детей?

— Ну... да... это сильно тревожит. Он убил шесть из...

— Нам плевать, сколько гробов опустят в землю, — перебил Первый старейшина, тяжко встав на ноги. Он вздохнул и пошел к двери. — Нам нужны результаты. Нам нужно оружие, иначе мы проиграем войну.

— Я думал, мы уже проиграли.

Старейшина замер у двери.

— Будущее не высечено на камне, агент Герлак. Ключ к выживанию — готовность пользоваться шансом. Нам нужно подтолкнуть к этому.

— Ангел подталкивает.

— Пусть толкает сильнее. Используйте все силы, — сказал он. — Задействуйте все.

Герлак вдохнул.

— И девчонку Скалли?

— Особенно ее.

— А если он убьет ее?

— У Уильяма Скалли четыре ребенка, — сказал Первый старейшина. — Одного он нам должен.

И он ушел с телохранителями. Они не закрыли дверь.

ГЛАВА 50
«Вне пределов»
19:03

Дана и Коринда сидели вместе. Не за обычным столом, а в занавешенной нише в дальнем углу магазина, в стороне от людей.

— Сядь, — сказала Коринда, сдвинув шторы. Они были украшены планетами, пересеченными с астрономическими символами. Коринда развернулась, посмотрела на нее и нахмурилась. — Ты под кайфом?

— Что? — Dana почти смеялась. — Боже, нет! Зачем такое спрашивать?

— Ты так выглядишь. Зрачки расширены, вся красная.

— Я час провела в темной комнате.

Коринда пожевала губу.

— Да, наверное, дело в этом.

Она выдвинула стул и села. Ниша была с маленьким круглым столиком, двумя стульями с подушками и маленьким шкафчиком с тремя ящиками. Стулья были разрисованы завитками, которые обивали ножки и расцветали на спинке. Большая скатерть лежала столе, расшитая загадочными символами, Dana знала только некоторые. Она думала, что это алхимические символы, но не была уверена. Шкаф был синим, но каждый ящик был другого оттенка фиолетового. Ручки на них были медными в форме черепашек. На столе стояла толстая свеча с тремя фитильками, но они не были зажжены. Коринда скрестила руки на груди и склонила голову в сторону, разглядывая Дану.

— Прошу, — сказала Dana, — если вы можете мне что-то рассказать, говорите. Но больше никаких психических путешествий, чтений или того, что вы с Лучом делаете. Я вот-вот сорвусь. Я хочу домой, спрятаться в своей комнате. Я хочу понять, кто это делает, и... и...

Она замолчала, не желая облекать в слова раскаленные мысли в голове.

— Не переживай, — сказала Коринда. — Я не буду на тебя давить.

— Это радует.

— Я еще в уборной поняла, что у тебя было видение. Я ощутила это, Dana. И оно было сильным, потому что воздух вокруг тебя трещал духовной энергией. Даже сейчас я вижу, как от тебя отлетают искры.

Dana посмотрела на свои ладони.

— Я ничего не вижу.

Коринда улыбнулась.

— У нас разные дары, милая. Твоя судьба, похоже, видеть во тьме. Моя — видеть свет. Когда я смотрю на тебя, я вижу твою ауру. Искрит, как распределительная коробка, через которую бежит слишком много энергии. Знаю, тебе больно, и, думаю, я могу помочь.

Dana сцепила ладони.

— Как? Даже Луч не смог помочь. Мы сделали астральную проекцию, и это утомило нас.

— Ах, — сказала Коринда.

— Что?

— Случай, я не хочу тебя отговаривать, и я не хочу обижать Луча. Он потрясающий. Но... люди считают его сильнее, чем он есть. Это все его штучки бога любви. Все попадают под его чары, думают, что он может и по воде ходить.

Dana была удивлена.

— Вы бы так не говорили, если бы были в комнате с нами.

— О, не пойми меня превратно, — быстро сказала Коринда. — Я не говорю, что у него нет силы, но он не сильнейший мастер.

— Я думала, вы друзья, — сказала Dana.

— Так и есть. Думаю, важно понимать вещи, как они есть. Мы принимаем правду еще

и в перспективе.

— Правду.

— Правда — это все, — сказала Коринда. — Все, что я делаю здесь, что происходит во «Вне пределов», это часть поиска правды. Ты не знала? Медитация, йога, астрология, просвещение — все это отпирает информацию, что обычно скрыта от нас. Мы должны учиться видеть иначе, узнавать другое, быть открытыми к путям к правде, что отличаются от тех, каким учат в школе или в церкви. Важная правда выше, и, когда мы осмеливаемся принять ее и жить с ней, тогда мы освобождаемся...

Дана вскинула руки.

— Прошу! Я больше так не могу. Не сегодня. Голова скоро взорвется. Мне нужно узнать, кто убил Мейси.

— Прости, — сказала Коринда. — Ты перегружена. Луч утомил тебя своими играми, а теперь я довожу тебя еще сильнее.

Дана потерла глаза, ожидая найти слезы, но их там не было. Глаза щипало, комната, казалось, покачивалась. Огни были слишком яркими, звуки оглушали.

— Если вы знаете, кто ангел, скажите мне, — попросила она.

— Прости, Dana, но это не так просто, — сказала Коринда, смягчая голос, взяв Дану за руки, глядя их, как раньше. — Я не могу получить лицо, имя и детали жизни. Я вижу вспышками. Лицо на миг, какие-нибудь картинки с шифром.

Плечи Даны опустились.

— О.

— Но есть кое-что точное, — заверила ее Коринда. — Я точно знаю.

Дана вздрогнула.

— Расскажите.

— Я сделаю, что смогу, — пообещала она, — но этот ангел силен. Он знает, кто я, и боится меня. Он скрывает лицо от меня.

— Вы можете попытаться?

Коринда оскалилась.

— Я не боюсь его. У меня есть слои защиты, которые, как он знает, ему не преодолеть. Теперь... медленно дыши и отпусти. Представь дверь в разуме. Представь, что это — дверь в твой разум, и я стою на другой стороне. Я хочу, чтобы ты увидела, как ты поворачиваешь ручку, открываешь дверь. Вот так. А теперь отойди и пропусти меня. Я заберу твои видения и расшифрую, — Коринда закрыла глаза, пару мгновений медленно и глубоко дышала, а потом заговорила шепотом и будто в трансе. — Я вижу нож. Он вспыхивает серебром. Он звенит. Нож... не для охоты. Меньше. Складной.

Дана слушала, едва дыша.

— Я вижу серебряный нож в сильной руке. Вижу шрамы. На костяшке... безымянного пальца. На ладони сбоку. Старая рана. Он... поранился... когда чинил машину. Ключ соскочил. Острый металл. Прошлый год? Да.

Дана прошептала:

— Это он?

— Это ангел, — медленно и отстраненно сказала Коринда.

— У него есть татуировка? Затмение.

— Да, — сказала Коринда.

— Он чудовище.

— Он — человек, — сказала Коринда. — Он из плоти и кости.

— Но...

— Но у него есть сила. Большая сила. Он проецирует... Он врет, закрываясь... лицами... в разумах таких, как он. Он носит маски... Лицо Люцифера для него — маска. Он не дьявол, но он — его голос. Он говорит за него. Он — зло.

— Это он! — завопила Dana. — Вы видите его лицо? Настоящее лицо?

Лицо Коринды потеряло выражение, она ушла глубже в видение.

– Он прячет лицо. Он сильный, умный. Он знает, как прятаться, но он близко, Дана, – прошептала она. – Очень близко. Он… видит тебя. Нет, он видел тебя. Говорил с тобой.

– Что?

– И ты… видела его. Говорила… с ним.

– Когда?

Коринда покачала головой и скривилась, словно в ее разуме бушевала битва титанов.

– Ты знаешь его имя… Думаю, да. Ты знаешь его имя. Он убьет снова, – прошептала Коринда. – Скоро. Он должен. Он хочет. Он уже выбрал следующую жертву. О боже! Боже… нет!

– Что такое? – завопила Дана, вскочив на ноги.

Глаза Коринды распахнулись.

– Это ты, Дана. Убийца идет за тобой.

Дана попятилась, врезалась в шкафчик, и тот загремел о стену ниши.

– Нет. Кто он? Зачем он делает это? Почему он идет за мной?

У Коринды был странный взгляд. Там был страх, удивление и сомнения. Она провела руками по лицу, словно могла прогнать видение из разума. Она прижалась к спинке стула, качая головой, дрожа.

– Он… сильный, – охнула она. – Сильнее, чем я думала.

– Как его зовут? – взмолилась Дана. – Вы должны сказать мне.

Но Коринда качала головой.

– Он не пустил меня так далеко. Я знаю лишь, что на его руке шрамы, при нем всегда нож, – она посмотрела на Дану. – Если он идет за тобой, тебе нужно найти его первой. Тебе нужно понять, кто из знакомых тебе людей подходит под это описание. Тебе нужно найти его первой.

ГЛАВА 51

Крейгер, Мэриленд 19:19

Дана покинула «Вне пределов», сильно дрожа.

Она не смогла ничего больше выведать у Коринды, та выглядела так, словно вот-вот упадет в обморок. Луч уже ушел, только Анджело и еще один работник были в магазине, но с ними это обсуждать не хотелось. Телефон в магазине был занят, и она пошла к кабинке на углу закусочной. Она закрыла дверь, свет внутри зажегся. Она выудила монетки из кармана и позвонила домой, надеясь, что найдет Мелиссу.

Ответил папа.

— Старбек? — сказал он. — Где ты?

Она не хотела рассказывать отцу о случившемся. Папа точно рассмеялся бы из-за всех этих психических штучек. Рассмеялся бы и приказал пойти домой.

— Я, кхм, пойду на джиу-джитсу, — быстро сказала она и поняла, что это не было ложью. Все ее занятия — джиу-джитсу и йога — были отмечены в календаре на стене на кухне. Порой она ходила на занятие в полшестого, порой в полвосьмого.

— Лучше было пойти на занятие раньше, — сказал отец.

— Да, но раз нас отпустили раньше, я зашла в библиотеку. Хотела написать сочинения по английскому заранее.

— Ладно, — такие аргументы с папой всегда работали.

— Мелиssa дома? — спросила Dana. — Я хотела, эм, спросить ее насчет задания.

Это было ложью, и папа это понял.

— Ты хочешь, чтобы Мелиssa помогла тебе с домашним заданием?

Dana нужно было думать быстро.

— Нужно сочинить стихотворение на английский.

— О, — сказал папа. Поэзия, музыка и рисование всегда удавались Мелиссе лучше, чем Dana. Она была похожа на маму. Художественное в ней было сильнее, чем то, что папа называл «практическим» — математика, история, науки и спорт.

— Твоя сестра, — сказал папа, — дома у подруги. Эйлин Миндер-как-то-там.

— Миндерьян. Мелиssa у Эйлин дома?

— Так она сказала. Лучше бы ей там и быть.

Dana пришлось улыбнуться. Мелиssa была у Эйлин в одном случае на десять триллионов. Скорее всего, Эйлин дома не было, а вот Дейв был. Dana это отцу не рассказала.

— Хорошо, я позвоню ей туда.

— Если будешь звонить, — сказал папа, — напомни ей, что вам обеим нужно быть дома полдесятого, а не в девять тридцать один. Ясно?

— Да, да, капитан Ахав.

Пауза, а потом папа сказал мягче:

— Осторожнее там.

— Как всегда, — сказала она.

Это была откровенная ложь.

— Я люблю тебя Старбек, — сказал он, удивив ее. Папа редко говорил такое. Она не успела ответить, разговор прервался.

Она прислонилась к стеклянной стене кабинки, чувствуя себя потерянной, словно ее как-то все бросили. Конечно, это было не так, но ощущение было таким сильным и настойчивым, что Dana зашторила окна, чтобы не быть открытой в стеклянной кабинке.

Эта мысль была неуместной. Она была мишенью в аквариуме, и она понимала, что безопасность была очень относительной. Это в любой миг могло нарушиться. Эта мысль не успокаивала. Она выглянула на темнеющую улицу, на проезжающие машины и редких прохожих, но никого не узнавала. Сначала. А потом увидела, как Анджело вышел из

переулка возле «Вне пределов». Он был в темной кофте с капюшоном, в которой он чуть не сливался с тьмой. Он оглядел улицу, явно кого-то разыскивая. Дана потянула дверь внутрь, чтобы край двери перестал нажимать на кнопку света. В кабинке стало темно за миг до того, как Анджело огляделся. Он взглянул на кабинку, замер на миг, а потом пошел. Он надел капюшон, сунул руки в карманы и поспешил прочь от места, где дрожала Дана.

Она задержалась в темноте, смотрела, как его фигура пропадает в ночи.

«Почему я спряталась от него?».

«Почему я боюсь его?».

Вопросы пылали в ее голове, но она не пыталась отвечать. Не здесь, одна в темноте, растерянная и все еще потрясенная из-за произошедшего в комнате Луча. Из-за слов Коринды.

Она бросила мелочь в щель и набрала номер. Пять гудков, и ответил Этан.

– Мне нужно тебя увидеть, – сказала она, едва дыша.

– Ого, погоди, ты в порядке? Что-то не так?

– Все не так, – сказала Дана, но вдохнула. – Я могу прийти? Мне нужно обсудить кое-что с тем, кто поймет.

– Что поймет?

Хороший вопрос, и Дана не сразу придумала, как на него ответить.

– Дело, – сказала она, наконец. – У меня больше информации, но я не знаю, правда это или нет. Я вообще больше не знаю, что реально. В голове все так запуталось.

– Как запуталось? – спросил Этан.

– Я расскажу, когда увидимся. Все расскажу. Я могу прийти?

– Когда?

– Сейчас.

Этан замер и понизил голос.

– Думаю, дядя Фрэнк принес дело Тодда Харриса домой. Я видел, как он доставал большую папку на стол, она выглядела толще. Но мой дядя еще дома. Он должен был пойти на работу сегодня, но сказал, что плохо себя чувствует. Но потом поспал, сказал, что ему лучше, и собрался пойти. Он сказал, что, наверное, перебрал с пряной едой вчера в закусочной. Но еще час он будет дома. Я приготовлю ужин. Он хочет овсянкой успокоить желудок. Можешь потом подойти? К восьми?

Дана обдумала это. Она хотела уйти домой и спрятаться под одеялами в комнате, но она боялась, что скажут родители, особенно, если ее зрачки все еще огромные после того, что случилось с Лучом. Ей не нужно было, чтобы родители подумали, что она принимала наркотики. Если бы. Но дети в Крейгере так погибали, и она не сможет убедить родителей, что это эффект после медитации и астральной проекции. Да, это она объяснить не сможет. Она не знала, верила ли себе сама.

Но, если она не пойдет домой, времени было еще много. Она посмотрела в сторону додзё.

– Хорошо, – сказала она. – Я схожу на занятие, но у меня комендантский час, так что я надолго остаться не смогу.

– Ладно, – Этан обрадовался. – И, Дана...?

– Да?

– Будь осторожна, ладно? – он сделал паузу и добавил. – Я только нашел тебя. Я не хочу тебя терять.

Дана долго думала, как ответить. Этан повесил трубку.

Она стояла в темной кабинке и смотрела на телефон.

И улыбалась.

ГЛАВА 52

Додзё «Какусарета Тайо»

19:35

Дана опоздала на занятие, но тут же приступила к разминке. Порядок приседаний, наклонов и выпадов помогали успокоить нервы. И она теперь могла в этом винить быстрое биение сердца и пот. А потом они приступили к тренировке. Ученики стояли рядами, все были в белоснежных ги и цветных поясах, сенсей Мию Сато и ее помощник Сатуро были еще и в черных хакама, традиционных штанах самурая. Сатуро считал на японском, ученики двигались, отрабатывая позы, углы и повороты, а сенсей Мию ходила и рассматривала их критическим взглядом.

Потом все разбились на пары для учихоми, отработки нападения на пассивном противнике. Учеников сегодня было нечетное количество, и Dana, к ее недовольству, оказалась в паре с Сатуро. Упражнения всегда начинались медленно, чтобы ученики проверили, правильно ли двигаются. Они начали с тсукури, подготовке к броску, повторили двадцать раз. Потом на большой скорости выполнялся бросок.

Для хорошего броска требовалось многое, включая перехват атаки противника, достижение лучшего угла, нарушения равновесия, толчка ногой, бедром или плечом. А еще нужно было набрать силу в скорости, а потом бросить, после этого надавить, довершая удар. По слова сенсея, нужно было повторить каждую технику десять тысяч раз, чтобы овладеть ими. В джиу–джитсу были сотни техник. Dana не собиралась в ближайшее время становиться мастером.

Но механический подход к упражнениям успокоил ее. В джуджутсу не было ничего мистического. Была лишь физика и физиология, действие и эффект, логика и техника. Она была далеко не лучшей ученицей в классе, но учились быстро, и ей нравилось разбирать каждое движение, чтобы понять, как они работают. Рычаги, углы, баланс. Все было четким, занятие уводило ее подальше от бесформенных мест ее разума.

Когда они закончили с этим, сенсей Мию приказала всем сесть, скрестив ноги, по краю большого пространства, устланного матом, в центре комнаты.

— Знаю, это вы не любите, — сказала сенсей, — но рандори — важный элемент развития самозащиты.

Некоторые застонали, Dana подавила свое недовольство. Рандори была свободной тренировкой, где один атаковал, другой защищался, но не знал, что грядет атака. Dana была не против играть роль укэ, нападать, хотя это означало, что ее могут перебросить и захватить. Но так все было под контролем. Ей не нравилось быть тори, защищающимся, потому что тогда она должна была отбиваться, бросать и хватать. Она неплохо сражалась против учеников ее уровня, но все шло не так хорошо, когда она была в паре с Сатуро. Она еще ни разу не справилась с его молниеносными атаками. Сатуро был беспощадным. Он не давал передохнуть. Его философия была простой: «Не хочешь падать, сражайся лучше».

Легко говорить, но он был с черным поясом, Сатуро был демоном, которого они боялись.

— Dana, Сатуро, — сказала сенсей Мию, — вы начнете.

Сатуро улыбнулся. Dana сжалась.

Они прошли в центр мата, поклонились друг другу. Dana была младше, первой была укэ, она начала ударять, хватать и давить. Каждый раз Сатуро становился размытым, и она летела по воздуху и падала на мат. Снова и снова.

Она не знала, что за техники он на ней использовал. Она видела его улыбку, как кривились другие ученики, а потом мат встречал ее на скорости тридцати миль в час.

— Матэ! — крикнула сенсей Мию. Стоп. — Меняйтесь.

Dana встала на ноги, поклонилась сенсeю, поклонилась Сатуро, а потом заняла стойку, широко расставив ноги, согнув колени, вес переместился на носки, ладони были

раскрыты и подняты, чуть развернуты наружу. Она теперь была тори, ей нужно было управлять столкновением, отражать атаки. Сатуро играл роль укэ, начал кружить, как делал, когда они тренировались с ножом. Он любил кружить, это путало противника, было сложно предсказать угол и момент атаки. Когда он бросился на нее, он был быстрее, чем было возможно, он ударял ее по колену, сердцу, носу, ударял ее со скоростью хлыста.

Он ударил пять раз, получил пять очков.

Шесть.

Семь.

Дана запаниковала. Ее голова все еще не восстановилась, ее подташнивало, словно бой проходил на палубе корабля, качающегося на волнах. Она отшатнулась несколько раз, один раз упала на попу, чуть не упала на летящий кулак. Сатуро не сжался, он двигался быстрее, не ранил ее, но доводил до предела способностей, показывал ей, как она уязвима. Он не давал ей остановиться, перевести дыхание, сменить стойку. Она хотела бежать, прятаться, плакать.

И тут что-то случилось.

Вдруг мир пошатнулся, полетел не в ту сторону. Она не видела, как Сатуро бежит на нее с ударом с разворота, а видела себя, стоящую на пути удара. Она словно на миг шагнула в разум Сатуро, увидела то, что видел он, даже его мысли.

«Спугнуть красный с волос этой дурочки».

Так думал Сатуро, бросаясь на нее, но удар прошел не так. Он вдруг замедлился, двигался по воздуху вяло, словно он двигался по горло в воде. Он двигался, и Дана знала, что все дело в этом изменении, и она была в сфере замедленного времени.

А потом она вернулась в тело, удар летел к ней. Все еще медленно, словно время принадлежало ей, и она могла им распоряжаться. Гнев забурлил в ее груди, а потом вспыхнул в ее руках и ногах, пылая, как реактивные двигатели. Она бросилась вперед, шагнула в широкую дугу удара, сократила расстояние, и это аннулировало силу атаки. Ее руки двигались, ударили его по бедру, животу и по лицу. Она видела, как кровь летит маленьными рубинами, она видела, как его глаза расширяются от шока и боли. Издалека донесся звук, искаженный вопль приказа и предупреждения, сенсей Мию командовала ей остановиться.

А потом с внезапностью взрыва вернулось настоящее время. Бам. Все сразу.

Сатуро отлетел назад, его руки зажали нос, крик вырвался из его горла, он упал сильно и плохо. Сенсей Мию схватила Дану за плечо и оттащила назад, развернула и оттолкнула от упавшего Сатуро. Она кричала на нее. Злилась. И тоже боялась.

Дана отшатнулась на пару шагов, едва пришла в себя на краю мата. Она повернулась и увидела, как сенсей склонилась над Сатуро, говорила с ним с натянутым спокойствием, убрала его руки, чтобы оценить ущерб.

Даже с пятнадцати футов было видно Дане и всем, что нос Сатуро был страшно сломан. Всюду была кровь, в его глазах стояли слезы.

Дана сказала:

– О, боже, простите.

Она шагнула вперед, но сенсей зашипела на нее:

– Сядь.

Все смотрели на нее. Потрясенные глаза, раскрытые рты. Сомнение и тревога, даже страх.

– Простите, – снова сказала Дана. Она поклонилась Сатуро и снова и снова повторяла извинения.

Наконец, Сатуро смог сесть. Кровь лилась по его подбородку на грудь, пачкала белую ги темно-красным. Он смотрел на нее глазами, полными боли.

Но он сказал:

– Хорошо.

Только это.

Она снова поклонилась.

Он кивнул. Только это и смог.

Она развернулась и побежала в раздевалку, переоделась как можно быстрее, а потом поспешила из додзё, чтобы они не увидели, что она плачет.

– Dana, – позвала сенсей, – погоди...

Она не ждала. Она бежала.

ГЛАВА 53

Дом Хейлов

20:47

– Ой, – сказал Этан, открыв дверь, – выглядишь ужасно.

Дана прошла мимо него в дом.

– Твой дядя еще не вернулся? Он не придет раньше, потому что ему стало плохо?

– Нет, все в порядке, – сказал Этан, закрывая дверь.

Дана посмотрела на него.

– Запрись.

– Что? Почему? У него есть ключ.

– Нет. Просто… запри дверь, ладно?

Этан так и сделал, а потом замер и задвинул засов.

– Спасибо, – сказала она, стало легче.

Она прошла за ним на кухню, где он налил им шоколадного молока из бутылки. Он вручил ей стакан.

– Тетя Луиза всегда говорила, что шоколад лучше всего защищает от нервов, а тебе шоколада явно надо много.

Он улыбнулся, в этот раз в глазах тоже была улыбка. А потом он нахмурился.

– Наркотики, – сказал он.

– Нет, – рявкнула Dana. – Я их не принимала, – она увидела сомнение на его лице.

– Тогда что такое? – спросил он. – Ты больна? Цвет лица плохой, глаза странные.

Красные, налитые кровью, и зрачки огромные.

– Сколько раз мне говорить? – прорычала Dana. – Это. Не. Наркотики.

– Ладно, ладно, не отрывай мне голову. Я друг, помнишь?

Dana отвернулась к окну кухни, где была черная ночь.

– День был плохой, понятно?

– Нет, – сказал он. – Не понятно. Расскажи мне, в чем дело.

Он отвел ее в маленький кабинет, они сели на мягкие кресла, стаканы поставили на колени. Этан закрыл дверь комнаты, и впервые за день Dana ощутила себя в безопасности. В относительной безопасности

Этан был в черной футболке и джинсах, от этого казался старше. Сильнее. Крепче, что было важно, потому что весь день, казалось, был сшит из полупрозрачных обрывков. Всеказалось нереальным.

Dana пила шоколадное молоко, а потом опустила стакан и протянула руку. Через миг колебаний Этан обхватил ее ладонь. Его пальцы были теплыми и настоящими.

Она рассказала ему все, что случилось. Ушло много времени, он не отпускал ее руку.

ГЛАВА 54
Улица Сикаморы
20:59

Однокая фигура стояла, сунув руки в карманы, во тьме под тяжелыми ветвями кленового дерева.

Улица была пустой, лишь желтый пес ходил от газона к газону, замирая, чтобы оставить послание друзьям. Когда пес дошел до клена, он застыл, потом попятился медленно, рыча. Фигура под деревом молчала, не двигалась, лишь ждала, пока собака развернется и убежит.

Тучи над головой закрывали звезды, усиливая тьму.

Свет горел в каждом доме улицы Сикаморы. Из нескольких доносился приглушенный шум телевизора. В доме напротив большого клена свет горел в окне на первом этаже. В это окно фигура смотрела темными напряженными глазами. Он видел силуэты двух подростков – высокого парня и низкой девочки.

Подул холодный ветер, фигура поежилась, но не ушла. Он едва двигался, лишь медленно сжимал и разжимал складной нож в кармане.

ГЛАВА 55
Дом Хейлов
21:35

Ей нужно было уходить домой ко времени, когда Дана закончила свою историю. Они с Этаном сидели в тишине почти пять минут, каждый обдумывал детали. Пока он думал, Dana прошла на кухню, чтобы позвонить домой и извиниться, что опаздывает, но ответила Мелисса.

– Эй, хорошо, что ты позвонила сообщить нам, что ты не мертва.
– Не смешно. День был очень—очень странным. Я расскажу, когда доберусь домой.
– Где ты? – спросила Мелисса.
– У Этана, и...
– О—о—о, неплохо.
– Все не так, Мисси, и ты это знаешь, – сказала Dana.
– К сожалению, да. Сложно быть сестрой Чистой и Невинной Danы.
– О, молчи и прикрой меня, Мисси. Скажи маме, что я еще в додзе, например.
– Так поздно?
– Скажи, что это связано с древними самураями, и я буду дома к десяти. Нет, к половине одиннадцатого. Сенсей меня подвезет.

Мелисса фыркнула.

– О, да, это звучит убедительно.
– Эй, я тебя уже прикрывала.
– Точно, – сказала Мелисса.
– Ты лучшая.

Мелисса выдержала паузу.

– Будь осторожна, Dana, – сказала она. – И я не про Этана.
– Знаю, – сказала Dana и повесила трубку.

Когда она вернулась, Этан сидел с папкой дяди Фрэнка, и Dana видела, что папка стала толще, чем была. Она смотрела, как Этан срисовывает положение резинок, а потом осторожно снимает их по одной. Он опустил папку на диван.

– Там материалы про Тодда? – спросила она, сев рядом с ним.
– Да. И это довольно жутко, – сказал Этан.
– После сегодня, – сказала она, – я все перенесу.

Это было ложью, они оба знали это, но им хватило ума не упоминать это.

Dana открыла папку и посмотрела, что сделали с Тоддом Харрисом.

Было плохо, как она и представляла. И странно. Его машина была разбита, его выбросило из окна, но воротник его куртки зацепился о кусок смятой крыши. На фотографиях разбитая машина стояла на камнях у пологого склона холма, и Тодд висел, носки были в дюймах над землей. Это было жутко и напоминало фотографии преступников на виселицах.

Она закрыла глаза на миг, комната кружилась. Плохое самочувствие все еще было с ней, такой ужас не помогал.

– Ты в порядке? – спросил Этан.
– Нет, – сказала она.
– Я тоже.

Фотографий в деле Тодда было много. Машина съехала с холма, и следователям нужны были фотографии каждого обломка. Она просмотрела больше восьмидесяти фотографий, быстро пролистывая те, где были обломки фар или шин. Она остановилась на фотографии, изображавшей землю под ногами Тодда. Вспышка блестела на рассыпанных монетах, которые лежали среди сорняков. Фотограф сделал три снимка монет. Dana не знала, почему ее так привлекли эти изображения. Записка описывала монеты. Пятнадцать монет в пять центов, одиннадцать – в десять центов, три – в пятнадцать центов и один

серебряный доллар.

— Что такое? — спросил Этан, взглянув на заинтересовавшие ее фотографии.

— Думаю, ничего, — она вернула фотографию и просмотрела остальное дело. Она почти закрыла папку, но замерла, нахмурилась и вернулась к фотографиям обломков на месте преступления. Она склонилась, рассмотрела конкретный снимок, и ее кровь превратилась в лед. — Этан! Посмотри.

Он склонился ближе.

— Что?

Она отдала ему фотографию, где были осколки стекла, несколько кусков металла, часть оранжевого стекла фары, несколько монет на каменистой земле, над которым висело тело.

— Видишь, что они нашли на земле у его ног?

— Что?

— Монеты, — она постучала по фотографии.

Этан задумался.

— Да, немного монет высыпалось из его кармана.

— Нет, — возразила она. — Думаю, монеты там разложили.

— Что? Зачем?

— Сосчитай их.

— Хорошо. Пятнадцать по пять, одиннадцать по десять, три по пятнадцать и один серебряный доллар, — Этан быстро сложил их. — Три доллара и шесть центов? Три и шесть? Хочешь сказать, что это отсылка к Библии? Глава и абзац?

— Нет, — сказала она. — Пятнадцать, одиннадцать, три и один. Сложи их.

Он так и сделал.

— Тридцать монет.

Дана покачала головой.

— Нет, — сказала она. — Тридцать кусков серебра.

Он уставился на нее.

— Что...?

— Как умер Иуда? — спросила она.

Этан взял диаграмму ран Тодда Харриса и провел пальцем по линии на его горле.

— Иуда повесился, — прошептал он, зная это прекрасно. — Ох...

— Совпадает, — сказала Дана, закрыв папку. Этан забрал дело у нее, добавил к большой папке, вернул резинки и запер ящик.

Они сидели вместе, в этот раз Этан взял ее за руки. Его улыбка была нежной, он обхватил ее пальцы. Было время говорить и время молчать. Сейчас их окутала тишина. Они были за запертыми дверями, в безопасности, вместе, буря и тьма остались снаружи.

Она собралась уходить, и он сказал:

— Мне стоит проводить тебя домой.

— Нет, — быстро сказала Дана. — Это недалеко. Я справлюсь.

— Не знаю.

Она вспомнила Сатуро на полу додзё со сломанным носом. Она не ощущала гордость. Она чувствовала себя зверем. Но хотя бы крепким.

— Правда, — сказала она. — Я о себе позабочусь. И если я приду с парнем, папа убьет нас.

— Но он не разозлится, если ты придешь одна?

— Я скажу ему, что меня высадили за углом, — сказала она. — Правда, все хорошо.

У двери Этан сказал:

— Что нам со всем этим делать? С видениями и папкой? Мы думаем, что кто-то притворяется ангелом и убивает людей. Мы знаем, но не можем ничего доказать. Так что делать?

Дана прижалась плечом к дверной раме. Она все еще сжимала ладонь Этана, она

опустила на нее взгляд, на то, как переплелись их пальцы. Это было хорошо. Безопасно. И еще кое-что. Момент затянулся, Дане хотелось что-то сказать, как и Этану. Но они не знали, что.

Этан кивнул.

– А что насчет слов Коринды? Что ты думаешь?

– Я не знаю, что думать. Я не верю, что знаю кого-то такого.

– Они должны кое-что знать, – сказал он. – Они должны знать религию. Должны знать о машинах. Явно не просто подделать все случаи так хорошо, что копы считают их несчастными случаями.

– И он должен знать анатомию.

– Почему? – спросил Этан, а потом сказал. – О, точно. Чтобы раны выглядели так, словно появились случайно.

– Он умный, – сказала она.

– Он – животное.

– Да, – сказала Dana, – но звери бывают умными.

Этан посмотрел на ночь за ней.

– Точно не хочешь, чтобы я тебя проводил?

Она улыбнулась.

– Точно.

Не подумав, она поднялась на носочки и поцеловала его. Они этого не ожидали, но это случилось. Dana вдруг поняла, что делает, и тут же попятилась, потрясенная и ужасно смущенная, ладонь потянулась к ее губам.

– Этан, я... то есть... – начала она, но не успела договорить, он склонился и поцеловал ее.

Одна миллионная разума Danы хотела, чтобы она попятилась. Остальная часть склонилась к нему. Она не была экспертом в поцелуях, но была уверена, что этот поцелуй был хорошим, он длился долго.

Когда они отпрянули, они улыбнулись друг другу, словно мир был счастливым местом, и они не разбирались с убийством, заговорами и ужасом.

– Что ж, – едва дышала Dana, – думаю, мне пора.

– Ага, – сказал он.

Они стояли, неуверенные, смущенные. А потом снова поцеловались. И снова. Глаза Этана стали стеклянными, голова кружилась. Она рассмеялась. Внутри было тепло.

– Пока, – сказала она и ушла в ночь. Она оглянулась уже на улице, Этан стоял там, где она его оставила. Это тоже вызвало ее улыбку.

ГЛАВА 56
Дом Скалли
22:17

Свет на крыльце горел, она двигалась к нему, как заблудившийся корабль к маяку.

День от пугающего перешел к нереальному, а потом к разбитому, Дана не знала, ком была. Какой была. Оставив Этана, она радовалась три улицы, но потом вернулось головокружение, а потом и сомнения с разными страхами, которые не давали ей покоя в Крейгере. Эти страхи принесли с собой огромную и запутанную депрессию, давящую на ее плечи, делающую каждый шаг сложным, словно она брела в грязи. Все счастье утекло.

Ничто не казалось правильным. После переезда Дана словно потеряла связь со своей сущностью. Она привыкла к порядку. Получать хорошие оценки, всегда приходить вовремя, не слушать безумцев, ходить в церковь. Молиться. Все это.

Теперь у нее были странные сны, убийца, путешествия разума и избиения людей.

Она все еще была собой? Даной Кэтрин Скалли?

Или Луч был прав, и она становилась кем-то другим? Если так... что?

Свет на крыльце был теплым и безопасным. Она замерла, увидев сидящую там фигуру.

– Папа... – прошептала она.

Она стояла в сотне футов, в тени большого дерева напротив старой церкви. Папа был большим. Грузным, крупным, с бычьей шеей. Он выглядел и был крепким. Но теперь она видела его уязвимым. Папа сидел на крыльце, склонив голову над книгой. Он не был крепким. Не был капитаном Уильямом Скалли из военно-морского флота. Он был мужчиной средних лет весенним вечером. В мягкой фланелевой рубашке. Красно-черной, которую очень любил. Она была старая и поношенная, и Дана знала каждую дырку на рубашке, каждое зашитое место, она знала, что папа не позволит маме выкинуть эту рубашку. Только не эту. Она была знакомой, и он носил ее, когда хотел выбраться из кожи работы и ответственности. Он был в этой рубашке во многих лучших воспоминаниях Даны. Путешествия семьей. День, когда папа научил ее ездить на велосипеде, когда он отвел ее в магазин мороженого у старого отеля в Коронадо, когда она сломала руку, упав с дерева. Он был в ней в день, когда Чарли принесли из больницы крохой. Он был в ней в ночь, когда они начали читать «Моби Дика» вместе, когда Дане было девять.

Эта рубашка.

Папа.

Она стояла там, уткнула лицо в ладони и заплакала.

– Дана...? – сказал голос. Папа. Она посмотрела сквозь пальцы и увидела, как он спускается с крыльца. – Дана, это ты? – прорычал он. – Мелиssa сказала, что ты на занятии, но ты серьезно опоздала, юная леди. Уже за десять. Чем ты думала? С происшествиями в городе нам нужно поговорить о твоем здравом смысле.

Она хотела убежать прочь. Но Дана побежала к нему, добралась до дома, и ее папа спустился с крыльца, раскинул руки и поймал ее. Он замер на миг, а потом прижал ее к себе, обнимал сильными руками, целовал ее волосы, а она прижалась к нему и постоянно рыдала.

– Папочка... о, папуля...

Уильям Скалли крепко обнял дочь, словно был якорем, удерживающим ее в мире. Он уже не ругал ее, не спрашивал, что случилось. Он не портил момент вопросами. Они придут позже. Он обнимал ее и прошептал ее особое имя.

– Старбек, – сказал он, его голос был сдавленным от слез

* * *

Позже они сидели на крыльце. Она была в свитере, ее голова лежала на его груди. Тишина была их другом, они были ей рады.

Шло время, и ее отец заговорил.

– Ты же знаешь, что все можешь мне рассказать, – мягко сказал он.

Она молчала.

– Это мальчик?

– Что? Нет.

– Школа?

– Нет.

Он молчал мгновение.

– Дана, это из–за погибших детей? – она молчала, отец тяжко вздохнул. – Знаю, тебе было сложно, когда учитель умер в Сан–Диего.

Дана отогнала воспоминание.

– Это было печально, но это… – это другое.

– Я не позволю ничему случиться с тобой, – сказал он.

– Знаю.

Во дворе играл мелодию одинокий сверчок. Вдруг зазвучал второй. Они словно соревновались, но потом заиграли хором. Это было мило. Это вернуло один шуруп в машину мира.

– Ахав? – сказала она.

– Что такое, Старбек?

– Знаю, поздно, но мы можем немного почтить? Мы давно так не делали.

Ее грудь сдавило, словно просьба причиняла боль ему. Но он сказал:

– Конечно. Идем. Книжка на кофейном столике.

Она ушла внутрь и принесла потрепанную копию «Моби Дика». Папа надел очки для чтения, открыл книгу на месте, где они остановились давным–давно. Они не в первый раз читали книгу. Они знали историю наизусть, но возвращались к ней не поэтому. Это соединяло их, и Dana порой задумывалась, была ли книга так важна для него, как для нее. В ее отце была печаль, которую она не понимала, и она подозревала, что его холод был защитным механизмом военного. Она знала, что в его груди билось сердце.

Она хотела найти ключ к нему. Она не знала, был ли он другим в море. Ей нравилось думать, что он любил рассекать волны, преследовать китов, ориентироваться по звездам, и хмурый он был, потому что был на суше, а не из–за семьи. Но она не спрашивала, потому что могла узнать правду, которая сильно ранила бы, потому что правда порой не радовала.

Они читали книгу, сверчки пели друг другу в траве, какое–то время тени держались в стороне.

ГЛАВА 57
Крейгер, Мэриленд
23:03

Ангел думал об агенте Герлаке и хозяевах Синдиката. Он думал о том, что они хотели от него, что им было нужно от него, что они думали о нем.

Они думали, что он безумен, что он неуправляем, что он опасен для их планов. Они работали, чтобы спасти мир. Может, некоторые из них в это верили. Герлак, похоже, верил. Но они зашли не туда. Они могли получить в Крейгере нужное оружие.

Возможно, но ангел не верил этому. О, он верил, что его помощь создаст оружие, даже сильное, но враг, с которым они сражались, был намного сильнее. Армия детей–медиумов их не остановит. Нет, ангел считал, что Синдикат проиграет планету.

Он – нет. У него была другая идея на будущее.

С григори и их детьми, нефилимами.

Как нарушители победят армию ангелов и великанов?

Он пытался объяснить это Герлаку, но разговор ни к чему не привел. Ангел видел сомнение, насмешку, страх в глазах агента.

Ангелу было жаль его.

Ему было жаль всех, кто не верил ему. Когда рисунок на стене будет окончен, когда кровь и волосы, жир и пот в нем станут порталом, неверующие будут гореть в том же огне, что и враги этого мира.

ГЛАВА 58
Дом Скалли
23:43

Дом был тихим, и сверчки снаружи затихли.

Уснуть не получалось. Дана зажгла благовония Луча и попыталась медитировать, но не смогла. Попробовала йогу, но и это не помогло. Она забралась в кровать и смотрела в потолок, пытаясь перейти от эмоций к логическому анализу. Эта идея была из Шерлока Холмса, но ей она нравилась, и она произнесла ее вслух, чтобы слова усилили правду. Это было из повести «Знак четырех».

– Отбросить все невозможное, и оставшееся будет ответом, каким бы невероятным он ни казался.

«Точно, – подумала она. – Но какой ответ?».

Она пыталась разобрать факты, которые знала, разделяя их на папки, как у дяди Фрэнка в ящике.

Первый пункт: в Крейгере, Мэриленд, произошло шесть смертей детей.

Второй пункт: все смерти выглядят так, словно произошла авария.

Третий пункт: жертвы не пили.

Четвертый пункт: у пятерых в крови есть некий 5-НТ2А. У дяди Фрэнка еще не было результатов Тодда Харриса, Дана не знала, было ли это вещество в его крови, но вероятность была.

Пятый пункт: ей снилась смерть Мейси Белл. Была ли она так чувствительна, как думали Коринда и Луч? Если да, почему она?

Шестой пункт: Коринда и Луч говорили, что ее дар можно было развить. Это было так? Если да, то хорошо это для нее или плохо? Сможет ли она и дальше жить с видениями? Она сомневалась. От одной мысли ее чуть не стошило.

Седьмой пункт: Луч и Коринда сказали, что убийца скрывал истинную сущность за изображением темного ангела. Кем он был?

Восьмой пункт: Мейси говорила что-то о Красной эре. Что за Красная эра? Это связь с религиозным культом? Раны кричали, что это правда, но как проверить?

Девятый пункт: ангел был мужчиной.

Дана задумалась. В ее снах он был мужчиной, как и в видениях, которые смотрели Коринда и Луч. Это означало, что он был мужчиной? Или она так думала из-за уровня жестокости? Могла ли женщина совершить эти преступления? Возможно. Сильная женщина. Мог ли ангел быть «ими», а не «им»? Могла это быть группа людей? Работающая вместе. Такое было возможно. Она видела документальный фильм, где два парня вместе убивали в 1920-х. Леопольд и Лёб. И там говорилось и о других парах убийц. Она вспоминала имена. Иен Брэди и Мира Хиндли, убивавшие детей в Англии в шестидесятых. И Чарльз Старквэзер и Кэрил Энн Фьюгейт, которые убивали в пятидесятых. Такое было возможно. Могло ли тут быть такое? Возможно, это было практически. Устраивать аварии, делать так, чтобы раны жертв совпадали со случаем, требовало плана, мышц и усилий. Мог ли это сделать один человек? Еще и за короткий период времени? Дане было сложно в это поверить.

Десятый пункт: Коринда сказала, что Дана знала убийцу. Что это значило? Это был кто-то из встреченных случайно? Из школы? Из других мест в Крейгере? Она встретила многих после переезда сюда, от почтальона до учителей в школе, но они могли разве быть психопатами-убийцами?

«Нет, – подумала она. – Не они».

Она продолжала перечислять пункты, но вскоре поняла, что они становятся вымученными, логика строится на предположениях, а это ее пapa не одобрял в составлении стратегий.

Больше фактов не было, и она стала задавать вопросы, хоть не знала ответов.

Вопросы были важны, ей так казалось. Вопросы давали выбрать направление и сосредоточиться.

Вопрос: Зачем кто-то убивал их?

Вопрос: Что общего было у жертв, кроме того, что это подростки из Крейгер?

Вопрос: Были ли замешаны наркотики?

Вопрос: Если это был кульпт, был ли он религиозным? (Была ли Красная эра какой-то религиозной отсылкой? К распятию или крови мучеников?).

Вопрос: кем был ангел?

Благовония успокаивали, как и обещал Луч. Она ощущала себя в безопасности и сонной. Она была на грани сна.

Вопрос: Я схожу с ума?

– Нет, – сказала она вслух, чтобы это было реальностью. – Нет. Я это не выдумываю. Это происходит. Это наяву. Истина где-то рядом. Я найду ее.

Она верила в это, но знала, что ей нужно понять, во что верить. Трюки медиумов были пугающими и странными, может, они были правдой. Она не могла так просто отмахнуться от них, потому что многое в ее видениях совпадало со случившимся. Так что силы были настоящими.

– И что? – спросила она у ночи. Это ни к чему не приводило. Она не могла доказать увиденное.

Дана долго думала об этом. Она не хотела быть девочкой с видениями. Ни за что. Ни сейчас, ни теперь. Пугающие и тревожные видения ей не помогли бы ей.

Что оставалось?

Этан. Он действовал научно. Собирал улики и анализировал. Это был ее путь?

Возможно. Но не совсем.

Это было ближе. Так было безопаснее.

Намного безопаснее.

Она встала и вышла в коридор, прислушалась, но ничего не уловила. А потом она подняла трубку и набрала номер Этана. После восьми гудков он ответил, было ясно, что она разбудила его.

– Алло...?

– Это я, – тихо сказала она.

– Ты в порядке? – спросил он, сон пропал из голоса.

– Да, – быстро сказала она. – Слушай... Я хочу увидеть Луча и Коринду завтра. Ты пойдешь со мной?

Он долго не отвечал.

– Ты этого хочешь?

– Да, – сказала она.

– Тогда ладно.

– Спасибо, – сказала Дана. – Правда... спасибо. Знаю, ты не думаешь, что это поможет, но я хочу, чтобы ты был там. Я много прошу?

– Дана... слушай, проси, о чем хочешь, и я это сделаю, – он сделал паузу. – Надеюсь, это не звучит банально.

– Нет, – сказала она. – Это мило.

Дом заскрипел, словно ворочался во сне.

– Увидимся завтра, – сказала Дана.

– Хорошо, – сказал Этан. – Сладких снов.

Это были его самые милые слова, и она ухватилась за них, как за талисман. Она забрала эти слова с собой в кровать, легла с ними, улыбаясь, на грани сна. Она скжала ладони и помолилась. Она просила подсказку. Просила защиту. Ее глаза закрылись, и Дана упала с края в колодец сна.

ГЛАВА 59
Комната наблюдения
23:57

— ...Истина где–то рядом. Я найду ее.

Агент Герлак сидел рядом с Дэнни и смотрел на девчонку Скалли на экране. Герлак коснулся кнопки перемотки, остановил ее и нажал на «play».

— Истина где–то рядом. Я найду ее.

Дэнни нервно посмотрел на него.

— Да, — сказал Герлак, отвечая на не озвученный вопрос. — Это будет проблемой для нас.

ГЛАВА 60
Дом Скали
5 апреля, 1: 22

Дана ощущала присутствие в комнате с ней, это вытащило ее из глубокого сна, в котором она стояла на крохотном острове с незнакомым мужчиной, их окружали тьма и туман. Где-то во тьме что-то большое и неправильное двигалось в водах.

А потом она проснулась, резко села, вернувшись в мир тьмы в ее комнате. Молния вспыхнула снаружи, показала фигуру у ее кровати. Тени ветвей отбрасывали на силуэт кривые полосы. Dana сжалась, крик поднимался к губам, но она сдержалась.

Она заговорила шепотом:

– Бабуля...?

Бабушка стояла там в бледнойочной рубашке, седые волосы были распущены, глаза казались черными от плохого света.

– Ангел ищет тебя, – сказала бабушка.

– Что?

– Все его мысли о тебе, – сказала бабушка. – Его разум – печь.

– Бабуля, откуда ты это знаешь?

Молния вспыхивала снова и снова, но грома не было. Мир был удивительно тихим.

– Слушай меня, девочка, – сказала бабушка. – Там паутина, слой на слое, тебе нужно быть осторожной. Искать, но знать, что правда вокруг тебя. Ее нужно видеть, знать о ней. Мало просто открыть глаза... Нужно развернуться и оглядеться. Правда может стоять за тобой.

– Не понимаю.

Еще одна вспышка молнии, и за ней в этот раз последовал оглушительный гром, который сотряс мир, и Dana вскрикнула. Было так громко и ярко, что она отвернулась, закрыв голову руками.

Она подняла голову, бабушка пропала. Комната была пустой, а дверь – запертой. Снаружи рассеялись тучи, разделились, и луна озарила апрельские деревья.

ГЛАВА 61
Комната наблюдения
2:08

— Агент Герлак! — крикнул Дэнни, страх в голосе юноши разбудил Герлака. Он вскочил с твердого дивана, где лежал до этого.

— Что такое?

— У нас проблемы, — Дэнни указал на один из экранов.

На экране номер одиннадцать худая девочка с оливковой кожей извивалась в кровати с такой силой, что они слышали, как скрипят пружины матраса, как гитарные струны. Кровать содрогалась, ножки поднимались по очереди, словно сильные ноги двигали ее. Герлак слышал стук кулаков, отчаянные крики родителей девочки, но шкаф отъехал и закрыл собой дверь. Лампа у кровати вспыхивала, пар поднимался изо рта девочки.

— Что он с ней делает? — осведомился Дэнни.

Герлак вытер холодный пот с лица.

— Ускоряет события, — сказал он, вспомнив визит Первого старейшины.

— Он убьет ее.

Герлак молчал.

Вдруг девочка с невероятной силой вылетела из кровати. Она рухнула на пол, корчилась, как червь на раскаленном асфальте летом. А потом она вскочила на ноги, пригнулась, как дикий зверь, глаза были безумными и хищными, она словно ничего не узнавала. А потом с воем дикой собаки девочка побежала к окну, пробила шторы и стекло и пропала в ночи. Через миг раздался тихий жуткий звук ее тела, ударившегося о газон двумя этажами ниже.

— Ах... блин, — сказал Дэнни. — Она выглядит плохо.

Герлак тихо выругался и потянулся к телефону, набрал номер и выждал три гудка.

— Шериф, — сказал он, — через пару минут вы получите звонок. Нет... в этот раз никто не умер. Пара сломанных костей, может, травма головы. Мария Санчез, одиннадцать лет. Она будет не в себе. Убедитесь, что за ней отправится тот, кто сможет закрыть ей рот. Специалист будет в больнице через пару часов. У него есть нужные бумаги. Мне нужно, чтобы он получал все, что нужно, и никто не мешал ему. Он будет следить за лечением. Верно. Спасибо, шериф. Как всегда, ожидайте конверт в бардачке машины.

Герлак опустил телефон и утомленно выдохнул. Дэнни улыбнулся с надеждой.

— Эй, — сказал младший агент, — он хотя бы никого не убил.

Герлак развернул пластинку жвачки.

— Еще не вечер, малец.

ГЛАВА 62

Высшая школа ФСК

12:18

Школа на следующий день была размыта. Дана была уверена, что ничего не выучила. Ее вызвали в лазарет для проверки. Лицо медсестры было деревянным, пока она завязывала жгут на руке Даны, протирала спиртом, пронзала кожу иглой и набирала кровь. Пять медсестер работало с ней волонтерами. Шесть учеников сразу. Помыть руки, повторить. В жуткой тишине. После этого она нашла Этана в столовой с остальными из клуба науки. Dana и Этан поведали им о последних открытиях.

Когда они закончили, Тиса Джонсон посмотрела на Этана, потом на Дану и сказала:

— Я читала о медиумах. В СССР много исследовали шпионов—медиумов. Моя тетя Салли работает на наше правительство. Отдел защиты, вроде, и мы поедем к ней домой в субботу. Я спрошу у нее.

Другие пообещали тоже поискать, но никто не знал что—нибудь нужное сразу.

— Мы пойдем к медиумам в «Вне пределов», — сказал Этан.

Тиса кивнула, Сильвия закатила глаза.

— Нужно точное расследование, а не выдумки.

— У нас есть только это, — сказал Этан. — И Dana говорит, что они свое дело знают.

— Попробовать стоит, — Джерри моргнул своими жабьими глазами.

Dana и Этан оказались за ее привычным столиком во «Вне пределов» через полчаса после уроков. Луч сидел напротив них, мешал чай, веки были опущены, а губы сжаты, он молчал. Он выслушал Дану и Этана, порой перебивая вопросами, а потом погрузился в долгую задумчивую тишину.

Этан сидел рядом с ней как каменная статуя, но Dana ерзала. Вокруг привычно шумела жизнь магазина, словно мир не стал темнее и непонятнее. За ширмой Dana слышала, как Коринда обслуживает посетителей кафе, болтает с ними и порой смеется. Словно жизнь была нормальной. Dana сжала руку Этана под столом, поддерживая его и держась за его руку, словно за жизнь.

Наконец, Луч отклонился и скрестил руки на столе.

— Плохо дело.

Dana и Этан молчали.

— Я увидел отрывки этого вчера, Dana, — продолжил Луч. — И я понимаю, почему у вас возникла эта теория.

— Это не просто теория, — начала она, но он поднял палец, и она замолчала.

— О, я тебе верю, — сказал он. — Все совпадает. Как бы жутко это ни было, все совпадает.

— Не знаю, радоваться или плакать, — призналась Dana.

— Тебе нужно, — сказал Луч, — быть очень—очень осторожной, потому что я считаю, что все больше, чем вы думаете.

— Что? — спросил Этан. — Больше, чем шесть подростков, убитых психопатом?

— Да, — Луч огляделся и понизил голос. — Если эти убийцы так слажено работают, какова вероятность, что ангел действует один?

— Я так и думала, — сказала Dana. — Их может быть двое. Как Леопольд и Лёб.

— Все возможно, — сказал Луч. — Это может быть один необычный человек и кто—то слабее у него в помощниках.

— В помощниках? — спросил Этан. — Кто бы стал помогать этому?

— Харизматичный человек часто может управлять другими. Спроси Чарльза Менсона. И я не удивлюсь такому.

Этан был не убежден.

— Это догадка или вывод из видения?

– Этан, – тихо сказала Дана.
Луч улыбнулся и отмахнулся.

– Не верить – нормально. Я всю жизнь вижу такую реакцию. Людям без способностей очень сложно принять, что такие силы у кого-то есть. Это понятно. Это страх, конечно, и нехватка понимания. И немного зависти. Не только у тебя, Этан, но у всех, кто в стороне. Это естественная реакция. Но позволь спросить: когда Дана сказала тебе, что видела Мейси Белл в школьной раздевалке, ты поверил ей?

Дана посмотрела на лицо Этана, увидела там ураган меняющихся выражений. Он взглянул ей в глаза, потом отвел взгляд. Это ранило, потому что она видела сомнения, видела его желание поверить, понимала, как странно это сочетается с наукой, которую он так любил. Она все еще держала его за руку, но теперь его пальцы были ледяными.

Наконец, Этан сказал:
– Я хочу верить.

Это Дана сказала сестре пару дней назад. Я хочу верить. Это притупило боль на миг, но это было далеко от слов «Я верю».

– Это уже что-то, – сказал Луч, чтобы сгладить момент. – Это знак открытого разума и, может, открытого сердца.

Этан кашлянул.

– Я не верю во многое, – сказал он. – Кто-то пытается имитировать религиозные смерти, но я не верю в бога.

– Я мог бы сказать что-то вроде «Бог не требует твою веру», – сказал Луч, – но сейчас не о том. Кто-то делает это, и этот человек верит. Это не отменяет того, как мы это видим, не мешает нам пытаться правильно ответить.

Этан обдумал это и кивнул.

– Я тоже не верю во многое, – призналась Дана. – Я всегда с этим боролась. Я хожу в церковь и верю в бога, но не знаю, верю ли во многое другое. Я не уверена, что могу верить в некоторые вещи, а в другие не хочется верить.

– Это признак здорового разума и здорового интеллекта, Дана, – сказал Луч. – Это часть эволюции личности, твоего перехода к новой ступени понимания. Сейчас ты видишь проблески того, какой станешь.

Этан посмотрел на свой стакан рутбира и промолчал.

Дана сказала:

– Что нам теперь делать?

– Нет, – сказал Луч. – Перед разговором об этом нам нужно вернуться к моим словам. Об осторожности.

– Мы осторожны.

– Нет, – сказал он, – это не так. Ты смотришь на свои видения, будто это картинки в экране телевизора. Это работает иначе. Может, это так, когда видения касаются обычных людей, но не когда ты связываешься с другим медиумом.

– О чём вы?

– Ты слышала о немецком философе Фридрихе Ницше?

– Я слышала это имя, – сказала она.

– Его часто цитируют писатели, политики и остальные. Цитата его может хорошо подойти к твоим видениям, и тебе стоит считать это строгим предупреждением. Она такова: «Если ты долго смотришь в бездну, бездна тоже смотрит в тебя». Ты понимаешь это?

Лицо Даны сковал лед.

– Боже...

– Что это значит? – осведомился Этан.

– Это значит, сынок, – сказал Луч, – что, пока Дана узнает об ангеле больше, он узнает и о ней.

– О, нет! – воскликнула Дана.

– Да. И, поскольку ангел, как я вижу, очень сильный медиум, он может многое о тебе знать, Дана. Может, и о тебе, Этан. Он явно знает, кто вы, ваши имена, вашу школу, может, ваши дома. Я не удивлюсь, если он уже планирует, как придет за тобой. Не ошибись, ему придется прийти за тобой, ведь ты для него опасна.

Казалось, в тишину погрузился весь магазин. Дана слышала только бешеное биение своего сердца.

Луч все еще улыбался.

– Я тебя перепугал, – сказал он, – так что я расскажу, как нам это исправить.

– А мы можем? – прохрипел Этан. – Разве уже не поздно?

– Есть другое выражение, которое мне нравится, – сказал Луч. – «Пока живу, надеюсь».

– Что мы можем сделать? – взмолилась Дана.

– Ты? Пока что ничего. Сидеть дома. Ни с кем не говорить об этом. Я хорошо известен в Крейгере. Даже был в программах. Все знают, какой я, как им кажется. Они знают, что я – известный медиум, – Луч пожал плечами. – Я даже помогал пару раз шерифу с поиском пропавших. И тела пропавших детей были найдены. Семьи могли хоть похоронить их. Это значит, что у меня есть связи с шерифом и полицией штата. Может, я тихо смогу поведать им об этом.

– Сможете?

Луч поджал губы, отодвинувшись.

– Мне нужно подумать, как лучше сделать это. Нужно сделать так, чтобы не раскрыть ваше участие.

Этан кивнул.

– О, пожалуйста, – сказала Дана.

– А пока что, – сказал Луч, – вам нужно перестать искать информацию. Не заглядывать в папки дяди Фрэнка. Ни с кем об этом не говорить. Дана, если будет новое видение, приди и поговори со мной. Я хочу, чтобы вы держались в стороне от этого.

– А ангел? – спросил Этан. – Если вы правы, и он знает о ней, как нам уберечь Дану?

Луч кивнул.

– Хороший вопрос. Дана, нужно быть осторожной. Больше не ходи ночью одна. Больше никаких занятий джуджутсу. Больше никаких поздних визитов. Не ходи в темноте. Одна не ходи. Ты сможешь?

Дана невольно посмотрела на Этана.

– Я...

– Дана? – сказал Луч с предупреждением в голосе. – Ты умная. Будь умной. А Этан будет джентльменом. Если Дана захочет тебя видеть, приди к ней домой. Не позволяй ейходить ночью одной.

Этан побледнел.

– Да, сэр.

Луч кивнул и протянул к ним руки. Они замешкались и обхватили его ладони. Его кожа была очень горячей.

– Мы справимся, – сказал Луч. – Обещаю. Дайте мне все исправить.

Тень упала на стол, пришла Коринда.

– О! Я не видела вас. Я так была занята, что вы прошмыгнули мимо. Все хорошо, Дана?

– Да, – сказала Дана, сжав руку Луча. – Похоже на то.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ КРАСНАЯ ЭРА

«Коварство демонов не сравнить с предательством ангела»
— Бренна Йофанофф

ГЛАВА 63 Крейгер, Мэриленд 17:11

Этан и Дана стояли на улице, держались за руки и дрожали. Они словно вибрировали.

— Это было... — начал Этан, но замолчал, не зная, как закончить.

— Странно? — предположила Дана.

— Больше. Странно, страшно, запутанно. У меня не хватит эпитетов.

— С Лучом немного сложно, да, — сказала она.

— Немного? — Этан покачал головой. — Ох и план у него. Уже хочу рассказать об этом ребятам из клуба науки.

— Ты смеешься над ним? — осведомилась Дана.

— Нет. Но если все про эту новую эру реально, то в этом должна быть хоть часть науки. Тиса, Джерри и Сильвия думают, что это все связано с медиумами. Должен признать, я все еще не определился, во что верю. Я доверяю тебе, Дана, но мне сложно все это принять. Я хочу поговорить с ребятами из клуба науки. Может, мы поймем, как связать это во что-то, что мы можем... не знаю... измерить? Изучить? Понять?

Дана молчала минуту.

— И все же, — сказала она, — лучше, когда Луч на нашей стороне.

Этан кивнул.

— Нам потребуется вся возможная помощь.

Они зашагали. Он жил ближе к главной улице, а ее дом был на относительно прямой линии в нескольких улицах за его домом. Солнце клонилось к закату, унося за собой тепло дня. Ветер пах морской водой. Деревья по бокам улицы были полны шумных птиц. Вороны и грачи заглушали всех, их черные крылья блестели, черные глаза были внимательными и настороже.

— Что теперь? — спросил Этан, они прошли пару переходов. — Мы будем делать вид, что не вовлечены в это?

— Так сказал Луч.

— И мы можем?

— А разве не можем? — парировала Дана.

Этан скривился.

— Но как мы можем? Мы часть этого. Это наше.

Она остановилась и повернулась к нему.

— Не в гордости дело, Этан.

— Я не это имел в виду.

— Тогда что?

Он долго не отвечал, и Дана уставилась на него.

— Ты серьезно? Ты хочешь присвоить себе открытие? — осведомилась она. — Это так, да? Все в твоем желании быть судмедэкспертом. Ты хочешь разгадать большое дело.

— Нет, — сказал он, но в его тоне не хватало нажима. — Мы разгадали это вместе.

— Мы? — парировала она. — Припоминаю, что это моя теория отсылок к религии помогла все понять.

Этан скривился.

– Теперь ты себе присваиваешь дело. Тогда не надо обвинять меня и говорить, что это все в моем желании быть судмедэкспертом, когда сама ведешь себя как великий детектив, раскрывший дело.

– Я его и раскрыла, – прокричала она.

– Потому что я показал тебе папки дел, Дана. Не забывай, что я рисковал с этим.

– Будто я не рискую всякий раз, когда закрываю глаза, – сказала Дана. – Будто я не рискую, выходя утром за дверь.

– Я не говорил, что это не так.

– О, – сказала она, – но ты рисковал больше, да?

– Я так тоже не говорил, – возразил Этан, его голос тоже стал выше. Птицы вопили на них с деревьев, но они не замечали. – Я хочу знать, почему нам стоит отгородиться от этого.

– Потому что нас могут посадить лет до восьмидесяти, – рявкнула она. – Ты сам так говорил. Ты думаешь, кто-то поверит в улики того, кто украл дела у своего дяди?

– Эй, я не воровал. Я вернул в таком же виде, в каком нашел.

– Будто кого-то будет интересовать эта разница.

– А тебя папа не накажет? – сказал Этан. – Насколько я слышал, он жестокий.

– Не смей говорить о моем отце.

– Я просто...

– Нет. Не говори о нем. И о моей семье вообще. Ты не знаешь ни его, ни нас.

– Дана, – сказал Этан, пытаясь отпрянуть, – я ничего плохого не имел в виду.

Она развернулась и пошла прочь.

– Эй! – завопил он и пошел за ней. – Тебе нельзя ходить одной.

Он догнал ее, она развернулась и ткнула его указательным пальцем в грудь.

– Назад! Мне не нужна твоя защита, Этан. Я могу позаботиться о себе сама, спасибо.

– Ты просто девочка, и... – начал он и замолчал.

Дана постаралась оказаться выше него, насколько позволял рост. Она сверлила его взглядом.

– Я просто девочка и *что*?

– Нет... нет, – пролепетал он. – Я не хотел...

– Хотел, – сказала она. Дана отпрянула, словно отошла от обрыва. – Да, ты хотел, – повторила она.

Развернулась и пошла прочь.

ГЛАВА 64
Высшая школа ФСК
17:32

Путь ее проходил мимо школы.

Там было тихо, окна были темными, парковка – пустой, все купалось в оранжевом свете фонарей. Дана прошла мимо, остановилась и пошла к рядам сидений, возвышающимся над футбольным полем. Она забралась на пятый ряд, так ей позволила энергия, а потом она рухнула на место и смотрела в никуда.

Она хотела кричать. Это было бы хорошо, но в маленьком городе для такого не было места. Она слишком боялась и злилась, чтобы кричать. И она сидела, стиснув зубы и скав кулаки.

Все в ее жизни было странным и запутанным, а теперь еще и с Этаном. Было больно, потому что Этан был для нее важен, а теперь он сделал это. Показал, что не отличался от других парней, мужчин. Она была девочкой, значит, была меньше. Это он пытался сказать, но не стал. Мир не был создан для девочек и женщин. Он был построен мужчинами, которые не хотели делиться. Ни властью, ни деньгами, ни преимуществом, ни чем–то еще. Она так злилась от этого. На дворе был 1979. Разве все не должно было уже решиться?

– *¿Qué pasa, mai?*

Она оторвала лицо от ладоней и увидела Анджело у первого ряда. Он был в одежде уборщика, на голове был повязан голубой платок.

– Уйди, – сказала она.

– Нет, – сказал он. – Не уйду.

– Я просто хочу побывать одна, ладно?

– Ладно, – сказал он, но не сдвинулся.

– Ты меня слышал?

– Да, – сказала Анджело, – слышал. Но ты сидишь тут одна и в темноте, словно хочешь кого–то задушить.

– Это не твое дело.

Он поставил ногу на сидение на первом ряду и оперся о колено руками, глядя на нее. Его руки были загорелыми, выделялись розовые шрамы и бледная полоска там, где он носил часы.

– Может, нет, чика, но я все равно здесь. Как и ты. Если что–то не так, я могу помочь.

– Не можешь.

Он улыбнулся.

– Откуда ты знаешь? Я умею выслушать.

– Ты парень, – сказала она.

– Так и было, когда я проверял в последний раз.

– Нет, спасибо.

– Ах, – сказал он. Выпрямился и поднялся по лестнице. Она напряглась, он сел в стороне от нее. – Не придумывай проблемы, чика. Я все время вижу тебя в «Вне пределов». Ты много говорила с *La Bruja*.

– С кем?

– С Кориндой. Ведьмой.

– Она не ведьма.

– Знаю, знаю. Она медиум. Я там работаю. Я знаю, – он покачал головой. – Она думает, что все знает, но она толком ничего не знает. Не так, как говорит. Она...

– Она мой друг.

Анджело вдохнул носом и медленно выдохнул.

– Ладно. Понял. Держу свое мнение при себе. Что мне знать, да? Я всего–то мескикашка, работающий на двух работах за гроши. Да кто я?

– Не говори так.

– Как?

– Это слово.

– Мексикашка? – Анджело фыркнул. – Меня и хуже называли. Все меня называют, как хотят. Ленивый, латинос, грязный, чужак, пришелец, вали отсюда.

– Я такого не говорила, – сказала Дана.

Он кивнул и выдавил тень улыбки.

– Ты вежливее многих.

– Я не отношусь предвзято.

– Все так относятся, – сказал он. – Не все признаются в этом.

– Это не так.

– Ты говорила мне уйти, потому что «я – парень».

– Это другое, – сказала она.

– Разве? Сегодня ты ненавидишь парней?

Дана молчала. Мимо медленно проехала черная машина, они повернулись в ее сторону.

– Вокруг так много котов, – сказал Анджело.

– Кого?

– Людей, – сказал он с улыбкой.

– Серьезнее.

– Люди в черном, – объяснил он. – Пугающие ребята в черных костюмах на черных машинах.

– Наверное, ищут наркоманов.

– Нет, – сказал он. – Это не так.

– Тогда кто они?

Он пожал плечами.

– *No lo sé*. Но их вокруг стало много.

Она вытерла нос и скомкала платок.

– Ты сменил тему.

Он снова пожал плечами.

– Тема была плохой. Мы говорили о том, что ты ненавидишь парней, а я – парень. Я не вижу в этом развития разговора.

– Какое тебе дело?

Анджело дернул нитку на колене рабочих брюк. Дана смотрела, как мышцы на его рук движутся под загорелой кожей. Она подумала о его шрамах. У Сатуро были шрамы, но не такие. И не на его...

Рука.

Дана вдруг услышала в голове голос Коринды.

«Я вижу нож. Он сверкает серебром. Щелкает. Не... охотничий нож. Меньше. Что-то складное. Я вижу серебряный нож в сильной руке. Вижу шрамы. На костяшке безымянного пальца. На боку ладони. Старая рана. Он... поранил ее... пока чинил машину. Ключ соскочил. Острый металл. Прошлый год? Да».

– Анджело? – сказала Дана тихим напряженным голосом.

– *Sí*?

– Шрамы на твоей руке. На костяшке безымянного пальца. Откуда они?

Он удивленно хмыкнул и посмотрел на свою руку.

– Эти? Пустяки. Чинил машину друга в прошлом году, ключ соскочил. Порезался о металл. Ты не поверишь, как сильно течет кровь из маленьких порезов. Я еще и руку порезал, видишь? – он закатал рукав, чтобы показать длинный шрам. Рана была плохой, пересекала маленькую круглую татуировку пополам.

Дана смотрела.

Там была татуировка затмения.

– Откуда у тебя это? – спросила она пустым голосом.

Анджело посмотрел на татуировку и быстро опустил рукав.

– Получил до случая в магазине. Больше года назад. А что?

Дана встала.

– Просто я вспомнила, – сказала она. – Мне пора домой.

– Эй, – он тоже встал. – Погоди... Что я сказал?

– Нет, все хорошо, – сказала она, схватив рюкзак и прижимая его к груди. – Мне пора идти. Папа ждет меня. Я опаздываю.

Она сбежала по ступенькам, понеслась по полю на дорогу, испуганно оглядываясь.

Анджело стоял на месте. Он смотрел на свою ладонь, а потом на нее. Он хмурился?

В его глазах вспыхнуло понимание? Dana не знала.

Она бежала изо всех сил.

ГЛАВА 65
Комната наблюдения
17:41

– Она знает.

Агент Герлак повернулся к ангелу.

– Что значит, знает? Что знает?

– Она видела мое лицо, – сказал ангел.

Они стояли в коридоре у ризницы в старой церкви. В открытую дверь Герлак видел странный рисунок, над которым ангел работал последний месяц. Это было отвратительно. Не по форме, потому что формы не наблюдалось, но из-за использованных ресурсов. Кровь, пот, слезы и волосы. Он знал, что некоторые любили собирать трофеи.

«Больной», – подумал он. Одно дело убивать, может, получать удовольствие от убийства. Герлак такого не ощущал, но мог понять. Он убивал людей с другим чувством удовлетворения. Не так. Это было за гранью. Это было извращено.

Герлаку хотелось бы застрелить ангела в голову и закопать тело там, где никто не найдет. Чисто и аккуратно.

Но он это сделать не мог. Первый старейшина и высшие чины Синдиката хотели работу ангела. Они позволили психопату играть, как он хочет, и Герлак не собирался дергать за поводок.

Иначе он бы действовал свободно.

– Погоди-ка, – прорычал Герлак. – Ты сказал, что они могут видеть только твоё лицо из сна. А теперь говоришь, что позволил ей увидеть свое настоящее лицо?

Сомнение, что было редко, мелькнуло на лице ангела.

Агент шагнул к убийце.

– Многое развалится, если ее придется убрать. Ты меня понимаешь?

Ангел молчал.

Герлак прижал ладонь за своим ухом.

– Прости, не слышу.

– Я понимаю все, что случается и должно случиться, – сказал ангел. – Я понимаю, что будет, когда откроется портал.

Герлак прошел мимо него в ризницу и остановился перед рисунком. Он достал две пластинки жвачки из пачки и долго жевал в тишине. Ангел встал рядом с ним.

– Вы не верите, да? – спросил он у агента.

Герлак жевал.

– Вы не знаете, кто я, – продолжил ангел, – так ведь?

Не поворачиваясь, агент сказал:

– Ты чудовище.

Ангел громко рассмеялся.

– Мы все чудовища. Вы не лучше меня. Может, хуже. Настоящая страшилка.

Агент Герлак жевал жвачку, разглядывал рисунок григори, как считал этот безумец, и молчал.

ГЛАВА 66
Крейгер, Мэриленд
17:45

Дана ощущала себя потерявшейся, хотя шла домой.

Дом мог лишь предоставить ей комнату, где можно было спрятаться и запереть дверь.

Анджело.

Анджело?

Мог ли он быть монстром?

Шрамы на руке Анджело совпадали со словами Коринды. Это значило, что он – ангел?

Мог ли он быть монстром?

Она не знала, как ответить, так что пыталась проверить, что знала об Анджело. У него был нож, это точно. Складной нож, и она видела, как он умело открывал его и вспарывал им ящики во «Вне пределов». Он знал машины и порой подрабатывал их починкой в магазине. Порой. Он работал в обеих старших школах, так что мог знать каждую жертву.

И его звали Анджело.

«Ангел» на испанском.

Все совпадало.

Все кусочки головоломки встали на место. Почти. Она не понимала, зачем он все это делал. Она не могла понять причину. Она не понимала, как он мог приходить к ней во снах. У него тоже были способности? Луч так думал. Он говорил, что ангел силен.

Значит, он смотрел в разум Даны, пока сидел рядом? Он знал, что она знала?

– О боже, – прошептала она и испуганно оглянулась.

И увидела его.

Его.

Анджело был вдали за ней, в рабочей одежде, но и кофте с капюшоном, который скрывал его лицо. Она знала, что это он. Его руки были в карманах. Он сжимал нож, готовый вытащить его? Готовый...

– Нет! – она закричала, развернулась и побежала.

– Погоди, – крикнул Анджело. – Я хочу поговорить.

Дана бросилась вперед. Ее дом был в шести кварталах, за углом. Около десяти миль. Далеко. Слишком далеко. Рюкзак был по спине с каждым шагом, но она не хотела тратить секунды, чтобы сбросить его.

Она не знала никого в этом квартале, все дома казались темными и тихими. Анджело за ней перешел на бег.

Дана побежала изо всех сил. За ней было слышно топот рабочей обуви Анджело.

«Беги–беги–беги!» – кричала она в голове.

Шаги настигали ее, но она не осмеливалась оглядываться.

Дана бросилась во двор большого дома в форме А, побежала зигзагами между брошенных велосипедов, перепрыгнула мяч, повернула влево и побежала по переулку между домом и соседским забором, протиснулась между качелями на новой игровой площадке, открыла калитку, помчалась по заднему двору. Маленькая собака зло залаяла на нее, но она не слушала. Большая собака, хаски, бросилась на нее и укусила бы, если бы хватило цепи. Зубы сомкнулись в пяти дюймах от ее бедра. Dana покинула двор на еще большей скорости и миновала еще два двора, а потом вернулась по переулку на улицу и отскочила, когда машина появилась из ниоткуда, заскрипела тормозами, гудя. Водитель, старик в клетчатом костюме, нажал на тормоза, машина остановилась в десяти дюймах от нее. Он вылез в окно и закричал на нее.

– Помогите, – взмолилась она. – Он гонится за мной!

Водитель был удивлен, зол и растерян. Он повернулся туда, куда показывала Дана.
Улица была пустой.

Анджело не было видно. Вообще.

— Очень смешно, — прорычал старик. — Почему бы тебе не пойти домой и не подрасти?

Он завел машину и сорвался с места так сильно, что оставил пять футов следов за собой.

Дана стояла, задыхаясь, истекая потом. Глаза были огромными, рот открывался и закрывался, как у рыбы на сушке. Она увидела треснувшую ветку ивы в дюжине футов от нее, поспешила туда и подхватила ветку, отломила ее. Она все еще была зеленой, могла сломаться при недавней буре. Dana сорвала листья и подняла прут. Он был длиной в двадцать дюймов, толстый как кий. Отломанный конец был неровным, но зеленое деревцо не было таким же острым, как нож. И все же она была уверена, что, если Анджело бросится на нее, с ножом или без, она сможет хоть немного навредить. Она использовала деревянные мечи и посохи в джиу-джитсу, с оружием было безопаснее.

Всего на 10 процентов безопаснее, но, если было только это, она была рада этому.

Сжав оружие, она пошла к своей улице. Солнце опустилось за деревья, тени накатывали на нее темной волной. До дома оставалось несколько улиц. Dana остановилась на углу и оглянулась.

— Нет, — вслух сказала она.

Может, Анджело услышал ее. Может, нет. Но слово придало ей сил. Немного, но и это ее радовало.

Она развернулась и побежала по улице к своему дому.

ГЛАВА 67
313 Сендуайпер Лейн
18:01

Ночь с ней еще не покончила.

Дана все еще была в двух улицах от дома, когда увидела девушку в пятидесяти ярдах впереди. Девушка выглядела знакомо. Она была темнокожей, красивой и худой. Ее кольца—серьги покачивались, пока она шла, и блестели в свете фонаря, как и металлы кулона, висящего на серебряной цепочке. Девушка была в школьной куртке, но не сине—белых цветов ФСК. Dana не сразу узнала куртку, а потом поняла, кто эта девушка.

– Нет... – выдохнула Dana, застыв. – Нет... это невозможно.

Цвета на куртке были зелено—желтыми, они принадлежали школе на окраине. Оук Волли. И это была Конни Лукас.

Dana была в этом уверена, хотя видела лицо Конни только на фотографиях с места ее убийства.

Страх приковал Дану к месту, но имя всплыло, как вопрос.

– Конни...?

Девушка замерла, посмотрела на Дану и улыбнулась. Улыбка была понимающей и печальной, это разбило сердце Danы.

Без слов Конни Лукас пошла по улице на дорожку и к деревянному крыльцу дома, где не горели огни. Это был ее дом? Нет, этого не могло быть. Если Конни жила бы в Крейгерсе, она пошла бы в ФСК. Она должна была жить с другой стороны от окраины. Так чей это дом? Dana не знала, но Конни вошла без колебаний, и Dana заметила, что дверь была открыта. Она ускорила шаги, остановилась на улице с палкой в руке. Дверь была открыта, а за ней была черная пустота.

– Конни? – снова позвала она.

Тишина.

Dana стояла там, пытаясь вспомнить, могла ли она уже быть дома и видеть это во сне. Или это были галлюцинации в комнате Lucha? Было ли это на самом деле? Было ли хоть что—то настоящим, или ее разум разбрался на кусочки, которые не могли соединиться.

И... откуда она могла быть уверена в своих ответах? Хоть когда—то? Это пугало. Она как потерялась в море, и суза все больше казалась ей лишь выдумкой, а не воспоминанием.

Dana сделала пару неуверенных шагов ко двору, но все еще не видела, что внутри. Дом оставался темным. То была Конни Лукас? Если нет, почему девушка, живущая здесь, выключила свет?

«Развернись и уйди, – сказал голос в голове. Логичное я. – Это неправильно. Держись в стороне».

Dana пошла по дорожке.

– Конни, все в порядке?

«Беги. Там может быть Анджело».

Dana покачала головой, словно споря с собой. Анджело не мог обогнать ее. Никак. И у нее была палка, она не собиралась заходить туда.

Так она говорила себе, но поднимала ногу на первую ступеньку крыльца.

«Ты даже не знала эту девушку».

Она не знала и Мэйси, но ей снилась она, а потом она говорила с Даной. Так что Dana медленно поднялась по трем ступенькам.

– Конни? Что происходит? Ты пытаешься мне что—то сказать?

Она была на крыльце. У открытой двери.

Изнутри дул ветерок. Холодный и затхлый, словно порыв воздуха из ящика с мясом. И запах тоже был. Мясной. Но не живой плоти, а старой, безжизненной. Хранившейся тут.

Мысли сталкивались в голове, ломали мебель, терзали ее смелость.

«Беги, пока он не увидел тебя».

Внутренний голос уже умолял, и Дана ощущала его, словно близнец стояла рядом и шептала на ухо. Она знала, что стоит развернуться и уйти. В ее поступке не было смысла. Никакого. Ни логики, ни плана, ни преимущества. Это было неправильно во всем. Она это знала. Но предательские ноги двигались вперед. Она словно шла во сне. Логика спящего разума видела все, записывала действия, но тело двигалось по своей воле, словно выполняя движения, выученные на подсознательном уровне.

На миг Дана подумала, что спит. Было ли это наяву? Хоть что-то из этого? Она вообще ходила во «Вне пределов» с Этаном? Встречала Анджело на футбольном поле? Ее преследовали? Было ли это возможно в ее жизни? Может, все это было затянувшимся сном, кошмаром. Говорили, сны короткие, даже если ощущались настоящими. Было ли все об ангеле, Мейси, Коринде и прочем лишь сложной выдумкой, играющей в ее голове во время весенней бури за окном.

Пол под ее ногами казался слишком мягким, словно она не стояла на нем всем весом. Это было не совсем так, как во время астральной проекции с Лучом, но не было настоящим. Она почти парила. Она вдохнула, и запах мяса принес с собой запах благовоний из комнаты Луча.

И тогда Дана решила, что это не сон во сне.

Это все еще было духовное путешествие с Лучом.

Она испугалась, но потом успокоилась. Это стало понятным. Это была часть прогулок вне тела.

– Луч? – прошептала она. Голос разнесся эхом, словно она кричала в большом пустом помещении. – Помоги.

– Он не может тебе помочь, – сказал голос. Он был мужским и звучал за ней. Дана закричала и вздрогнула, развернулась, выронила рюкзак и вскинула руки, готовясь к борьбе.

За ней стоял не Анджело. Это был азиатский мальчик, а рядом с ним – девочка с каштановыми волосами и ореховыми глазами. Как и Конни, они были в куртках Оук Волли.

Как Конни, их Дана видела только на фотографиях.

Джеффри Ватанабэ и Дженифер Хоффер.

Мертвые подростки.

Стояли за ней.

Дана услышала шорох подошвы и развернулась снова, теперь она увидела других призраков. Конни стояла у дальней стены, а с ней два мальчика. Чак Райли и Тодд Харрис.

И кто-то вышел из соседней комнаты. Еще одна девушка.

Мейси.

Дана была окружена мертвыми.

ГЛАВА 68
313 Сендуайпер Лейн
18:09

Они стояли и смотрели на нее, их глаза были полны теней, рты печально улыбались.

– Нет, – выдохнула Дана. – Прошу... нет...

Конни подняла руку и коснулась кулона. Диск черного оникса, окруженный красно-золотыми языками пламени. Знак полного затмения. Мейси была с таким же кулоном. У Дженифер были такие серьги.

Чак, Джейфри и Тодд сняли куртки, закатали рукава и показали татуировки.

Затмение.

У всех из них.

– Вижу, – сказала Дана. – Что... что это значит?

– Красная эра близко.

Это сказала Мейси. Потом все хором. Они говорили идеальным хором.

– Я не знаю, что это значит, – завопила Дана.

Мейси подняла руки, как делала в раздевалке. И ярко-красная кровь полилась из ее головы, бока, запястий и лодыжек.

– Он пробудится, – сказала она одна. – Он пробудится, и мир падет.

– Кто?

– Они думают, что могут управлять им, – сказала Мейси.

– Он думает, что управляет собой, – сказала Конни.

– Тьма сильнее ангела, – сказал Чак.

Их голоса были как у подростков, но слова – нет. Они словно извратили литаний в кошмарной церкви.

А потом Конни указала на Дану.

– Он идет за тобой, Дана.

Дана отпрянула и чуть не упала.

– Ч–что?

– Он идет за тобой, – сказал Тодд, – и мы сделаем тебя его.

– Его голосом, – сказала Дженифер.

– Его сообщником, – сказал Джейфри.

– Его апостолом, – сказали они.

Дана искала выход, но дверь пропала из виду, стала лишь пятном в форме двери на стене. Окна тоже таяли, но немного света фонарей еще проникало сюда.

– Он заберет остальных, – сказала Конни.

– Мальчик скоро умрет, – сказал Чак.

– Девочка умрет первой, – сказал Джейфри.

– А потом ты присоединишься к нам в мире теней, – сказали призраки вместе.

Между Конни и Чаком была узкая брешь, и она побежала туда, решив броиться в окно. Она пригнулась и пробила стекло, но звук был не от стекла. Оно разбилось со звуком дюжин колокольчиков ветра, звон и звук пустого бамбука, все гремело, словно дул порыв холодного ветра. Дана сжалась и перекатилась на крыльце, а потом ее тело вдруг поднялось и полетело, словно кто–то поймал ее и выбросил. Она упала на траву, клацнув зубами, перекатилась и остановилась в вихре боли и вспышек.

Она застонала и попыталась встать, ей нужно было бежать отсюда.

Но телоказалось сломанным, и Дана рухнула на землю.

Входная дверь снова была дверью.

Окно не было разбито.

Ночь уже не задерживала дыхание. Зашумели осторожно сверчки, деревья шуршали, тихо каркала нервная ворона.

Дана очень медленно села и посмотрела на руки и ноги, ожидая на них ленты крови

от стекла.

Ничего. Ни крови, ни боли. Ничего. Ее одежда не была изорвана или в крови. Все было в порядке. Ее разум ощущался как хрупкий чайник на столе, который разбился на кусочки.

А потом она увидела палку, которую хотела использовать как оружие против Анджело. Двадцатидюймовый прут зеленого дерева, толстый с одной стороны и тонкий с другой, был прислонен к перилам крыльца. Ее рюкзак стоял рядом, замки были застегнуты.

Кто поставил туда эти вещи?

Дана сказала:

— Что?

Но ночь не раскрывала секреты. Dana посмотрела на дом. Четко было видно номер дома, 313, и это была улица Сэндпейпер Лейн.

Кто жил здесь?

Это был дом Мейси?

Dana подняла палку и повернулась по кругу. Двор был пустым, как и улица. Она схватила рюкзак, надела его, крепко сжала палку и побежала домой. Там она взбежала по ступенькам и заперлась в комнате.

ГЛАВА 69
Дом Скалли
19:37

Когда в дверь постучали, Дана не ответила. Сперва. Она села на краю кровати подальше от двери, сжимая в руках нож для писем, колени были подтянуты к груди. Она сидела так уже полчаса.

Еще стук.

А потом:

– Эй, впусти меня.

Мелисса.

Дана медленно встала и прошла по комнате. У петель дверь была брешь в четверть дюйма, она криво висела, и Дана выглянула туда, увидела рыжие волосы, склонила голову и выдохнула. А потом опустила нож для писем, открыла дверь и втащила Мелиссу.

– Ай! Что с тобой? – завопила Мелисса, высвободив руку и потирая ее. – Я едва видела тебя два дня, а теперь ты мне руку отрываешь. Что такое?

Дана заперла дверь, а потом подперла ее стулом. Мелисса смотрела на это и разглядывала Дану. Она хмурилась.

– Ладно, – сказала она. – Что случилось? Что происходит?

– Многое, – сказала Дана и вернулась к краю кровати.

Мелисса села рядом.

– Расскажи мне.

Дана описала все сестре в подробностях, насколько помнила. Раны апостолов, предупреждение Коринды, поход с Этаном к Лучу, клуб науки, погоню Анджело, призраков. Все.

– Хорошо, – сказала Мелисса, – запугать ты меня смогла.

– Кто бы говорил. Они сказали: «Скоро умрет мальчик», «Девочка умрет первой», а потом, что я умру.

– Что ж, если он идет за тобой, – глаза Мелиссы опасно блестели, – то ему придется справиться с парой рыжеволосых ведьм, Скалли так просто в плен не взять.

Дана кивнула и попыталась улыбнуться, но не ощущала уверенности Мелиссы.

– Да... но какие девочка и мальчик?

– Может, Этан? – сказала Мелисса, и у Даны чуть не остановилось сердце.

– А если ты права? – завопила она. – Может, ангел знает, что Этан работает со мной, и нападет на нас!

– Он испугается, если ты расскажешь ему то, что поведала мне о том доме?

– Возможно. Кто бы не... Хотя он в это даже не верит.

– Его проблемы. Его дядя – детектив в отделении шерифа, да? Даже если он не верит, его стоит предупредить. Может, дядя обеспечит защиту, – Мелисса задумчиво поджалла губы. – А девочка? Вряд ли это я, ведь они сказали бы: «Он придет за твоей сестрой», да? – она посмотрела на Дану. – Дом был настоящим или как во сне?

– Настоящий, думаю. Адрес был Сэндпейпер Лейн, дом 313.

Мелисса напряглась.

– Думаю, я...

Она замолчала, вскочила на ноги, убрала стул с пути и поспешила к телефону в коридоре. Она звонила, а Дана подошла и слушала.

– Дейв? – спросила Мелисса, когда ей ответили. – Позови сестру. Это серьезно. Хорошо. О, привет, Эйлин... Ты знаешь Карен Алленби? Да, кузину Мейси. Знаешь? Хорошо. Они живут на Сэндпейпер? Какой адрес? Так я и думала. А телефон? – она щелкнула пальцами, Дана побежала и принесла блокнот и ручку. Мелисса записала номер.

– Спасибо, – сказала она и повесила трубку. Дана пытаясь задать вопрос, но Мелисса принялась звонить снова. Ответили на четвертом гудке. – Здравствуйте, миссис Алленби.

Это Мелисса Скалли из школы. Карен дома? О, да, мне так жаль вашу племянницу... Да она нам всем нравилась. Нет, не думаю, что шериф прав. Мейси наркотики принимать не стала бы. Она была хорошей. Да. Хорошо, я подожду.

– Что ты делаешь? – прошептала Дана.

Мелисса прикрыла трубку.

– Карен Алленби – кузина Мейси, помнишь? Ее ты встречала в школе и рассказывала мне. Это Карен. Она живет в том доме. Думаю, призраки пытаются предупредить тебя, что Карен – следующая жертва. Ее мама сказала мне, что она смотрела телевизор в гостиной. О, погоди, – она убрала руку с трубки. – Привет, Карен, это Мелисса. Скалли. Да, из класса математики. Точно. Слушай, будет звучать странно, но ты знаешь мою сестру Дану, да? Угу. Бешеную. Точно. Ты знаешь, что она думала, как увидела Мейси в раздевалке? Да, ты говорила с ней об этом. Дана шла домой и ощутила кое-что насчет тебя. Она увидела кого-то в твоем дворе. Может, это и ничего, но лучше будь осторожна.

Пауза, она слушала. А потом скривилась.

– Да, я серьезно. Дана кое-что ощущала. Что такого странного? Ты вроде верила ей в школе... Эй, следи за языком, ладно? Это моя сестра. Дана хотела помочь. Не хочешь, твои проблемы. Уж прости, что хотела помочь тебе выжить. Да, и тебе.

Мелисса шумно опустила трубку, сказала недовольно несколько некрасивых слов. А потом пожала плечами и рассмеялась.

– Некоторых не переубедить, знаешь?

Дана сказала:

– Она тебе не поверила?

– Не знаю. Карен тоже немного странная. Я порой вижу ее во «Вне пределов». Она ходит на йогу и некоторые занятия Луча, а еще даже вилась вокруг Анджело пару раз, – она смотрела на телефон. – Думаешь, стоило рассказать ей о нем? О его татуировке?

– Я...

Мелисса подняла телефон и снова позвонила. Карен вернулась к разговору, и Мелисса сказала:

– Эй, прости, я не хотела тебя напугать. Но все это происходит... Да, все хорошо? Вот так. Я хотела кое-что обсудить. Дослушай, ладно? Да? Хорошо, – Мелисса рассказала об Анджело, преследовавшем Дану, о татуировке затмения, связанную с кулонами или татуировками других жертв. Мелисса вдруг скривилась и отодвинула трубку от уха.

– Что случилось? – спросила Дана.

– Она бросила трубку. Громко. Может, и телефон так сломала.

Они ушли в комнату Даны и сели на пол, прислонив спины к кровати. Стол был у двери. Мелисса посмотрела на лицо Даны.

– Что?

– Этану должно быть стыдно, – сказала Мелисса. – Не думала, что он красивый гад.

Грудь Даны сдавило. Она так злилась на Этана, но хотела поговорить с ним. Она не хотела говорить об этом с Мелиссой, так что сменила тему.

– А если я видела видение того, что будет? Не этой ночью, но вскоре. Если ангел нападет на Карен, разве я не должна сделать что-нибудь, что бы ни случилось с Этаном или со мной?

Они сидели и слушали, как снаружи ветер шуршит деревьями.

– Даже не знаю, что сказать, – сказала Мелисса.

– Нужно что-то делать, – настаивала Дана.

Внизу хлопнула дверь, так папа приходил домой.

Мелисса улыбнулась.

– Думаю, пора рассказать ему.

ГЛАВА 70

Дом Скалли

20:22

Они сидели с родителями за столом на кухне. Чарли был во дворе, прогонял духов, которые, как сказала ему бабушка, там прятались. Телевизор шумел в гостиной, но никто его не смотрел.

Мама заварила чай и достала печенье. Никто не трогал еду, кроме папы, медленно жующего инжир, пока слушал. Он не перебивал, и это Дана посчитала хорошим знаком.

Мелиssa только соглашалась со словами Даны.

В рассказе Дана выделяла важные места и мало говорила о видениях.

Она описала сон о Мейси, встречу в раздевалке, раны как у Иисуса. Потом папку с делами и раны апостолов, перечисленные в отчетах о вскрытии, но скрытые среди повреждений от аварий. Она достала копии, сделанные в библиотеке, и указала на совпадающие раны.

А потом она показала им набросок символа затмения, который был в уликах и отчетах.

Родители сидели смирно и без эмоций, как каменные головы на острове Пасхи. Дана взглянула на Мелиссу, сестра слабо улыбнулась.

Дана начала описывать отчеты токсикологии, где отрицалось, что жертвы пили, но что-то другое было в их крови. Вещество, которое она так и не узнала.

Никакой реакции за столом.

Она рассказала им о Луче, но не упомянула астральную проекцию. Она сказала, что он хотел поговорить с шерифом, но еще этого не сделал. Дана настаивала, что нельзя ждать, это нужно сделать сейчас.

Никакой реакции.

Дана вернулась к символу затмения, приближаясь к части про Анджело Луца. Она рассказала о шрамах на его руке, которые Коринда увидела заранее.

Она рассказала, что ее преследовали. И мама впервые отреагировала. Она потянулась к руке Даны, но папа остановил ее взмахом руки. Мама отдернула руку, но Дана видела, как она замкнулась с болю в глазах.

Когда она закончила, Дана рассказала больше, чем хотела. Ее душа была обнажена, она понимала, как странно это звучало. Возраст в пятнадцать лет не помогал.

Когда она закончила, мама смотрела на сестер, потом это сделал папа. Она все время молчала.

Папа дожевал печенье, сделал большой глоток холодного чая, опустил чашку и скрестил руки на столе.

– Что ж, – спокойно сказал он, – вот это история.

Кухня была тихо, было слышно, как Чарли спрашивает бабушку о духах деревьев и смех из телевизора.

– Нужно звонить шерифу, – сказала Мелиssa. – Нельзя терять ни минуты.

– Верно, – согласилась Дана. – Что-то плохое могло случиться с Этаном или Карен.

– Что-то плохое могло случиться с Даной, – сказала Мелиssa, от этого глаз мамы задергался.

– Нужно, чтобы они схватили Анджело.

– Хватит, – сказал папа очень тихо.

– Но мы... – начала Дана, но отец встал и ударил ладонью по столу так громко, словно выстрелил пистолет. Все сжалась, чашки подпрыгнули, одна пролилась.

– Я сказал: хватит! – проревел папа. Его лицо пыпало красным огнем, он стоял там, тело дрожало.

– Билл, – начала мама, но он посмотрел на нее так напряженно, что она вздрогнула, словно он поднял на нее руку.

Папа указал на девочек, сначала на Дану, потом на Мелиссу, пронзая воздух пальцем.

— Я достаточно бреда выслушал. Кем вы себя возомнили? За кого меня принимаете? Вы пришли сюда и рассказываете мне это? Как взломала чужой стол и читала конфиденциальные бумаги? Ты врешь о мертвых девушках? Вы делали что-то с теми хиппи и извращенцами в том магазине? Хотите, чтобы я поверил, что какой-то мальчик тебя преследовал? Да как я могу? Что нынче с детьми? Возомнили себя умными, но те, кто поверят вашей лжи, просто дураки. Как вы посмели? Вы обе... как посмели? Где вам разум? Где смысл? И где уважение?

Слова были по Дане и Мелиссе, как пушечные ядра, они вжались в стулья, слова жалили кожу, болели, как удары. Дане собрала всю смелость, чтобы заговорить. Ее голос словно убежал от страха, оставив лишь тишину. Но она попыталась защититься.

— Ты должен нам поверить, папочка, — сказала она.

— Я не должен верить твоим словам, Дана. Я в ярости. Вы обе меня разочаровали.

— Билл, — мама встала. — Ты их пугаешь.

Она повернулся к ней.

— Пугаю их? Я боюсь за них. Я должен доверять своим детям, а они делают в ответ вот так? Бросают это мне в лицо? Я унижен.

— Пап, прошу, — начала Мелисса, но он зарычал на нее.

— Я ожидал этот бред от тебя, Мелисса. Ты с рождения не стояла на земле твердо.

Мелисса сжалась, слезы текли из ее глаз, Дане знала, что он ранил ее ужасно, пробил ее сердце. Но папа направил яд на нее.

— А ты, Дана, — его лицо стало багровым. — Я надеялся на тебя. Ты пыталась действовать правильно. Делать домашнее задание, вести себя примерно. И теперь это? Ты даже хуже.

— Пап...

— Кем вы себя возомнили? Расследовать преступление? Вас этому не учили. Есть люди, которых обучали, чья работа ловить преступников, и им не нужна помощь маленьких девочек.

Это заявление давило на нее, гасило ее.

— Мне стыдно из-за тебя, Дана, — папа отвернулся. — Мне стыдно из-за вас обеих.

Последовавшая тишина была ужасно тяжелой. Мама сидела, замкнувшись, как часто бывало, слезы были в глазах, но не проливались. Мелисса открыто плакала, ее тело дрожало, словно ее ударили током много раз. Дане не знала, что чувствовала, но ей не хватало воздуха в комнате.

— Вы под домашним арестом, — сказал папа. — Не знаю, на какой срок. Я запер бы вас в комнатах, если бы мог. Можете попрощаться со своими друзьями в школе и глупым магазином астрологии. Никаких телефонов, телевизора, радио и гостей. Никаких мальчиков. В понедельник вы идете к доктору Кингстону, психиатру, на обследование. Может, это истерика из-за смертей. Может, от этого есть таблетки.

Он резко развернулся и увидел бабушку на пороге. Она холодно улыбалась, глаза не были стеклянными.

— Ты кричишь, Билли, — сказала она.

— Мама, — папа понизил тон, — это личное дело. Смотри телевизор.

— Я знаю, что это, Билли. Твои призраки пришли за тобой.

Папа побелел, повернулся к жене.

— Скажи своей матери идти отсюда. Сейчас же.

Бабушка повернулась к Мелиссе и Дане.

— Вам стоит посмотреть телевизор. Кое-кто известный вам говорит то, что вы хотите услышать.

Они не успели понять, о чем она, Дане услышала, как кто-то говорит тоном, каким отвечают в интервью. Голос был очень знакомым.

— …эти убийства не случайны, — сказала Коринда Хоуэлл. — Мертвые дети говорили со мной в видениях.

Дана сорвалась с места. Мелисса замешкалась на миг, а потом последовала за ней, миновав папу и бабушку. На большом экране телевизора в гостиной Коринда стояла перед «Вне пределов», к ней тянулись дюжина микрофонов, слова «СРОЧНЫЕ НОВОСТИ» мелькали в нижней части экрана. Она была накрашена, в красивом платье из батика и с бирюзовыми украшениями.

— Первой заговорила Мейси Белл, — сказала Коринда. — Она пришла ко мне во сне и сказала, что ее убили.

Вопросы сыпались, и Коринда отвечала на них, описывала, как начала получать видения об убийствах и увидела лицо убийцы в разуме.

— Сначала он скрывался, — объясняла Коринда, — за изображением ангела, григори, а потом нефилима, потомка ангела и человеческой женщины из древнего Ханаана. И я поняла, что это часть его обмана, что так он видел себя. Психи так делают. Я смогла со временем пробить его защиту и снять маску. Я увидела его лицо. Тогда я сразу пошла в отделение шерифа, чтобы помешать этому безумцу и дальше вредить красивым детям нашего общества.

— Она делает это, — прошептала Мелисса, схватив Дану за руку, — делает за тебя... все это.

— И я решила проследить, как еще религиозная мания убийцы проявилась в его преступлениях, — продолжала Коринда. — Мейси Белл появилась в видении девочки из ее школы, и я тут же поняла, что она получила раны Иисуса, убийца пытался изобразить стигматы. Я проверила другие смерти, я сказала отделению шерифа искать раны, похожие на смерти апостолов, особенно Иакова Старшего, Иакова Младшего, святого Петра, Фомы неверующего и даже Иуды.

Репортаж прервался, показали студию.

— Мы услышим больше от Коринды Хоуэлл, владелицы «Вне пределов» на шоссе 302А, главной улицы Крейгера. Мисс Хоуэлл — профессиональный медиум, она связалась с властями, чтобы помочь им расследовать трагические смерти подростков. Это произошло, — сказал ведущий, повернулся и принял листок бумаги. — Источники в отделе шерифа Крейгера сказали, что будет задержан подозреваемый, Анджело Луц, девятнадцатилетний латиноамериканец. Луц разыскивается из-за связи со смертями тех шестерых подростков.

— О боже... — прошептала Дана.

ГЛАВА 71
Дом Скалли
6 апреля, 12:18

Мелисса пробралась в комнату Даны после полуночи. Она закрыла дверь, забралась в кровать Даны, к ней под одеяло, натянула его им на головы, как они делали в детстве. В доме было тихо, папа перестал кричать, а вопил он долго. Он прогнал сестер в их комнаты и рычал, что их ждет наказание. Мама пыталась вмешаться, но это перешло в спор в их спальне, гул заполнял дом не меньше сорока минут.

Дана и Мелисса лежали на одной подушке, лица разделяли дюймы, они тихо говорили в темноте.

– Зачем она сделала это? – спросила Дана. – Зачем Коринда сделала это?

– Что? – спросила Мелисса.

– Так сопрала.

Мелисса покачала головой.

– Ты это так увидела? Я – нет. Думаю, она поступило умно и храбро.

Дана приподнялась на локте.

– Храбро? Умно? Как?

– Она перенесла все на себя, защищая тебя.

– Она все присвоила себе. Луч собирался пойти к шерифу. Она украла у него идею.

– Это смешно. И какая разница, кто рассказал это копам? Мы хотели, чтобы это случилось, – настаивала Мелисса. – Какая разница, кто поговорил с шерифом? Тебе все и не принадлежало бы, Дана. Это настоящий мир. Луч сделал бы это так же, и ты осталась бы в стороне.

– Луч сделал бы это без репортеров в центре внимания. Коринда поступила дешево. Заставила смотреть на нее. И всю похвалу забрала себе.

– Похвалу? О чём ты?

– Коринда сделала вид, будто она разгадала дело, – сказала Дана, ударив кулаком по матрасу.

– А ты успела стать копом? Не хочу тебя расстраивать, сестренка, но тебе пятнадцать. Ты не из полиции, не из ФБР, ты не Шерлок Холмс.

– Но я многое разгадала.

– Да, но кто бы тебе поверил у копов? Никто. И все считали бы тебя странной девочкой, видящей мертвых. И кто еще это увидел бы? Убийца.

– Анджело уже знает, что я знаю. Он меня преследовал, помнишь?

– Да, но он не знает, что еще ты знаешь. Коринда сделала себя мишенью вместо тебя. Как сделал бы Луч. Или она умнее, раз не стала дожидаться тихого разговора с шерифом. Она вышла и все рассказала. И на тебя уже не светит прожектор. Почему ты не понимаешь? Коринда сделала это, чтобы защитить тебя.

– Я думаю, она сделала это, чтобы выставить себя лучше.

Мелисса тоже приподнялась на локте.

– Ты не в себе, Дана. Коринда так никогда бы не сделала. Она выше этого. Она помогает людям.

– Разве?

– Конечно. И у нее невероятный дар. Ты видела сама. Она читает правду из головы. Она ведь знала, ты сама понимаешь. Знала о твоих видениях, о том, что случилось в школе, про дела в папке, про все это.

– Она не знала, что случилось в доме Карен. То есть... видение, где я была с теми, кого убили. Коринда не говорила это в новостях, – сказала Дана, – и это меня раздражает.

Мелиса посмотрела на нее, как на сумасшедшую.

– Как раздражает?

– Не знаю... но если она такая, как говорит, почему не знала об этом?

– Никто не знает всего, Дана. Но Коринда знала об этом многое. Она знала об Анджело.

Дана обмякла.

– Наверное.

Они лежали в тишине, слушали двух сверчков, поющих в траве.

– Но Анджело пугает, – сказала Мелисса после паузы, – ведь мы знаем убийцу. Мы общались с ним.

– Знаю, – сказала Дана. – И мне сложно поверить, что это он.

– Почему? Я слышала, что он часто дрался, у него есть нож. Он преследовал тебя, Дана. И эти шрамы на его руке совпадают с видением Коринды. И татуировка затмения.

– Да, но в моих снах ангел говорил не как Анджело. Он больше напоминал учителя в колледже. Он многое знает.

– Не все видения совпадают во всем с реальностью, – сказала Мелисса.

– Очередная мудрость Коринды?

– Да, не говори о ней грубо. Я все еще считаю, что она поступила правильно, и, может, потому ты еще не в тюрьме. И не в психиатрической больнице.

– Спасибо, – едко сказала Дана. – Это все так неправильно. Коринда не должна была забирать все себе...

Мелисса издала звук отвращения и встала.

– Что с тобой? Почему тебя это так бесит? Ты так забилась в себя, что даже не видишь, как кто-то пытается тебе помочь. Коринда лучшая, и ты плохо о ней относишься.

Дана тоже встала.

– Почему ты ее защищаешь, Мисси?

– Потому что моя безумная сестра нападает на нее, – прорычала Мелисса. Дана не успела ответить, Мелисса направила на нее палец. – Ты возомнила себя особенной из-за этих видений, Дана, у тебя есть дар, но не только у тебя, у некоторых дар даже лучше, а ты пытаешься отгородиться от нее. Будь у меня такой дар, я не вела бы себя так завистливо. Я бы помогала людям, как Коринда. Боже! Порой я даже не верю, что мы родственники.

И она умчалась из комнаты.

ГЛАВА 72
Дом Скалли
6:17

Папа проснулся и ушел раньше, чем Дана пришла на пустую кухню. У нее не было аппетита, она налила себе чашку чая.

А потом увидела две вещи, оставленные для нее на столе.

Первой была записка, сделанная сильной рукой отца.

«Иди домой сразу после школы».

Она вздохнула и посмотрела на газету, поверх которой лежала записка. Там была фотография и заголовок, превративший ее в кусок льда.

Заголовок гласил:

**«ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ МЕДИУМА ПРИВЕЛО К РАСКРЫТИЮ УБИЙСТВ
ПОДРОСТКОВ»**

На фотографии два детектива шерифа, белый мужчина и темнокожая женщина, тащили скованного наручниками и окровавленного Анджело Луца. Женщина была Норой Симпсон, а ее напарником был Фрэнк Хейл. Дядя Фрэнк!

Мелисса вошла, увидела Дану и развернулась без слов.

Дана села на стул и прочитала статью. Там много цитировалась Коринда, описывались подробности погони и поимки Анджело. По фотографиям было ясно, что Анджело так легко не дался. Его бровь была рассечена, кровь текла по лицу. Хотя фотография была черно–белой, Дана могла четко представить цвет.

Она пыталась понять, почему так злится, что все это донесла до полиции Коринда, хотя Луч собирался сделать то же самое. Потому что Коринда сделала это шумно? А если Мелисса была права, и Коринда сделала так, чтобы отвлечь все возможное внимание от Данны, чтобы защитить ее? Она не знала. Но Дану ощущала, что это не все, и она не могла понять, что ее так злит.

– Что я упускаю? – спросила она у пустой кухни. Это ощущалось важным, но она не знала, где искать ответ. Часы громко тикали, мир отклонялся, казалось, от безопасности своих петель.

ГЛАВА 73

Высшая школа ФСК

7:39

Поход в школу был плохой идеей.

Дана поняла это, как только добралась до большого здания. Все смотрели на нее. Никто ей ничего не говорил, но несколько раз она видела, как девочки склонялись друг к другу и что–то говорили, но она не слышала. Зато она слышала смех. Они знали, что ее Коринда упомянула в новостях.

Офицер Дрисколл, ответственный за проверку учеников на наркотики, холодно посмотрел на нее с подозрением. Нет, было больше. Он смотрел на нее так, как на арестованного.

В классе учитель не посмотрел на нее даже во время переклички. Никто не сел с ней.

Она читала о таком. Пария. Так описывали изгоя, так она себя ощущала, хоть и не понимала, почему. Это была не ее вина. Она ничего плохого не делала.

«Потому что им нужно кого–то ненавидеть, – говорила она себе. – Ненавидеть странного сложно».

Почему тогда ее терзала совесть?

В конце классного часа дверь открылась, и офицер поманил учителя. Они посмотрели на Дану. Учитель напрягся, а потом кивнул.

– Мисс Скалли, – сказал учитель, – пройдите в коридор.

Все в классе посмотрели на нее. Некоторые кивали, словно понимали происходящее, словно сами догадались. Некоторые улыбались ей, пока она собирала вещи и шла мимо рядов парт. Но улыбки не были поддерживающими, милыми.

В коридоре офицер забрал у нее рюкзак, грубо сорвав с плеч.

– Кабинет директора, – сказал он. – Сейчас же.

Учитель ушел в класс и закрыл дверь.

– Что происходит? – спросила Dana.

– Вам лучше всего, мисс, – сказал офицер, – держать рот на замке.

Он шагал рядом с ней до кабинета, и Dana там тут же поняла, что утро стало хуже. Там был папа, его лицо было красным, как и прошлой ночью. Мистер Штернхольц стоял за столом, его лицо было холодной маской. Школьная медсестра тоже была там, а еще два детектива из газеты. Нора Симпсон и Фрэнк Хейл. Она вздрогнула, боясь того, что увидит в глазах дяди Фрэнка. Он знал про Этана и папку? Они собрались из–за этого? Ее кровь леденела.

– Папа, – начала Dana, шагнула к нему, но отец отпрянул от нее.

– Сядь, Dana, – приказал он.

Она рухнула в кресло, подавленная и испуганная.

Детектив Хейл был слева. Он был высоким худым мужчиной в синей спортивной куртке, темных штанах и со скучным голубым галстуком в полоску. Связь с Этаном было видно, он был таким же худым, глаза были такими же умными. Но глаза Фрэнка были с твердостью, с печалью, словно из–за работы он видел столько страхов, что достиг своего предела ужаса и боли.

С другой стороны была Нора Симпсон в зеленом костюме в полоску и бежевой блузке. Удобные туфли на низком каблуке. Она была на пару лет младше дяди Фрэнка, в ней тоже была печаль, но не на пределе. На ее лице были еще следы оптимизма.

– Мисс Скалли, – сказал детектив Хейл, – анализ крови, проведенный школьной медсестрой, готов.

– Эм... хорошо?

– В вашей крови содержатся следы элементов субстанции под названием Гелиос 5, это торговое название синтетической версии 5–НТ2А. Это экспериментальный галлюциноген, развитый для лечения шизофрении. На улицах его знают под названием

Затмение.

Дана смотрела в пустоту в тишине. Это вещество они с Этаном видели в файлах. Как она могла получить в организм тот же наркотик, что и у мертвых учеников?

— Поскольку наркотика в вашей крови содержится очень мало, — продолжал дядя Фрэнк, — не ясно, принимали ли вы его недавно, или нет. Нам потребуются дополнительный анализ, чтобы определить масштаб вашей зависимости.

— Нет, — сказала она. — Это невозможно.

— Анализ точен, Dana, — сказала детектив Симпсон. — Это делала независимая лаборатория.

— Нет, — возразила она. — Это невозможно.

— Dana, — тихо сказал отец. — Сейчас тебе лучше признаться. Расскажи все этим детективам. Откуда это у тебя. Сколько ты принимала. Кто тебе это дал. Все.

— Но, папа, я ничего не принимала.

— Не ври мне, — сказал он, и она по голосу слышала, как разбито его сердце. — Ты должна рассказать правду.

— Я не принимала наркотики, — возразила Dana. — Ты это знаешь. Я бы так не сделала.

— Кто дал тебе Затмение? — спросила Симпсон.

— Нет, вы не понимаете. Затмение — часть моих... снов. Кулон Мейси, татуировка... — она выпалила все, что знала о символе затмения. — Это его символ. Ангела. Если это было в крови у других жертв, то это он дал им.

Директор Штернхольц сказал:

— Об этом я вам и говорил, детективы. Она думает, что у нее «видения». Вся школа про это говорит.

Дядя Фрэнк кивнул, но давить не стал. Он уцепился за слова Даны.

— Почему вы подумали, что у жертв в крови было Затмение?

— Я... — начала она и поняла, что вот-вот может раскрыть Этана. Хоть она и злилась на него, но знала, что это его уничтожит. Она вдохнула и сказала. — Все говорят, что они принимали наркотики. Я предположила, что это связано.

— Хватит, — попросил отец. — Хватит врать. Расскажи им правду.

— Мы поможем вам, если вы согласитесь нам помочь, — сказал Фрэнк Хейл. — Мы можем принять информацию как анонимную. Если вы что-то знаете, расскажите нам. Даже если для ареста в вашей крови не достаточно наркотика, если вы знаете тех, кто в ответе за распространение Затмения в ФСК, скажите нам. Если вы вовлечены, но решите помочь нам, наказание не будет таким жестоким. Мы поможем вам, Dana, защитим, но если вы поможете нам.

Dana ударила кулаками по ногам. Было больно, но это распалило ее гнев.

— Вы глухие? Сколько раз вам говорить? Я. Не. Принимала. Наркотики. Никогда. Если в моей крови что-то есть, то я не знаю, как оно туда попало. Проверьте школьную столовую. Проверьте воду в городском резервуаре. Проверьте наш чайник дома. Откуда мне знать, где это было? Я знаю лишь, что не принимала ничего и не буду, и все это чушь...

— Хватит! — проревел ее отец. Он встал. — Dana, этот бред затянулся. Я ожидал от тебя другое, — в его голосе было такое разочарование и гнев, что Dana обмякла и отвернулась.

— Пап, прости, но мне нужно, чтобы ты верил мне.

— Верил? Dana ты врешь мне. Всем.

— Капитан Скалли, — сухо сказал Штернхольц, — хоть мне больно это говорить, я не вижу других вариантов, кроме как отстранить Dana, пока дело не будет раскрыто.

Было понятно, что ему не больно. Только он тут наслаждался ситуацией.

После всего случившегося за последние пару минут отстранение было меньшей проблемой. Но это ударило поней

— Нет... — начала она, но не знала, что еще сказать, как реагировать.

– Дана, – сказал ее пapa, – ты пойдешь домой, в свою комнату, останешься там. Радуйся, что этого вещества слишком мало, что детективы тебя арестовали. Я бы сам тебя отвел, но мне пришлось уйти с важной встречи из-за этого. Мне нужно вернуться на базу. Иди домой. Пообещай, что хотя бы это сделаешь.

– Папа…

– Прошу, Старбек, – сказал он, его голос дрогнул. – Прошу.

Дана потянулась к руке папы, но отец отпрянул. Отшел от нее. Встал вне досягаемости. Оказался в десяти тысячах миль от нее в этом кабинете.

– Иди домой, – сказал он.

Она была раздавлена, как жук, на которого наступили. Она была ничем.

Директор сидел за столом, сцепив руки, улыбка почти пропала на его губах. Детективы были с непроницаемыми лицами. Медсестра вытирала слезы с глаз.

Лицо Даны пылало, как солнце, но комната была холодной. Вот, как все вышло. Она покинула кабинет, хлопнув за собой дверью изо всех сил.

ГЛАВА 74
Крейгер, Мэриленд
8:10

Дана почти добралась домой, ее гнев угас, сменился большой печалью. Птицы на деревьях затихли, тени закрыли солнце, словно оно стыдилось ее. Словно и оно бросило ее.

Она остановилась на углу и стояла пару мгновений, пытаясь понять, с какого момента все стало разваливаться.

Все началось с переезда в Крейгер?

Логический анализ сталкивался с мыслями. В ее мысленной папке было все, что она знала и испытала. Коринда и Анджело.

Она не хотела идти домой. Там будет не лучше, чем в тюрьме в первый день заключения. Папа теперь ненавидел ее, она это знала. Мелиssa тоже была в беде.

Но и побег не был выходом. Порой он казался лучше, но этот план не сработал бы. У нее не было денег. Она была несовершеннолетней. Она была девушкой. Ей было некуда бежать. Никто не принял бы ее. А папа найдет ее. Копы найдут ее.

Может, ангел найдет ее.

Это было странно, ведь Анджело арестовали.

Значит, ее видения прекратятся? Но разве железные решетки помешают ему проникать в ее сны? Он будет терзать ее? Попытается уничтожить? Или уничтожить то, что от нее осталось?

Угол улицы был пустым, никто не вышел из-за дерева с ответом или решением.

— Этан, — сказала она вслух, удивив себя этим. А потом сказала. — Луч.

Они все еще были здесь. Да, Этан ее подвел, но он был другом. Может, больше, чем другом. Поможет ли он ей? Нет, вряд ли. Его дядя занимался этим делом. Просить Этана будет жестоко. Ему придется принимать решения, что навредят ему.

Оставался Луч.

Дана повернулась в сторону главной улицы. Она думала пойти туда, но там могла быть Коринда и куча репортеров. И все же Луч был умным, он был самым сильным медиумом в округе. Если кто и мог помочь, что это он. Может, он поддержит ее.

Растерянные мысли превратили часть ее страха и боли в гнев. Это было не честно. Все это было нечестно. Она этого не просила.

Это не имело смысла. Все спрашивали ее, под кайфом ли она, до этого, ее глаза странно выглядели. Она сама это видела в зеркало, но решила, что это от того, что с ней произошло. Она не принимала наркотики. Даже от мысли, что она приняла бы что-то, что управляло бы ее мыслями и действиями, становилось страшно, она ощущала отвращение. Ей нравилось управлять собой. Потому ей не хотелось больше делать астральную проекцию с Лучом. Она представляла, что так и ощущают себя люди от наркотиков, и она не хотела в этом участвовать.

Это не объясняло анализ крови. Не объясняло Затмение.

Как в ее организме попал наркотик? Серьезно, как это было возможно? Она пыталась понять. Она вспоминала все, что ела или пила за последние дни. Она не была уверена в еде в школе и в том, что ела во «Вне пределов». Она зашагала снова, без направления, только бы не домой.

Если это была бы еда в школе, то жертв было бы больше. Но почему тогда больше никого не раскрыли? Как мог кто-то нападать на определенных учеников? Анджело работал там, но не в столовой. С другой стороны, уборщики ходили всюду, у них были ключи от всех дверей.

Но «Вне пределов» был вероятнее. Анджело работал и там, и он легко мог добавить наркотик в чайный пакетик или выпечку. Мелиssa была без наркотика, насколько Dana знала. Она пила только кофе. Значит, дело в чае?

Чай.

Да. Она пила чай каждый раз, когда приходила во «Вне пределов». Каждый раз.

Дана ощущала волнение. Могла ли она получить там пару пакетиков чая? Если дядя Фрэнк получит их, он сможет провести анализ.

Она ускорила шаги, решительно устремилась в сторону магазина Коринды.

ГЛАВА 75
Крейгер, Мэриленд
8:10

— Вот она, — сказал Дэнни.

Он был водителем Герлака сегодня, потому что другой водитель плохо себя чувствовал. Как и новый водитель. Так было с каждым, кто проводил много времени с рыжеволосым агентом. Дэнни понимал это. Им не было плохо. Они просто боялись Герлака. Среди низкоуровневых агентов ходили слухи, что Герлак порой проникал в их головы. Дэнни знал это сам, и, хотя это пугало его, он справлялся. Может, если бы другие агенты следили за экранами и видели, что делает ангел, они бы не так боялись Герлака.

— Вижу ее, — пробормотал агент Герлак. На нем была шляпа, поля были натянуты так низко, что лежали на маленьком сильном бинокле.

— Какой план? Подбираем ее?

— Я еще не решил.

— Мы не должны? Она может опознать нашего парня.

Герлак смотрел, как Дана Скалли уходит от высшей школы ФСК. Он жевал жвачку, ничего не говоря.

— Она уходит, — сказал Дэнни.

— Я вижу.

— Она идет не домой.

— Это я тоже вижу, — согласился агент Герлак.

— Я думал, таким был план. Она идет домой, и мы забираем ее.

Герлак покачал головой.

— Это возможный вариант. Но путей у этого дела все еще много.

Они смотрели, как Дана уходит.

— Я могу попасть в нее отсюда, — сказал Дэнни, похлопав по снайперскому ружью на заднем сидении. — Один выстрел, и ее книга закрыта.

— Возможно, — сказал Герлак. — Такая вероятность тоже есть.

— Так... что нам делать?

— Мы следуем за ней и смотрим, что она задумала.

Дэнни завел машину.

— Скажите, босс,... что делать с Анджело Луцем?

Герлак размышлял пару мгновений.

— Это другая проблема, — сказал он.

— У нас есть варианты для этого?

Рыжеволосый агент улыбнулся.

— У нас всегда есть варианты, малец.

Черный седан поехал за Данной Скалли, двигаясь тихо, как тень.

ГЛАВА 76

«Вне пределов»

9:13

— Дана, — сказала Коринда, ярко улыбаясь, оторвав взгляд от стойки. — Странно, что ты так рано. Сегодня нет уроков?

Дана прошла к стойке и ударила по ней руками, Коринда вздрогнула от этого. Клиентов было мало, все были одеты для йоги и шли к комнате с ковриками под руками. Они посмотрели на Дану, читая ее ярость и напряжение в позе. Dana не слушала их, она склонилась и чуть не выплюнула ответ в Коринду.

— Меня отстранили.

— Отстранили? Почему?

— Вы же супермедиум. Я думала, вы уже знаете.

Улыбка Коринды пропала.

— Хорошо, ты явно расстроена. Твоя аура трещит негативной энергией.

— Моя аура в порядке, — рявкнула Dana. — Моя жизнь рушится по вашей вине.

— Моей? — Коринда была удивлена. — Как я связана с твоими проблемами в школе?

— Как? Как?

— Хватит кричать.

— Вы пошли к копам. Вы были по телевизору. Ваше лицо в газетах. Думаю, вы знаете.

Коринда вышла из-за стойки, схватила ее за руку и потащила к столику за ширмой.

— Тебе нужно сесть и успокоиться, Dana.

— Зачем? Потому что вы не хотите, чтобы люди знали, какая вы эгоистка?

— Нет, потому что это священное место духа, начинается занятие по йоге. Прояви хоть немного уважения.

Dana понизила голос, но не напряжение. Она села спиной к ширме, склонилась над столом и зашипела на Коринду:

— Луч собирался поговорить с шерифом.

— Знаю.

— Почему тогда это сделали вы?

— Потому что он думал об этом, а мы не могли больше ждать. Я пыталась найти его, но его не было. Я ждала столько, сколько могла, а потом поехала в офис шерифа.

— И прославились, — сказала Dana. — Сделали себя великим и сильным медиумом Кориндой Хоуэлл.

Глаза Коринды сузились.

— А что я должна была сделать? Рассказать всем, что пятнадцатилетняя девочка видит ангелов и демонов? Что мертвые говорят с тобой.

— Это правда.

— Прости, что разочарую, милая, но правда — не всегда лучший вариант. Если я рассказала бы правду, все набросились бы на тебя. Была бы у тебя после этого нормальная жизнь? Меня они уже считают странной. Я странная дамочка, управляющая странным магазином, читающая карты Таро и говорящая с духами. Я уже такая. Если люди считают меня безумной, это не удивит их. Но, Dana, ты новая в городе. Ты еще ребенок. Я знаю, каково быть изгоем в школе. Надо мной смеялись всю жизнь. У меня не было шанса на нормальную жизнь. Никогда. У тебя еще есть. Я могу выставить так, что то, что случилось с тобой в раздевалке, было из-за твоей открытости передо мной. Я могу сказать это, и люди поверят. И тогда на тебя не будут смотреть, а через время люди забудут об этом. Даже дети в школе. История уже больше, чем твое видение Мейси, тебя даже в газете не упомянули. Ты злишься на меня, потому что я присвоила все себе? Конечно. Злиться нормально. А потом ты сможешь завести в школе друзей, встречаться с парнями, ходить на свидания, жить нормальной жизнью, может, тогда твое это успокоится и поймет, что я

сделала это из сострадания к тебе.

Дана сидела в потрясенной тишине.

Коринда взяла ее за руки.

— Я твой друг, милая. Я всегда им буду. Я могу пережить твою злость, твою ненависть в этот миг. Это не изменит мое отношение и не прогонит меня.

Дана слишком растерялась из-за бури эмоций в сердце и голове и молчала. Коринда похлопала ее по рукам и ушла заваривать чай с пирожным для нее.

Она опустила их на стол и пошла обслуживать кого-то еще.

Дана смотрела на пакетики чая, и ее страх и гнев вернулись. Но уже не в таких масштабах. Она выбрала тот, который обычно пила. Маленький пакетик с ярлычком «УСПОКОИТЬ». Она понюхала его, огляделась, чтобы убедиться, что никто не смотрит, быстро сунула пакетик в рюкзак. Было еще три таких пакетика, она взяла второй, сорвала бумажный ярлычок, спрятала пакетик в рюкзак к первому, а потом вытащила обычный пакетик чая, убрала ярлычок, смяла «УСПОКОИТЬ» на нитке и опустила пакетик в свою чашку. Она отодвинула подставку с пакетиками.

ГЛАВА 77
«Вне пределов»
10:04

Дана уже собиралась уходить, когда увидела, как Луч выходит из Комнаты кокона. Он был в черных штанах, как у современного танцовщика, и синей велюровой рубашке, расшитой орбитами планет и солнцами. Он заметил ее и быстро подошел, сел на скамейку напротив. Его красивое лицо исказила тревога.

– Не люблю повторять строчки из фильмов, – сказал он, – но я ощущаю колебания в твоей Силе.

– Можно и так сказать.

– Это из-за новостей?

– Отчасти. Как вы позволили Коринде забрать всю славу? Я хотела, чтобы вы поговорили с шерифом.

Луч улыбнулся.

– Ей нравится внимание, Dana. Не мне.

– Но...

– Будь к ней мягче. Она спасла тебя от этого.

– О, да, я спасена, – она рассказала ему про анализ крови и отстранение.

Его улыбка не дрогнула.

– Не переживай, сестренка, – сказал он. – Уверен, все наладится. Ты будешь в порядке. Я все еще собираюсь поговорить с шерифом, и я знаю мистера Штернхольца. Я могу тихо поговорить с ним.

– Вы его знаете?

– Город маленький, Dana, и я со многими знаком. Это помогает мне, скажем так, вести честные переговоры.

– О. Ну... это...

Он покачал головой.

– Успокойся, Dana. Этот ужас прекратится, и все будет хорошо.

– А как же Анджело?

– Ах, бедный Анджело, – Луч покачал головой. – Я редко ошибаюсь в людях, но я ошибся в нем. Все мы.

– Как? – спросила она. – Если вы с Кориндой обладаете суперсилами, как вы могли не знать этого в нем?

– Помнишь, я говорил тебе, что ангел тоже силен? Это я имел в виду. Он явно обладает способностью блокировать психическое влияние. Это великий дар, печально, что он использован неправильно.

Она медленно покачала головой.

– Я знаю, что он – ангел, но все еще не могу в это поверить.

– В этом сущность харизматичных личностей, Dana. Они могут убедить тебя, что они – ангелы или святые, люди, которым стоит доверять. Лидеры культов и политики использовали силу харизмы тысячи лет. Медиум с контролем над своей харизмой опасен. Я могу лишь представить, что будет во время его суда. Он, несомненно, силен и начнет влиять на разумы присяжных и даже судьи. Наш суд не рассчитан для таких, как он.

– О чём вы? Его отпустят?

– Возможно. Потому тебе нужно развивать свои качества. Я могу научить тебя психической защите.

Она сделала глоток чая, но не ответила.

– Тебе очень больно, – мягко сказал Луч. – Мне не нужно быть медиумом, чтобы видеть боль в твоих глазах. Тебе нравился Анджело, каким бы грубым он ни был.

– Мне нравился убийца, отлично. Пока он не погнался за мной на улице. Это многое говорит обо мне.

– Ты проявила сострадание и доброту к тому, у кого была тяжелая жизнь. Не забывай это. Это говорит о твоем характере, Дана. Умение врать и обманывать говорит о нем.

Она кивнула.

– Спасибо.

– Подозреваю, я какое-то время тебя не увижу, – сказал Луч.

– Верно, потому что меня запрут.

– Но это не будет длиться вечно, и даже твой отец не сможет держать тебя взаперти даже взрослой.

– Он попробует.

– Нет, – убедил ее Луч. – А теперь… послушай. Я помогу тебе разобраться в этом. Ты теперь из моих. Ты принадлежишь к моей духовной семье, и мы своих защищаем. Я не так опасен как Анджело Луц, но и у меня есть плюсы. Свои качества. И я сделаю все, чтобы защитить свою семью.

– Я… не знаю даже, как…

Он покачал головой.

– Ты опасно близка к взрыву, Дана. Вот, что тебе нужно сделать. Иди домой. Пусть родители накричат. Кивай, выгляди покорно и обещай быть хорошей девочкой. Говори им то, что они хотят слышать, чтобы они перестали на тебя бросаться. Играй по их правилам, пусть победят в этом раунде. А потом они успокоятся и наградят тебя за послушание, за то, что ты выучила урок, и они смягчатся. Как и в школе. А потом ты вернешься сюда, и мы приступим к работе. Я научу тебя всему, что могу, чтобы ты стала сильной, и я верю, что у тебя есть хороший потенциал. Вместе мы применим силы на происходящем в городе. Если Анджело – ангел, то мы найдем доказательства, чтобы даже он не смог манипуляциями выбраться на свободу. Мы поймем, кто продает Затмение в Крейгере, и прикроем их. Мы станем сильнее, покажем всем, на что способны такие, как мы. Не только читать по ладони и предсказывать судьбу, но быть силами добра в запутавшемся мире. Это я предлагаю, Дана, – он протянул руку. – Как это звучит?

– Звучит… невероятно.

Она пожала его руку, впервые тучи, собравшиеся над ее жизнью, рассеялись, пропустив лучи солнца.

– Будь сильной и терпеливой, – посоветовал он. Луч пожал ее руку и ушел из магазина.

Дана проводила его взглядом, ее сердце наполнялось восхищением к нему. Он был ей наставником, но не только. Намного больше. Почему ее отец не предлагал ей такую любовь, доверие и поддержку?

Ее мысли перебил голос Коринды, говорившей с клиентом за ширмой.

– Да, я рада помочь шерифу, чем могу.

Дана повернулась на месте и слушала. Клиент рассказывал, как чудесно, что Коринда своим даром помогла городу. Коринда грелась в лучах славы.

А потом Дана кое-то поняла, ее кровь похолодела. Она слышала все, что говорили за стойкой. Ширма была лишь куском цветной ткани на деревянной рамке. И если она слышала разговор Коринды, то и Коринда могла ее слышать?

Дана вспомнила, как они с Мелиссоид сидели здесь, все, о чем они говорили. О видениях Дана, ангеле, Мейси во снах и в школе, реакции учителей и других учеников…

Все.

Каждую.

Мелочь.

Дана не успела осознать, как уже вылетела из кабинки. Она отогнала клиента от стойки и направила палец на Коринду с обвинением.

– Вы врали! – завопила она.

– Что? Говори тише, – потребовала Коринда.

– Вы – мошенница, – кричала Дана все громче. – Вы не медиум, вы ничего не

видели. Вы обманщица и лгунья.

– Дана, я просила тебя говорить тише.

Люди в магазине смотрели с большими глазами на вспышку, потрясенные сценой, устроенной Даной. Но Дане было все равно. Она хотела обойти стойку и побить Коринду.

– Вы слышали нас с Мелиссоей. Так вы узнали столько всего. Вы такой же медиум, как дохлая крыса. Боже! Как я вообще могла вам верить? Вы подслушиваете и выискиваете, а потом притворяетесь, что все это увидели. Вот так номер! Вы – скользкая, подлая, эгоистичная…

– Замолчи! – взревела Коринда с такой силой, что Дану умолкли. – Закрой рот и убирайся из моего магазина. Вон. Ни слова больше. Вон. Вон!

Она обошла стойку и толкнула Дану к двери. Коринда была высокой и сильной, а еще полной гнева.

– Глупая девчонка, не понимающая, о чем говорит. Иди. Убирайся отсюда и больше не возвращайся.

Дана оказалась на улице, смотрела, как Коринда закрывает дверь. Она смотрела в большое окно, как клиенты в магазине спешат утешить Коринду и с ненавистью поглядывают на Дану.

ГЛАВА 78
Крейгер, Мэриленд
11:21

И Dana пошла домой
Дом.

Он должен был казаться маяком надежды, оазисом спокойствия и принятия. Если бы. Она шла по улице, тащила за собой много мыслей. Несмотря на успокаивающие слова Lucha, Dana приходилось думать обо всем, что случилось во «Вне пределов».

То, что она угадала с ложью Коринды, было без вопросов. Все, что Коринда сказала в новостях и во время «сессий» было подслушано ею в магазине. Может, что-то и с сессии Danы в Комнате кокона, ведь Коринду туда не пустили. Может, так Коринда и делала – воровала информацию и достижения людей, доверявших ей. Она всегда сплетничала в магазине. Так она получала детали про клиентов?

Каждая клеточка в Dana кричала: «да».

Ей было печально, она злилась. Она доверяла Коринде, она доверяла ее способностям, как истинному медиуму. А это было ложью.

«Не все, – прошептал внутренний голос. – Луч реален. Верь в него».

Она верила, но эта вера была хрупкой, как стекло.

На половине пути Dana увидела, как к ней бежит фигура. Даже издалека она узнала этот бег и выющийся подпрыгивающий хвостик.

– Мисси, – пробормотала Dana, горло сдавило. Она побежала к сестре, зная, что они порвут с узлами, в которых запутались прошлой ночью. Но, когда они приблизились друг к другу, Dana увидела, что что-то не так. Мелисса не улыбалась. Это воссоединение не было счастливым. Она хмурилась. Ее лицо было маской чистого гнева и презрения.

– Что с тобой такое? – закричала Мелисса в нескольких метрах от нее.

Dana застыла.

– Что...?

– Она позвонила маме и плакала в трубку, Dana, – сказала Мелисса с жаром, замедляясь до ходьбы. – Как ты могла так с ней поступить? Как можно такое говорить?

– Коринда звонила домой? – спросила Dana, потрясенная новостью.

– Конечно. Коринда переживает за тебя. Она боялась, что ты поступишь глупо.

– Как, например? Расскажу всем, что она – мошенница и лгунья?

– Нет, она боялась, что ты разорвешься на кусочки и навредишь себе.

Сестры смотрели друг на друга, красные от гнева, сжимая кулаки, сверкая глазами.

– Она врала, – сказала Dana.

– А ты дура. Ты не имела права говорить эти ужасные вещи ей перед клиентами. Она так расстроилась, мама ее успокаивала. Это ужасно. Я не думала, что ты можешь быть такой подлой.

– Ты веришь ей, а не...

– Не тебе? Да, пожалуй. А как иначе? Я слышала об анализе крови, Dana. Я не могу поверить, что ты не сказала мне. Кто теперь тебе поверит? – Мелисса указала на дом. – Повезло, что ответила мама, а не папа. Ты должна была прийти домой после школы. Мама звонила в школу, они отпустили меня с уроков, чтобы я нашла тебя. Тебе повезет, если тебя не исключат. Мама просила привести тебя домой, и я тебя свяжу, если надо будет.

Dana открыла рот.

– И слушать не хочу, – рявкнула Мелисса. – Мама сказала, что она не скажет папе, если ты придешь домой сейчас.

Бот и все. Ни вариантов, ни выхода. Ни союзников. Даже сестра была против.

Мелисса развернулась и пошла домой, сжимая кулаки, плечи были напряжены от гнева. Dana пошла за ней, как узник, которого вели к гильотине.

ГЛАВА 79
Дом Скалли
11:35

Мама много плакала. Она задавала те же вопросы, что и все до нее. Дана повторяла ответы, но теперь будто зачитывала строчки из сценария. Мама отправила ее в комнату. Без звонков и остального.

Позже в дверь постучали, Дана открыла и нашла поднос с едой на полу, услышала шаги мамы на ступеньках, она уходила быстро, чтобы не пересечься. Это было ужасно.

Дана захлопнула дверь и села на кровать, где пробыла до вечера. Папа пришел домой, но наверх не поднялся. Чарли играл один игрушечными космическими кораблями во дворе под окном Дании. Мелисса включила громко трагическую музыку.

Дана услышала, как открылась входная дверь со скрипом, прислушалась и уловила, что мама с папой тихо говорят на крыльце. Мама всхлипывала.

Этого шанса Дана и ждала. Она тихо открыла дверь и прокрались в коридор. Музыка Мелиссы была достаточно громкой, чтобы прикрыть Дану, набирающую на телефоне номер.

Этан ответил на шестом гудке.

– Мне нужно с тобой поговорить, – сказала Дана.

– Да, я так и думал, что ты позвонишь, – сказал он – Но говори быстро, дядя Фрэнк ушел в магазин и вот–вот вернется.

– Этан, я...

– Нет, я скажу первым, – сказал Этан. – Мне очень жаль, что так вышло. Я выразился не так, как хотел.

– Все хорошо, – сказала она.

– Нет, – сказал Этан, – это не так. Я не знаю, как говорить с девушками. Ты мне нравишься. Прости, что обидел тебя.

Она кашлянула.

– Ты мне тоже нравишься, Этан, и это хорошо.

– Спасибо. Надеюсь, ты знаешь, что это не твоя вина.

– Нет, это вина Коринды.

– А? – сказал он.

– Она все испортила. Она слышала мои разговоры с Мелиссоей, оттуда она узнала, что рассказать мне.

– Дана, я не об этом. Я о том, что случилось ночью. Я думал, ты звонишь поэтому.

– О чем ты? Я запуталась. Я... я боялась и... хотела убедиться, что ты в порядке, что дядя тебя не раскрыл. Так... ты в порядке?

– Я? – сказал Этан. – Ты звонила не из–за Карен?

– А почему я должна? Карен в безопасности. Анджело за решеткой, и...

– Дана, ты не смотрела новости?

– О чем ты?

– Только о том и говорят. Сообщили час назад. На футбольном поле школы нашли Карен Алленби. Дана... ее убили.

ГЛАВА 80
Дом Скалли
20:35

Дана опустила с силой трубку и побежала к двери Мелиссы. Она постучала, но ответа не было, так что она дернула ручку, и дверь открылась. Мелиssa была на кровати, ноги были прислонены к стене, лодыжки – скрещены. Она повернула голову без интереса на лице.

– Уйди, – сказала Мелисса.

– Послушай, – рявкнула Dana. – Кто-то убил Карен Алленби.

Мелисса опустила ноги и встала с большими глазами.

– Что?

– Это правда, это в новостях. Этан сказал мне.

– Как? Ты что, звонила ему?

– Да, звонила. И что? Карен мертва. Ты не понимаешь, что это значит?

– Я…

Дана схватила Мелиссу за плечи.

– Если Анджело в тюрьме, то он не мог сделать это. Значит, Коринда соврала. Это вина Коринды. Она сказала копам арестовать Анджело, а не искала настоящего убийцу. Боже, как я могла так сгупить? Нужно было что-то с этим сделать.

Мелиссе словно оглушили.

– Снова авария?

– Нет, – сказала Dana. – Ее зарезали на футбольном поле.

Ужас от того, как и где убили Карен, лишил комнату воздуха.

– Нам нужно позвонить Коринде, – охнула Мелисса. – Может, у Анджело есть сообщник. Она сможет понять, кто это. Она поможет нам, и…

– Ох, ты бесполезна, – прорычала Dana.

Она толкнула Мелиссу к кровати, развернулась и побежала из комнаты. Она была на половину пути по лестнице, когда поняла, что ее родители все еще были на крыльце. А потом фигура вышла из тени. Бабушка. Улыбалась она отдаленно и странно.

– Ты любила ездить на велосипеде, Маргарет, милая, – сказала бабушка. – Почему ты больше так не делаешь?

Дана моргнула.

– Велосипед? Отличная идея. Спасибо, бабуля.

Она поцеловала бабушку и шагнула к заднему двору, но старушка схватила ее за руку с удивительной силой.

– Будь осторожна, Dana Кэтрин Скалли. Столько людей тебя любят. Ты нужна стольким людям. Даже тем, кого еще не встретила.

– Что?

Рука потеряла силу, бабушка пусто улыбнулась ей.

– Ты всегда любила свой велосипед.

Она отпустила и ушла в темноту своей комнаты. Dana хотела спросить, что она имела в виду, но не было времени, и она устремилась к задней двери, схватила тяжелую куртку с крючка у двери, забрала велосипед у сарай и быстро прошла к калитке, а потом в переулок. Она забралась на велосипед, когда добралась до улицы, и поехала в ночь.

Она быстро добралась до главной улицы, нужно было только повернуть направо и двигаться с машинами. Было за девять, машин было мало. Она увидела впереди вывеску «Вне пределов». Огни в окне не горели, ее сердце сжалось, но, остановившись, Dana увидела Коринду внутри в свете одной лампы, считающей выручку. Dana бросила велосипед посреди тротуара и открыла дверь.

– Простите, мы закрыты, – сказала Коринда, не поднимая взгляда.

– Поверьте, – сказала Dana, – я здесь не для чтения ауры.

Коринда подняла голову.

– Что ты здесь делаешь?

– Это я хочу спросить у вас, – парировала Dana. – Вы слышали новости?

– Какие? Ты сходила к репортерам и сказала, что это все ты, а я соврала? Так ты рассказываешь людям?

– Я хочу вас ударить. Нет. Я о новостях про Карен Алленби.

Коринда нетерпеливо вздохнула.

– А что с ней?

Dana склонилась на стойку и закричала в лицо Коринде:

– Карен мертва! Кто–то убил ее, и это не Анджело Луц, потому что он в тюрьме по вашей милости.

– Нет… – слабо сказала Коринда. – Это невозможно.

– Почему? Потому что вы – сильный медиум? Потому что Коринда Хоуэлл не может ошибаться? Знаете, что? Все эти слова – чушь, и вы это знаете это. Вы – ничтожество. Нет, не так. Вы в ответе за Карен. Потому что из–за вас копы перестали искать настоящего убийцу, и теперь Карен мертва.

– Нет, нет, я рассказала им, что знала… Это не так. Этого не может быть.

– Почему вы так уверены, что это был Анджело?

– Все знаки указывают на него, Dana.

– Знаки? Знаки? А как же факты? А улики?

– Вера не требует доказательств, – мудро сказала Коринда, – когда есть интуиция.

– Вы не в себе?

– Ты не понимаешь…

– Что не понимаю? Вы говорите, что у вас нет доказательств, что Анджело – убийца?

Вы сказали полиции, что это он. Как–то бы убедили их.

– А что он сделал? Он убежал. Это уже доказательство.

– Нет! – проревел Dana. – Вы врете, ищете предлога, раните людей, Коринда. Что с вами? Вы скрываете что–то еще? Что? – Dana ударила кулаком по стойке. – Все из–за этого? Вы помогаете настоящему убийце? Или вы продаете это дурацкое Затмение? Это вы мне подсыпали в чай? Что сделал вам Анджело? Он знал, что вы продаете наркотики, и вы соврали, чтобы убрать его? Я уверена в этом.

– Нет, нет, нет, нет! – лепетала Коринда.

– Вы тут распространяете наркотики? Вы мне подсунули Затмение?

– Не неси ерунду.

– Я серьезна, как сердечный приступ, Коринда. Они нашли это в моей крови, и я подозреваю, что это было в моем чае.

– Я бы никогда так не поступила, Dana, клянусь, – сказала Коринда, пятясь, и ее плечи ударились о ширму так, что она сорвалась с петель. Она рухнула на пол, открывая кабинку за ней. Dana подумала, что это сильно подчеркивало то, как Коринда могла играть в медиума.

– Я забрала сегодня пару пакетиков чая, – сообщила Dana, – и я собираюсь отдать их копам. А потом они придут и арестуют вас, запрут навеки.

– Я не давала тебе наркотики. Боже, я не сделала бы так с тобой. Ты лишь ребенок.

– Как была Карен. Как были Мейси, Todd, Jeffри, Чак и остальные. Мы были лишь детьми, и вы разорвали нас. Может, вы не держали нож, но это ваша вина. И вы попытались обвинить бедного Анджело.

– Анджело – монстр, – рявкнула Коринда. – Он всегда вился рядом. Всегда слушал у дверей, совал нос, куда не следовало. Он знал каждого умершего. Ты знала это? Точно нет. Они все приходили сюда на занятия, и я видела, как Анджело говорил с каждым из них. Так он находил мишень. Он использовал этот магазин – мое священное место – чтобы выбрать жертв. Если кто и раздавал здесь Затмение, то это он. Он сделал это.

– Он в тюрьме.

Вдруг огни погасли, все место погрузилось во тьму. Дана и Коринда закричали.

А потом сзади раздался звук, фигура вышла из тьмы в задней части магазина, его лицо озарил слабый свет из окон. Он был широким и мускулистым, его одежда была в крови.

– Анджело...? – прошептала Коринда, выйдя из-за стойки.

Анджело шагнул вперед, теперь свет блеснул на остром ноже в его окровавленном кулаке.

ГЛАВА 81
«Вне пределов»
21:19

— Коринда, бегите! — закричала Дана и толкнула высокую женщину к двери.
— Нет, — приказал Анджело.

Дана схватила стеклянную тяжелую банку для мелочи со стояки и бросила в Анджело, задела его щеку. Стекло разбилось, он отшатнулся, вскинул руку, чтобы защитить глаза. Коринда сжалась у стены. Дана застыла от нерешительности, и это пригвоздило ее к месту.

Анджело был здесь, значит, он вырвался из тюрьмы.

Карен была мертва.

Анджело был покрыт кровью, у него был нож.

Дана ощущала себя самой глупой в мире, но не терзала сейчас себя, ее ярость вскипела и сосредоточилась лазером на монстре, разрушившем ее жизнь.

Она знала, что у нее нет ни шанса против него.

Это было глупо.

Мысль вспыхнула в голове, когда она бросилась к Анджело. Он все еще раскачивался, и она ударила его вытянутыми руками, оттолкнула к столу с кристаллами. Он ударился о стол и перелетел через него, рухнул с дюжиной острых осколков кварца, хрустящих под ним. Серебряный нож улетел в дальний угол магазина. Дана перепрыгнула стол и попыталась приземлиться на его живот обеими ногами, надеясь выбить воздух из Анджело, но он извернулся. Ее ноги ударились об пол рядом с ним, пятка ударила Анджело по левой ладони. Он закричал от боли и ударил ногой, выбивая ноги из-под нее, и она рухнула на попу. Боль пронзила спину, долетела до головы, и она отклонилась. Анджело неловко поднялся на ноги, порезы на лице и теле истекали кровью.

— Хватит, — закричал он, но пошатнулся, когда Коринда вышла из ниоткуда и ударила его по спине большой австралийской диджериду, что была длиннее и тяжелее бейсбольной биты. Она неловко взмахнула, но с силой, и Анджело отлетел в другой стол и упал с копиями книг по астрологии, которые разлетелись вокруг него.

Дана искала, что бросить, но стол рядом с ней был полон мелких побрякушек и статуэток божеств плодородия, многие весили меньше половины пуда. Она все равно начала бросать ими так быстро, как только могла, и Анджело пытался встать на ноги.

Хоть его били, он быстро встал и начал отбивать фигурки в воздухе одной рукой.

— Да. Перестань. Ты, — он подчеркивал каждое слово ударом.

— Я разберусь, — закричала Коринда, размахнулась диджериду, но в этот раз Анджело был готов. Он отпрянул, поймал инструмент той же рукой, которой отражал фигурки, и вырвал ее из хватки Коринды. Анджело зарычал и отбросил предмет в другой конец магазина, где он врезался в колокольчики ветра.

Дана пригнулась за куском кварца, но Анджело обогнал ее и выбил кусок подальше от нее, как гольфист.

— СТОП! — проревел он с такой силой, что они застыли. Он стоял, задыхаясь, качая головой. — Это не то, что вы думаете.

— Ты убил их всех, — сказала Дана. — Ты — чудовище.

Он смотрел на нее с неожиданным выражением. Вместо триумфа, ненависти или презрения лицо Анджело исказилось от боли. От горя. Слезы блестели в его глазах.

— Нет, — сказал он. — Я никого не убивал.

— Ты убил Карен Алленби, — сказала Дана.

Он испугался.

— Карен мертва?

— Не играй в невинного. Ты убил ее. На тебе ее кровь. Ты бежал из тюрьмы и убил ее.

– Ты *loco*, чика. Я сбежал из тюрьмы, чтобы убить кое–кого, но не Карен. Никогда Она была хорошей. Я бы никогда не навредил ей. Я вырвался из тюрьмы, потому что никто не верит мне, и если я не смогу все исправить, меня посадят на электрический стул.

– Ты лжец и психопат, – сказала Коринда.

– Ты зовешь меня лжецом? *Eso es gracioso*, – сказал он. – Смешно слышать это от тебя.

– Правда? – оскалилась Дана. – Ты псих, Анджело. Ты убил бы меня прошлой ночью, если бы я не обогнала тебя.

– Обогнала? Ты точно *loco*, – рассмеялся Анджело. – Когда ты побежала от школы, я пошел за тобой, пытаясь объяснить. Я потерял тебя на миг, а потом увидел на траве у того дома. Я смотрел с другой стороны улицы, пока ты не встала. Я следил за тобой, чтобы тебя никто не ранил. Думаешь, я хотел тебя ранить? Если ты так думаешь, что ты – псих.

– Не смей, – предупредила Дана, подняв острый кусок кварца. – Я узнала, что то был дом Карен. Потому ты выбрал ее? Потому что увидел меня в ее дворе?

– То был дом Карен? – сказал он удивленно. – Я… не знал этого.

– Не верю. У тебя был нож, ты в ее крови.

– Ее крови? – Анджело посмотрел на свою одежду, а потом на свое правое плечо. Он попытался поднять ту руку, но она только дрогнула, и Дана поняла, что Анджело весь бой использовал только левую руку. Он облизнул губы. – Я…

Его ноги вдруг подкосились, и он рухнул на колени.

Коринда схватила в этот миг диджериду и замахнулась над его головой, но Дана закричала:

– Нет!

Анджело обмяк и лег на спину. Дана пошла к нему.

– Не надо, – предупредила Коринда. – Это уловка.

Но Дана шла. Света из окна хватило, что она увидела дыру в оранжевом тюремном костюме Анджело, как раз в плече. Кровь, черная, как нефть, в таком свете, вяло вытекала из раны. Дана склонилась и все увидела. Она все поняла.

Анджело подстрелили.

Она посмотрела на него, и он кивнул.

– Не выбрался… целым. Стражи… не расстреляли… конечно. Но… болит, – он попытался улыбнуться. – И вы, безумные дамочки, не помогли.

Дана опустилась рядом с ним на колени, но держала кварц наготове, чтобы ударить, если что.

– Ты сказал, что вырвался, чтобы все исправить… Что ты имел в виду?

– Я о том… что это был не я… – его голос был слабее, чем мгновение назад. – Репортеры… спрашивали у копа… и он сказал, что они ищут, как… связать убийства и тот… наркотик.

– Какой наркотик? – спросила Дана. – Ты про Затмение?

Анджело слабо кивнул.

– Затмение… не должно было попасть на улицы, – сказал он. Анджело странно дышал, кровь собиралась под ним в лужу. Если рана и до этого была плохой, то после драки все стало хуже. – Он должен был… помогать людям. Потому… его давали… только людям, как… мы…

– Что? О чём ты? Каким людям?

Глаза Анджело стекленели, но он посмотрел на нее, в нее.

– Людям… как ты… и я. *Personas con cualidades, chica*, – он закашлялся, и кровь появилась на его губах. – Ты просто… сидишь и… вдыхаешь. Летишь с… дымом… так легко. Это он… обещал. Никакой… зависимости… кайфа… ничего незаконного… только появление видений…

И тогда Дана все поняла. Она смотрела на него, а кусочки головоломки разбирались из неправильной формы и вставали на место с жестокой четкостью. Она медленно

повернулась к Коринде. Высокая женщина опустила диджериду.

– Благовония...? – прошептала Дана.

Коринда жевала губу мгновение с тревожным видом, казалось, она хотела убежать.

– Это должно было помогать выявлению психических способностей, – сказала она.

– О боже, – выдохнула Дана. – Не чай. Я дышала им, как только начала ходить на йогу, да? Неделями. Вы неделями накачивали меня этим. Зачем вы это сделали?

– Не она, – сказал голос. – И благовония были только для особых учеников.

Дана развернулась. Мужчина медленно шел к ним из задней части магазине. Он был в свободных черных штанах и синей велюровой рубашке, расшитой орбитами планет и солнцами. Он склонился и поднял нож Анджело.

– Хороший клинок, – он отбросил нож в сторону и вытащил другой из–под рубашки.

– Но я предпочитаю свой, – сказал Луч.

ГЛАВА 82
«Вне пределов»
21:36

И мир, висящий на последней раскачивающейся петле, сорвался и упал.
Дана в ужасе смотрела.

Коринда зажала ладонью рот, словно пыталась сдержать крик, который разорвал бы ее на части. Анджело на полу пытался встать, его тело содрогалось, но он рухнул и замер, руки и ноги были широко раскинуты.

Луч стоял на краю теней и смотрел то на одну, то на другую, а потом опять на Дану.

– Теперь, девочка моя, ты понимаешь?

Дана молчала.

– Dana, ты готова помочь мне очистить этот мир от греха и слабости, от зла?

Ее губы двигались, Dana слышала, как повторяет его слова:

– Очистить? Как?

– Кровью, конечно, – сказал Луч, делая небольшие шаги вперед. – Всегда так. Кровь – это жизнь. Нет, уточню: кровь – путь к жизни. Все мы родились в крови, так ведь? В крови и боли, крича, когда попали в этот мир. Это так же. Красная эра близко, и мы пожертвуем несколькими и приблизим ее. Мы будем повитухами при рождении лучшего мира.

– Вы... вы...

– Ты ищешь слово «пророк», – сказал он. – А каждый пророк безумен по меркам обычного мира, ведь они видят другой мир за тем, что видят овцы. Тысячи лет люди, как мы – да, мы – подвергались нападкам, арестам, сжиганиям и распятиям, потому что видели мир шире, чем остальное стадо людей. В каждой эпохе пророка, предвещающего лучший мир, убивали. Его кровь лилась в жертву глупости и страха, замкнутости разумов. Ты веришь в Христа, а его били и пригвоздили к дереву за слова о лучшем мире. Было много и других. Но все закончится здесь, со мной, с нами, этой ночью.

– Нет, – сказала Dana, но его слова почти очаровали ее. Луч говорил мягко, тихо, без истерики или нажима. Он говорил спокойно, словно они делили это место и эту судьбу. Dana не могла отогнать его слова.

– Не слушай его, Dana, – предупредила Коринда, но ее голос звучал издалека. Слабый и бессмысленный.

– Я говорил тебе о людях с качествами, Dana, – продолжил Луч, приближаясь. – У меня есть свои апостолы. Ты видела их здесь, они приходили и уходили с моих сессий психического обогащения. Они сильные, как ты. Как мы. У каждого особый дар. Каждый на пути становления чем-то еще, освобождения из кокона для будущего состояния. Ты понимаешь?

Dana ощущала, как кивает.

– Я выбрал каждого и направил, растил их, как редкие цветы, коими они и являются. И когда они становились достаточно сильными, я раскрывал им тайны Красной эры. Но...

– Луч искренне опечалился, – не все подошли для высоких целей. Не всем хватило смелости, глубины сострадания или желания сделать все, что нужно, для спасения мира.

– И вы их убили?

– Конечно. Я освободил их от их слабости и отправил к следующему, надеюсь, лучшему воплощению, где их наследие нефилимов засияет ярче. Их смерти откроют для нас дверь в Красную эру.

– О боже... – проскулила Коринда. Диджериду выпала из ее руки, стукнула об пол. Никто не заметил.

– На них потратили Затмение, – сказал Луч. – Такое редкое, его так словно получить, создать. Химия выводит из себя, но эффекты того стоят. Для обычных, овец, это дешевый кайф на пару часов без побочных эффектов. Никакой зависимости, никакого вреда тканям.

Ах, но для людей с качествами реакция совсем другая. Он проникает глубоко в кровь и живет в ней. Поет в крови. Он выключает свет, пока разум не засияет, как солнце из-за закрывшего его луны. Этот свет не скрыть. Там красиво.

Он шагнул вперед и оказался в паре футов от Дана.

– Ты это ощутила, да, моя девочка? Твой разум был закрыт, а теперь открыт. Чудесно открыт. И с каждой палочкой благовоний каждый день твои качества расцветут до небывалых высот. Dana, ты можешь стать такой же сильной, как я. Ты можешь разделить со мной силу. Ты можешь помочь мне спасти мир, изменить его, править им.

– Да, – прошептала она и теперь уже сама шагнула к нему. Крестик под ее блузкой, казалось, вдруг нагрелся на ее коже.

Луч улыбался ей, в его глазах было столько любви. Такой должна быть любовь отца. Любая любовь. Принимающая все, открытая. Позволяющая быть тем, кем она есть. Поддерживающая стать такой, какой она хочет.

– Ты – мой ангел, – сказал он, убирая прядь рыжих волос с ее щеки. – И вместе мы поможем родиться эре ангелов и великанов. Вместе мы искупаем этот мир в крови.

– Да, – сказала Dana. – В крови.

А потом она ударила его изо всех сил куском кварца размером с кулак.

Кусок кристалла врезался в его щеку, разрывая кожу, треща о кость, отсылая Луча в сторону. Улыбка пропала с его кричащего рта.

Dana гналась за ним, взмахивая камнем с хищной силой, крик поднимался из глубин ее груди. Луч пошатнулся, упал на колено, вскинул руку для защиты. Она ударила его по руке, оттолкнула ее, и била снова и снова, по плечу, голове, подбородку, груди. Он извернулся и ударил ее ножом, и Dana ощущала, как лава пробивается между ее ребер. Она закричала еще громче и попыталась ударить руку с ножом.

Луч был ранен, но был быстрым.

Очень быстрым.

Он пригнулся под ее следующим ударом и ткнул Danu в живот левой рукой, попытался ударить коленом в ее грудь. Но Dana отклонялась, пытаясь отскочить и откатиться, как ее учили в джуджутсу. Она отлетела и врезалась в стол с амулетами и украшениями, и они посыпались на нее. Луч шатался на ногах и пошел к ней, но тут застыл. Он удивленно посмотрел вниз и увидел Анджело, что был при смерти, сжимающего его лодыжку окровавленной рукой.

Луч оскалился, глядя на него.

– Ты тоже мог быть одним из нас. Такая сила. Такой потенциал. Такая трата, – он поднял ногу и наступил на раненой плечо. Анджело взмыл и резко обмяк. Потерял сознание или умер, Dana не знала точно.

И она бросила кусок кварца в Lucha, попала ему между плеч. Мужчина отлетел вперед, врезался в пару столов–витрин, где на него рухнули книги, больше кристаллов стучало по нему.

Но он снова встал, стряхнул обломки яростным взмахом руки.

– Довольно! – проревел он. Его лицо было в крови, один глаз опухал. Он встал, еще сгибая ноги в коленях, нож в руке, кончик лезвия пылал серебряным огнем. – Я дал тебе великий дар, я рисковал для этого. Я должен был отдать тебя людям, которые ведут этот научный проект в городе. Думаешь, я монстр? Они намного хуже, – он улыбнулся кровавыми зубами. – Ты не знаешь, что для тебя припасено. Или... что было бы припасено. Ты не узнаешь. Я отправлю тебя кричать во тьме.

Он ударил ее ножом, и Dana ощущала, как кончик проводит пылающую линию – жаркую, как пламя – по ее животу. Она отшатнулась на пару шагов. Боль была очень сильной, мгновение она смотрела на разорванную ткань и кровь, что пропускала на длинном порезе.

– Боже... – выдохнула она отчасти от потрясения, отчасти в мольбе.

Луч рассмеялся, поднял нож и пошел на нее, целясь в ее горло.

– Нет! – закричала Коринда, схватила столик и швырнула в Луча, разлетались самодельные украшения. Стол задел голову Луча и сбил его. Она схватила Дану за запястье.

– Идем, – прокричала она и потащила ее к двери. Dana сначала сопротивлялась, желая покончить с этим, но Луч уже поднимался. Его ничто не могло остановить? Кем он был?

Он оскалился, как волк, и пошел к ним.

Dana и Коринда побежали, перепрыгивая упавшие столы, пытаясь добраться до двери. Dana не знала, как серьезно она ранена, но двигаться еще могла. Она еще была жива.

Несмотря ни на что, Коринда вытолкнула Дану первой и повернулась, чтобы заблокировать путь Лучу. Нож вспыхнул, и она упала с криком, резким и высоким, как у чайки. Но, даже упав, она обхватила пояс Луча руками, чтобы замедлить его.

– Беги... – просипела она. – Dana... беги.

Dana побежала.

Ее сердце было разбито, но она бежала.

Она хотела встать и биться, сокрушить этого мужчину. Убить его. Но она сомневалась, что его можно убить.

И она бежала. Она ощущала, как под одеждой течет кровь.

Она слышала, как он бежит за ней.

Быстро. Несмотря ни на что, так быстро.

Он догонял ее, она была на середине улицы. В окнах потемневшего магазина на другой стороне она видела отражение своего тела, бегущего вперед, и мужчины за ней, так близко, одна рука тянулась к ней, в другой был зажат окровавленный нож.

Вдруг ее ослепили фары, появилась машина. Здесь. Она загудела. Двигатель ревел, но тормоза не скрипели. Машина мчалась к ней.

Она услышала ужасный хруст.

Но не ее тело поднялось и полетело по воздуху. Dana отшатнулась и упала. Она растянулась у тротуара, обернулась. Тело ужасно болело. Она увидела, как Луч падает на машины, припаркованные с другой стороны. Машина, ударившая его, затормозила и врезалась в одну из припаркованных машин.

Она знала эту машину.

Это было странно, но она знала ее.

Она услышала, как открылись двери, и свет фар озарил фигуры. Тонкая фигура вышла из-за руля, крупная фигура – со стороны пассажира. Маленькая фигура выбралась с заднего сидения.

Они побежали к ней.

– Dana! – закричала Мелисса.

– О боже, – кричала мама.

– Нет, нет, нет, – стонал папа, они окружили ее, подняли ее, прижали к себе.

В дверях напротив стояла Коринда, рука зажимала кровоточащий бок. На земле, раскинувшись, как пугало, был Луч. Его пальцы сжимались и разжимались. Еще живой.

Но не вставал.

Раздался новый звук. Вой. Огни. Красные и синие. Люди. Больше лиц. Она подняла голову и увидела дядю Фрэнка и детектива Симпсон. Она увидела других офицеров. Людей. Вдали над улицей в небе вспыхнула молния, окрашивая тучи белым огнем.

Мама прижимала ее к себе, папа поцеловал ее голову, а Мелисса держала ее за руку.

ГЛАВА 83
Дом Скалли
10 апреля, 17:11

Она лежала в коконе из одеял на диване день за днем.

Ее колено и живот зашили, три стежка было на голове. Она не знала, откуда там рана. Ей было все равно.

Дана не ходила в школу. Школа ходила к ней. Мистер Штернхольц и медсестра заходили. Они принесли цветы. Они извинились. Она мало говорила с ними, и они ушли.

Дядя Фрэнк Хейл приходил с напарницей. Детективы сказали ей, что нашли Затмение в благовониях. У них были показания Анджело Луца и Коринды Хоуэлл. Никто не верил, что Dana по своей воле принимала наркотики. Она промолчала, и они ушли.

Школа прислала психолога. Больница – тоже. Они говорили ей, что ее видения были всего лишь результатом Затмения. Сначала Dana возражала и спорила, но с каждым днем в это верилось все проще. Ее накачали, и всему, что она видела наяву или во сне, что она помнила, нельзя было доверять. Столько лжи и предательств смешалось из-за Луча, Коринды и Затмения, что Dana хотела бы вырезать все это из головы.

Психологи были рады ее новой цели. Они улыбались ей. А со временем перестали приходить.

Коринда была в больнице, но и в новостях. На каждом канале и в газетах. Как то она стала той, кто одолел безумца по имени Луч.

Анджело тоже был в новостях. Маленькая заметка, что обвинения сняты. Никто его не допрашивал. Он был в больнице, где ему светило пробыть недели, и врачи не были уверены, что он выкарабкается. Потеря крови, шок, серьезная травма толкнули его к краю. Это ранило Danу. Она молилась за него каждую ночь, сжимая золотой крестик.

Этан приходил и сидел с ней каждый день после уроков. Он приносил ей цветы, шоколад и книги. Они держались за руки и почти не говорили. На это будет время.

– Какой твой вердикт? – спросил он одним днем.

– Насчет чего?

– Сил медиума. Становления чем-то новым. Все в клубе науки просят меня узнать, что ты думаешь. Сейчас. После всего этого. Стало понятнее?

– Это дело доверия, – сказала она после долгой серьезной паузы.

– Доверия? – спросил Этан. – О чем ты?

– Все врали мне об этом. Все это было... – она замолчала и покачала головой. – Я даже не могу думать об этом без содрогания. Я доверяла им. Я открыла им сердце, а они поиграли со мной.

– Да, но когда тебя это оставило? Разве у тебя не остались силы?

– Кто знает? Меня подпитывали все время. Я хочу закрыться от этого. Ничего хорошего это мне не принесло. Все, кого я знаю, пострадали от этого, – она тряхнула головой.

– Хочешь сказать, что это не было правдой? – спросил Этан. – Видения были точными.

Она ответила не сразу.

– Я... не знаю. Некоторые части я не могу объяснить. Видения были и до того, как мы переехали. И как я увидела Мейси так четко, в подробностях. Если Затмение пробудило во мне видения, то почему я видела ее? Как я могла знать столько о ней? Что это было? А если это смешались догадки, детали из Библии и новостей?

– Тиса настаивает, что силы медиумов реальны, – сказал Этан, – а она редко верит во что-то странное. Но она считает, что это – часть науки, и мы просто пока не узнали, как это измерять.

– Возможно. Если так, то я дождусь, пока мы сможем это измерять. А пока я этому не доверяю.

– Тогда во что ты веришь, Дана? – спросил он.

– В науку, – сказала она. – Все сводится к этому. Химия, психология, судмедэксперты. Это точно существует, и тогда я могу с этим справляться. Да... наука. Мне нравится наука. Я могу доверять науке.

– Так ты тоже хочешь стать судмедэкспертом?

Она подумала об Анджело на грани смерти в больнице. Она коснулась крестика.

– Анджело все еще может умереть, – сказала она. – Хотелось бы как-то помочь ему. Когда он истекал кровью, я застыла. А нужно было приложить компресс. Я могла что-то сделать, но не сделала.

Она тихо сидела мгновение.

– Как-то у меня на руках умер садовый уж, – Этан вскинул брови, но не спрашивал.

– Я не позволю этому повториться, – поклялась она. – Если я могу кому-то так помочь, я хочу это сделать, – она подумала и покачала головой. – Нет, ты можешь быть судмедэкспертом, Этан. Это круто, но это слишком далеко от людей.

– И что будешь делать ты?

– Не знаю, – она пожала плечами. – Может, займусь медициной.

* * *

Он ушел, и Мелисса села на краю дивана подальше от Дании. Они смотрели друг на друга, долго не говорили. Мелисса была с новыми кристаллами на шее, Дана такие еще не видела. Недавнее приобретение или подарок? Дана знала, по крайней мере, откуда.

– Ты ошибаешься насчет нее, – сказала Мелисса.

– Насчет Коринды? – Дана фыркнула и покачала головой. – О, ладно тебе. Мисси, ты не можешь сидеть тут и говорить, что все еще ей веришь.

– Конечно, верю. Она спасла тебе жизнь, Дана.

– Она врала обо всем.

Мелисса покачала головой.

– Она все время говорила правду.

– Она соврала насчет Анджело.

– Она – человек, – рявкнула Мелисса. – Все могут ошибаться. И это Луч мешал ей увидеть всю правду.

– Вот как? – осведомилась Дана. – Она ошиблась или это был Луч?

– Оба. Коринда делала все, чтобы помочь тебе, помочь всем в городе. Если бы не она, ты умерла бы, и убийства не прекратились бы. Ты об этом думала?

Дана уставилась на нее.

– Я... даже не знаю, как ответить на это.

– Потому что ты знаешь, что я права.

Дана отвернулась и смотрела на стену.

– Нет, я знаю не это.

Мелисса молчала. Дана оглянулась через пару минут и увидела, что сестра ушла. Она этого и не услышала.

Она это ощущала.

* * *

Семья приходила в себя от кризиса, как после урагана или торнадо. Они вернулись к повседневным делам. Папа много времени проводил на работе. Мама и Чарли тихо жили в себе. Бабушка была бабушкой.

Мелисса была там, но что-то в ней изменилось. Или, может, изменились их отношения. Мелисса все еще верила в Коринду, ее силы и мнение. Дана – нет

Она верила, что Луч был безумцем. А Коринда врала.

И Дана ощущала перемену в сердце. Оно не разбилось, но замерзло. Она ощущала это. Мир стал холоднее. Отпрянул от большого мира в тот, который был понятнее, хоть и страшнее.

Она много думала о боге и дьяволе. О добре и зле. Всю жизнь Дана принимала «зло»

частью мира, не задумываясь, чем оно было. Что оно означало. А теперь ей пришлось рассмотреть его шире, чем в воскресной школе. Как что-то живое в мире. В ее мире.

Она видела зло. Она смотрела ему в глаза.

Она не понимала его. Было ли зло вложено дьяволом в сердца и разумы людей? Этот ответ был простым.

Но это был не ответ. Для нее он не подходил.

Дана не знала, изобрели ли зло люди. Это было ужасно, но это казалось логичнее для нее. Это означало, что люди, хорошие и плохие, были в ответе за то, какие они и что делали.

Луч был злом. В этом она была уверена.

Но почему? Он был болен? Какие-то обиды повредили его? Так говорили в газетах. Репортеры все повторяли это, говоря о «природе» и «воспитании». О том, как его биология была в ответе за влияние на это, и как влияния в жизни сделали его таким. Если это было так, то он был злым или больным?

Но... было ли это правдой? Многие люди страдали от издевок, обижались. И лишь некоторые из них ранили других. Это для Даны не было оправданием. Это было не логично.

Природа? Воспитание?

Это не было определением зла. И, пока она думала об этом одинокой ночью, она поняла то, что подходило к этому, подходило для Луча. Был третий пункт.

Природа.

Воспитание.

И выбор.

Это, по ее мнению, было злом.

Это имело смысл. Подходило под логику и науку. Но это пугало ее так, что она всю ночь не спала. Dana знала, как всю правду, что не могла теперь забыть это.

Для некоторых людей зло было выбором.

ЭПИЛОГ

-1-

Шоссе 63

У городской черты Крейгера

10 апреля, 23:11

Офицер ехал на рабочей машине, он заглушил сирену, как только въехал в город, но оставил мигать красно-синие огни. Они с напарником сидели в напряженной тишине.

Ночь была мрачной, горы туч озаряли вспышки молнии от грядущей бури. Ветер терзал и менял облака, так что стена бури казалась скалами, поднимающимися на тысячи футов над Крейгером. Молния в тучах показывала вены и трещины, словно небо разделилось на куски и падает на город.

Машин не было. Водитель включил фары и обыскивал дорогу без тротуара, которая вела к карьеру, заброшенному в шестидесятых.

Впереди мигали фары.

Офицер остановился в тридцати футах, скрипнув шинами по старому гравию и мертвым лозам. Машины стояли там полминуты, лишь вспыхивали фары. А потом открылись двери черного седана. Сияющая отполированная машина была такой же черной, как костюмы двух мужчин, вышедших из нее. Они медленно прошли к машине офицеров. Один из мужчин попросил пальцем опустить окно. Водитель послушался.

— Приступим, — сказал низкий мужчина. Его рыжие волосы казались почти черными в сине-красных огнях.

Офицеры переглянулись, но не двигались. Агент Герлак полез во внутренний карман и вытащил конверт. Он притворился, что отдает его водителю, отдернул руку, рассмеялся и отдал конверт.

— Не стоит издаваться, — сказал офицер за рулем. — Мы это заслужили.

— Конечно, — сказал Герлак.

Копы заглянули в конверт, второй офицер большим пальцем проверил стопку пятидесятидолларовых купюр. Их было много. Они кивнули друг другу, офицер спрятал конверт в бардачок. Они вышли из машины. Второй офицер вытащил револьвер, пока его напарник открыл заднюю дверь. Он вытащил оттуда пленника. Луч рухнул на землю, застонал от боли. Его лицо было в крови, глаза опухли, одно ухо было почти оторвано. Он встал на колени и сплюнул кровь на землю. Кровь и кусочки зубов. Его руки были скованы за спиной.

— Он выглядит ужасно, — сказал Дэнни, он был за рулем черного седана.

— Похоже, нарвался не на ту девочку, — рассмеялся офицер.

— Похоже на то, — согласился Герлак. Они смеялись, а Малcolm Герлак вытащил пистолет и пристрелил обоих офицеров. Два в тело, один в голову. Шесть точных выстрелов.

Его водитель на миг отвел взгляд, вдохнул, кивнул и поднял Луча на ноги. Убийца встал, пошатываясь, отчасти в сознании.

Герлак прошел к пассажирскому месту патрульной машины, склонился, открыл бардачок и забрал конверт денег. Он вытащил одну купюру в пятьдесят, сунул под ногу одного из копов. Еще две он бросил в кусты, а потом подошел и запихал надежнее в ветки.

— Зачем вы это делаете? — спросил его напарник.

— Это запутает, — сказал Герлак. — Купюры с ограбления банка в Рено четыре года назад. Тогда никого не арестовали. Они с ума сойдут, пытаясь понять, к чему это.

Луч смотрел на это, приоткрыв опухшие глаза, его тело напряглось в ожидании грядущего.

— И что вы запланировали для меня? — спросил он, голос был полон боли, слышалось, что он потерял часть зубов. — Они найдут меня на дороге убитым при попытке

побега?

Герлак и Дэнни переглянулись и рассмеялись. Коротко. Жестоко. А потом Герлак выудил ключ и расстегнул наручники Луча.

– На тебя потратили много денег, – сказал Герлак. – То, что ты испортил здесь все, не означает, что ты закончил работу. Проект продолжается.

– Я хочу...

– Нет, – сказал Герлак. – Это не разговор. Залезай в машину. Самолет ждет.

Луч долго смотрел на Герлака. А потом кивнул, развернулся и пошел к ожидающему седану. Дэнни стоял с Герлаком между двух мертвых офицеров. Дорога была на возвышенности, и внизу было видно огоньки Крейгера и тучи над ними. Влажный воздух искасал изображение, и казалось, что весь город дрожит в предвкушении бури.

– Что дальше? – спросил Дэнни. – Попытаемся дальше искать подход к девчонке Скалли.

– Нет. Дана Скалли – это тупик, – сказал Герлак.

– Ее папа обрадуется.

Рыжеволосый агент пожевал жвачку, а потом ответил:

– Мы не работаем для счастья Билла Скалли, малец. Он делает, что ему сказано, потому что знает, что будет, если он ослушается.

Дэнни кивнул.

– А что делать с рисунком Луча в церкви? Сжечь или...?

– Нет. Водители, которым все время плохо, пусть займутся этим. Отмоют стены, уберут все улики. Все там вычистят.

– Кровь и все остальное? Им это не понравится.

– В том и дело.

Дэнни улыбнулся и кивнул. Они посмотрели на огни городка.

– Хорошо, – сказал он. – Что теперь?

– Теперь, – сказал Герлак, – нас ждет план Б.

–2–

Дом Скалли

16 апреля, 2:26

Прошло десять дней с боя в «Вне пределов». Врач в больнице сказал, что Анджело Луц пошел на поправку.

Дана уснула после двух часов ночи. Мама с папой сказали, что она могла оставаться дома, сколько пожелает. Это было хорошо, потому что ей нужен был сон.

И она спала.

Крепко, впервые с переезда Скалли в Крейгер, и без снов.

Никаких снов, видений и кошмаров.

Она улыбалась во сне.

–3–

Штаб–квартира ФБР

Вашингтон

16 апреля, 23:48

Спецагент Делберт Албриттон поднял голову, когда открылась дверь кабинета. Люди редко приходили в этот отдаленный уголок здания, обычно только из–за того, что заблудились. Он не помнил, когда кто–то приходил к нему в последний раз. И так поздно. Потому Албриттон предпочитал оставаться допоздна.

Мужчина, вошедший в кабинет, был высоким, в простом сером костюме и галстуке. Он был без именного бейджика, но Албриттон знал его. Он слышал об этом человеке, и некоторые истории пугали его больше, чем дела, которые Албриттон расследовал в своем отряде.

– Чем могу помочь, сэр? – спросил Албриттон.

Высокий мужчина посмотрел на папку, что оказалась на столе Албриттона меньше часа назад. Папка была открыта, там были фотокопии из отделения шерифа Крейгера, а еще фотографии нескольких десятков людей, включая милую девушку с рыжими волосами. Мужчина посмотрел на содержимое, а потом провел пальцем по краю папки и закрыл ее.

– Что вы делаете? – спросил Албриттон.

Мужчина холодно улыбнулся ему.

– Это дело закрыто. Не нужно дальнейших действий.

– Но я только получил его.

Высокий мужчина выудил из кармана пиджака паку сигарет «Морли», вытряхнул одну, зажег ее серебряной зажигалкой, а потом затянулся.

– Простите, – сказал Албриттон, – здесь не разрешают курить. Плохая вентиляция.

Мужчина выдохнул голубой дым.

– Мы можем это починить, агент.

Он посмотрел на закрытую папку.

– Увидимся.

Он ушел, выдыхая дым ноздрями, как дракон.

**КОНЕЦ ИСТОРИИ

А 1-ю книгу сможете прочитать в группе https://vk.com/beautiful_translation